

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VII(II)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК VII (II)

СЕРИЯ В. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2011**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VII (II). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. – 78 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях секции «Международные отношения» Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2010 г.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории международных отношений и политологии.

Редакционная коллегия:

Трифонов В.А.,	кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузицин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политологии ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Хапаев В.В.,	кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).
Викторов Ю.Г.	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие _____	4
Геополитика	
<i>Иванов Д.Ю.</i> Россия в Причерноморском регионе. Проблемы и перспективы российско-украинского сотрудничества	6
<i>Ирхин А.А.</i> Модели и условия реинтеграции Большого евразийского пространства	10
<i>Лукаш В.Я.</i> Актуальные проблемы глобализации на современном этапе	17
<i>Пашковский П.Я.</i> Интеграционная политика России в отношении новых независимых государств: методология определения параметров	19
Международная безопасность	
<i>Малафеев Л.Ф.</i> Российско-турецкий фактор стабилизации Причерноморья	26
<i>Мартынкин А.В.</i> Основные направления деятельности исламистского руководства Турции по превращению страны в региональную державу	29
Диалог цивилизаций	
<i>Кричун М.М.</i> К истории российской арабистики	35
История международных отношений	
<i>Нелина Л.П.</i> «Левый поворот» в Латинской Америке: концепции в историографии	39
<i>Ракицкий Д.С.</i> Роль Османов в развитии исламской государственности	46
<i>Тупота О.М.</i> Госсекретарь М. Олбрайт: личностный фактор в формировании и реализации региональной политики США	50
Практическая политика	
<i>Чорный С.П.</i> Структура электоральной стратегии	58
Научное творчество студентов	
<i>Кардаильская Д.А.</i> Теория и практика народовластия в Соединенных Штатах Америки в конце XVIII – середине XIX вв.	61
<i>Цымбалова Е.В.</i> Императив сильного федеративного государства в трудах «отцов-основателей» США	68
<i>Шевченко Е.И.</i> Проблемы формирования и пути развития Института гражданского общества в Украине	72
Сведения об авторах _____	77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научная конференция «Лазаревские чтения» проводится в Филиале МГУ в городе Севастополе с 2002 года. С 2005 года в рамках конференции работает секция «Международные отношения в Причерноморье». Необходимость выделения этой секции в самостоятельное направление возникла в связи со значительным интересом участников форума к проблематике, связанной с различными аспектами международной политики в Причерноморье.

В предлагаемом выпуске сборника представлены избранные статьи, подготовленные участниками конференции 2010 года. Статьи представлены в шести разделах, отражающих основные направления научной дискуссии в рамках секции: геополитика, международная безопасность, диалог цивилизаций, история международных отношений, практическая политика. Отдельный раздел посвящен научному творчеству студентов.

В статьях первого раздела в основном анализируются процессы, связанные с изменением геополитической ситуации в Евразии. Наиболее интересным в этом разделе представляется исследование А.А. Ирхина "Модели и условия реинтеграции Большого евразийского пространства", вызвавшее бурное и весьма продолжительное обсуждение в ходе работы секции. Проблемы реинтеграции постсоветского пространства в той или иной степени волновали всех авторов раздела "Геополитика". Например, Д.Ю. Иванов в своей статье "Россия в Причерноморском регионе. Проблемы и перспективы российско-украинского сотрудничества" обобщил опыт сотрудничества и представил ряд конкретных рекомендаций по его углублению между двумя влиятельными "игроками" в Причерноморском пространстве – Россией и Украиной. Методологическим проблемам изучения интеграционных процессов на постсоветском пространстве посвящена статья П.Я. Пашковского "Интеграционная политика России в отношении новых независимых государств: методология определения параметров. Влияние объективного процесса глобализации на население евразийского пространства анализируется в статье В.Я. Лукаша "Актуальные проблемы глобализации на современном этапе".

В разделе "Международная безопасность" рассматриваются различные аспекты возрастания роли Турции Каспийско-Черноморском регионе. Проблемам и перспективам турецко-российских отношений посвящена статья профессора Л.Ф. Малафеева "Российско-турецкий фактор стабилизации Причерноморья". В статье А.В. Мартынкина представлен анализ основных направлений деятельности руководства Турецкой Республики по превращению страны во влиятельную региональную державу.

Статья М.М. Кричуна "К истории российской арабистики", представленная в разделе "Диалог цивилизаций", содержит интересный материал историографического характера, посвященный развитию изучения в России арабской культуры.

Статьи раздела "История международных отношений" посвящены малоизученным, но актуальным вопросам дипломатии и международной политики. Л.П. Нелина представила анализ основных историографических концепций "левого поворота" в странах Латинской Америки – интересного процесса, происходящего буквально на наших глазах, но, к сожалению, остающегося пока практически вне поля зрения украинских исследователей. Д.С. Ракицкий рассматривает роль османской социально-политической системы в развитии идей строительства исламского государства. Интересный материал по всегда актуальной проблеме "роли личности

в истории" представлен в статье О.М. Тупоты "Госсекретарь М.Олбрайт: личный фактор в формировании и реализации региональной политики США".

Весьма актуальным для Украины вопросам планирования и проведения предвыборной кампании посвящена работа С.П. Чорного "Структура электоральной стратегии" в разделе "Практическая политика".

В раздел «Научное творчество студентов» вошли дополняющие друг друга исследования Д.А. Кардаильской "Теория и практика народовластия в США в конце XVIII - середине XIX вв." и Е.В. Цымбаловой "Императив сильного федеративного государства в трудах "отцов-основателей" США". В статье Е.И. Шевченко поднимаются проблемы формирования гражданского общества в Украине.

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

ГЕОПОЛИТИКА

РОССИЯ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Иванов Д.Ю.

**Российская академия государственной службы
при Президенте РФ (г. Москва)**

Причерноморье традиционно является зоной стратегических интересов Российской Федерации. На протяжении столетий Россия стремилась выйти к берегам Черного моря и надежно на них закрепиться, чтобы обеспечить себе безопасность, социально-экономическое развитие, усилить влияние в мире. С распадом СССР конкуренты России на международной арене предпринимают попытки «выдавить» ее из Причерноморья, нивелировать влияние Российского государства в регионе.

Несмотря на это, и сегодня Российская Федерация остается одним из основных акторов на геополитическом пространстве Причерноморья, хотя ее позиции в регионе во многом сохраняются «по инерции». При этом она значительно уступает по степени влияния другому мощному региональному игроку – Турции, являющейся страной-членом НАТО. Из семи признанных мировым сообществом государств черноморского региона, три уже состоят в Североатлантическом альянсе (Болгария, Румыния, Турция), еще три государства (Украина, Грузия, Молдавия) в разное время декларировали цель вступить в НАТО. Таким образом, Североатлантический альянс становится все более доминирующей силой в Причерноморье, тем более что он декларирует стремление к дальнейшему расширению.

Следует помнить, что в Причерноморье тлеют и периодически обостряются региональные конфликты, вызванные борьбой за этнотерриториальные переделы на обломках СССР: Приднестровский, Абхазский, Югоосетинский, Чеченский, Осетино-ингушский, Нагорно-Карабахский.

В то же время, регион Причерноморья представляет несомненный интерес для мирового экономического сообщества, в том числе и благодаря проектам транспортировки энергетических ресурсов из России, стран Закавказья и Средней Азии. Входящие в Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) государства с населением около 330 млн. человек [1] это огромный потенциальный рынок, богатый природными ресурсами, обладающий мощной производственной базой, квалифицированной рабочей силой.

Все эти факторы оказывают непосредственное влияние на формирование внешней политики и политики национальной безопасности современной России.

С 2004 года политика России в отношении стран СНГ стала более прагматичной, но ее национальные интересы в Причерноморье так и не были сформулированы. Значительные изменения векторов внешнеполитических приоритетов причерноморских стран требуют перма-

нентных корректив внешнеполитического курса России. То есть, Россия реагирует на меняющуюся международную повестку дня, но редко сама ее формирует.

При этом, политика новых независимых государств Причерноморья зачастую более активна, чем российская, хотя и не всегда конструктивна. Политику Украины, Грузии и Молдавии можно охарактеризовать как трансграничный регионализм, направленный против бывшей метрополии [5, с. 17]. Перманентная борьба за власть между антагонистическими группами элит названных государств часто проходит под лозунгами геополитической ориентации либо на Запад, либо на Россию. Смена власти в этих государствах приводит и к смене внешнеполитических векторов. Такая нестабильность и непредсказуемость новых независимых государств крайне негативно сказывается не только на Причерноморском регионе, но и на общеевропейской безопасности, порождает новые угрозы России: ее энергетическому транзиту, интересам и правам российских соотечественников за рубежом и т.п.

Существующие на сегодняшний день разнообразные вызовы требуют выработки комплексного подхода к определению национальных интересов России и механизмов их эффективной реализации во взаимоотношениях со странами Черноморского региона. Возможности действующих в Причерноморье межгосударственных объединений, в которых Россия принимает участие (ОЧЭС, военно-политическое объединение «Блэксифор» и «Черноморская гармония»), представляются в этом плане перспективными, но недостаточно эффективными на современном этапе. Поэтому, более важным представляется развитие двустороннего партнерства России со странами Причерноморья.

Среди них важнейшим партнером представляется Украина. И не только потому, что на ее территории базируется большая часть Черноморского флота России, что две восточнославянские страны имеют общие корни и протяженную общую границу. Но в первую очередь потому, что Украина является крупнейшим и наиболее перспективным торговым партнером России в Причерноморье.

Россия уже сейчас – крупнейший торговый партнер Украины, занимает второе место по объему вложенных в экономику этой страны инвестиций. По состоянию на 1 января 2010 года российский бизнес инвестировал в экономику Украины 2674,6 млн. долл. США (7% от общего объема прямых иностранных инвестиций). За счет этого показателя, Россия переместилась с 6-го на 4-е место в рейтинге десяти ведущих стран-инвесторов. Российские компании, в основном, отдают предпочтение инвестициям в базовые отрасли украинской экономики – топливно-энергетический комплекс, химическую промышленность, металлургию, машиностроение и металлообработку, а также в банковско-финансовый сектор. В последнее время заметно увеличились инвестиции в строительство, гостинично-ресторанный бизнес, оптовую торговлю.

В 2008 году в общем объеме экспорта товаров Российской Федерации Украина занимала 5-е место (5%) после Нидерландов (12,5%), Италии (9%), Германии (7,1%) и Турции (5,9%), опережая Китай (4,5%), Польшу (4,3%), Финляндию (3,4%), Великобританию (3,2%), США (2,9%), Казахстан (2,8%) и Францию (2,6%). В импорте Украина занимала 4-е место (6,1%), уступая лишь Китаю (13%), Германии (12,8) и Японии (7%) [4].

Доля Украины в общем товарообороте России в 2009 году составила 4,9% (в 2008 году – 5,4%). По итогам 2009 года, Украина является 6-м по величине торговым партнером России после Нидерландов (39,9 млрд. долл. США), Германии (39,9 млрд. долл. США), Китая (39,5 млрд. долл. США), Италии (32,9 млрд. долл. США) и Республики Беларусь (23,4 млрд. долл. США) [6].

Доля 11 регионов в общем объеме товарооборота Российской Федерации с Украиной в 2009 году составила 77%, в том числе город Москва – 33%, Тюменская область – 9%, Белгородская область – 8%, Ростовская область – 6%, Московская область – 5%, Санкт-Петербург – 4%, Татарстан – 3%, Нижегородская область – 3%, Кемеровская область – 2%, Самарская область – 2%, Волгоградская область – 2% [6].

Основными товарными группами в двусторонней торговле являются: топливно-энергетические ресурсы, продукция машиностроения и металлургической промышленности, «минеральные продукты», продукция химической промышленности, продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, металлы и изделия из них, древесина и целлюлозно-бумажные изделия.

С избранием В.Ф. Януковича президентом Украины отношения между государствами выходят на качественно новый уровень. Официально дан «зеленый свет» российским инвестиционным вложениям в экономику Украины, что дает возможность повысить значение России в Причерноморье, обеспечить национальные интересы на взаимовыгодных с Украиной условиях, а также обеспечить проведение эффективной и действенной политики в отношении российских соотечественников, проживающих в этой стране.

В сложившейся ситуации особую роль вновь приобретает Севастополь как главная военно-морская база Черноморского флота. Стратегическое положение этого города, его культурно-историческое значение для России, создают необходимость выработки особого «севастопольского» направления во внешней политике РФ. В противном случае, неизбежна утрата влияния России в Севастополе, что приведет к чувствительному удару по ее национальным интересам: выдавливанию на периферию Причерноморья, отбросит к эпохе до петровских завоеваний. Россия потеряет возможность оперативно реагировать на возникающие угрозы в регионе, противостоят расширению НАТО на восток, в том числе, и созданию базы Североатлантического альянса в Севастополе, утратит связь с сотнями тысяч высококвалифицированных и пророссийски настроенных соотечественников, проживающих в Севастополе и Крыму.

Подобный сценарий, весьма желательный для недругов России, но абсолютно неприемлемый для нее самой, стал бы очередным шагом в губительной политике «ампутации империи», проводившейся в начале 90-х гг. XX в., стал бы катализатором дезинтеграционных процессов в самой Российской Федерации, еще более усилил бы позиции США в Причерноморье.

Сегодня складываются благоприятные условия для перехода России к активной наступательной политике в Черноморском регионе и, в частности, в Автономной Республике Крым и Севастополе. Этому способствуют установление дружественных и партнерских отношений с Турецкой Республикой, наметившееся улучшение отношений с Республикой Польша, избрание нового президента Украины. Однако пока что Российская Федерация не выработала интересных и привлекательных проектов, способных вывести Севастополь и АР Крым на новый уровень развития.

Благоприятное отношение крымчан и севастопольцев к России проявляется в силу исторической инерции. Положительный образ России существует, в основном, благодаря, романтическому представлению об исторической Родине, сформировавшемся в среде русскоязычных жителей полуострова. Единственный действенный инструмент присутствия России в Крыму – Черноморский флот – в последние годы дистанцировался от жизни Севастополя и полуострова в целом. Проводимые реформы по созданию «нового облика» российской армии, влекущие за собой массовое сокращение гражданского персонала российских гарнизонов на территории Украины, наносят существенный ущерб имиджу России в глазах крымчан.

Для исправления негативных тенденций, представляется целесообразным рассмотреть наметившийся выход России из экономического кризиса как возможность обратить внимание на высокий инвестиционный потенциал Севастополя для развития инновационной деятельности, транспорта и рекреации. Существенное падение цен на различные активы, находящиеся как в собственности города, так и в частных руках, позволяют России и ее бизнес-структурам в посткризисный период максимально выгодно инвестировать в Севастополь. Рост числа предприятий и учреждений, принадлежащих Российской Федерации или российскому бизнесу, будет способствовать укреплению позиций России в регионе, закреплению её влияния, сохранению единого культурного и информационного пространства, будет стимулировать присоединение Украины к ЕЭП.

В связи с достигнутыми 21 апреля 2010 года договоренностями между президентами России Д.А. Медведевым и Украины В.Ф. Януковичем о продлении базирования Черноморского флота в Севастополе, участии флота в развитии города (реформирование ЖКХ, строительство жилого фонда, транспортной инфраструктуры), возрастает роль Черноморского флота в социально-экономическом развитии региона [3]. При этом не следует забывать о том, что гарнизоны ЧФ РФ находятся и в других населенных пунктах полуострова, которые также нуждаются во внимании России и российских инвестициях.

Следует также уделять особое внимание информационным и образовательным проектам в Севастополе. Целесообразно организовать реализацию российских книг и учебников в мага-

знах Севастополя, обеспечить их поступление в городские и школьные библиотеки. Расширить сеть детских садов и школ, в которых смогут получать высококачественное образование по стандартам Российской Федерации не только дети военнослужащих Черноморского флота, но и севастопольцев. Необходимо создать условия для повышения квалификации преподавательского состава школ украинской юрисдикции с русским языком обучения, организовывать регулярные экскурсии для севастопольских школьников в российские регионы, проводить совместные мероприятия со школьниками из России в Севастополе и Крыму.

Необходимо активнее развивать приграничное межвузовское сотрудничество, ввести практику проведения регулярных форумов региональных приграничных ВУЗов России и Украины, внедрить систему обмена лучшими студентами и преподавателями. Особую роль в создаваемой системе должна быть отведена Филиалу МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, как потенциальному координатору приграничного и регионального сотрудничества ВУЗов двух государств, а также других стран Черноморского бассейна.

Целесообразно оказывать содействие в развитии медицины и медицинских услуг в Севастополе, регулярно включая севастопольских врачей в мероприятия по повышению квалификации медперсонала, проходящие в России, а также проводить их в Крыму. Необходимо оказывать систематическую материально-техническую помощь в оснащении больниц и поликлиник в населенных пунктах Крыма, в которых расположены российские гарнизоны, с обязательным информационным сопровождением в СМИ. Сегодня в этом направлении работает Правительство Москвы, но усилий властей лишь одного российского региона в этом направлении явно недостаточно.

Особое внимание следует уделить работе в рамках уже достигнутых договоренностей со странами Причерноморья, как в области экономики, так и сфере безопасности.

Сегодня складываются благоприятные условия для реализации крупных региональных проектов, напрямую связанных с Крымом и Севастополем. Например, строительство «Трансчерноморского автобана», который соединил бы все государства Причерноморья в единый транспортный коридор [2]. Этот проект имеет громадные перспективы для роста объема торговли России с Украиной и Турцией, особенно в преддверии проведения XXII зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году.

Реализация вышеуказанного комплекса мер, взаимовыгодные инвестиции в экономику Украины, приведут к значительному усилению роли России в регионе, сохранению и приобретению новых социальных связей между гражданами двух стран, росту объема торговли, увеличению глубины экономической интеграции, а значит, усилению роли России в Причерноморском регионе.

Источники и литература.

1. Ежегодные отчеты ОЧЭС. Электронный ресурс // Официальный сайт Организации Черноморского экономического сотрудничества. Режим доступа: www.bsec-organization.org/aoc/TradeEconomic/Pages/Reports.aspx
2. Материалы Саммитов ОЧЭС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Черноморского экономического сотрудничества. Режим доступа: www.bsec-organization.org/documents/declaration/ummit/Pages/summit.aspx
3. Подписано соглашение о продлении срока пребывания Черноморского флота на Украине на 25 лет [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/7514>
4. Российский статистический ежегодник за 2009 г. М.: Росстат, 2009. 795 с.
5. Ротов А. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России / Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
6. Справка по Украине [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicng/doc20101112_09

**МОДЕЛИ И УСЛОВИЯ РЕИНТЕГРАЦИИ
БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Ирхин А.А.

Таврический национальный университет им.В.И. Вернадского

Формирование новой системы международных отношений проходит в условиях, когда две модели - не устоявшиеся основы монополярного мира и продолжающийся распад биполярной системы – накладываются на новые тенденции развития международных отношений: экономическую и информационную глобализацию, противоречивые процессы интеграции и дезинтеграции государственных систем, усиление роли транснациональных компаний и изменение влияния национальных государств в мире, глобальный экономический кризис, который трансформировал, по всей видимости, на определенный исторический период внешнеполитические подходы великих держав.

Структурирование постбиполярной системы проходит в условиях, когда США – главный мировой игрок, ЕС – центр экономического и политического роста в Евразии, Восточная Азия - новый экономический гигант, подтверждают свой статус в новых геополитических условиях. В клуб государств, которые претендуют на лидерство различного масштаба и характера, постепенно входят Бразилия и Россия, что подтолкнуло экспертное сообщество определить новый блок потенциальных государств-лидеров - БРИК – Бразилия, Россия, которые присоединятся к уже очевидным – Индии и Китаю. В то же время, условия глобального экономического кризиса существенно ослабили экономический рост данной четверки. А наиболее энергетически богатая Россия по показателям ВВП понесла наибольшие потери.

При современном соотношении военной мощи и экономических показателей существует значительный потенциал конфликта, когда универсальный порядок, по форме основанный на доминировании США, подрывается существованием полицентрической системы. Таким образом, два взаимосвязанных, но фундаментально разных процесса – глобализация и регионализация – являются парадигмой международных отношений современного периода. При этом, они являются отражением ряда факторов технологического характера: экономическая и информационная глобализация, экологические проблемы, распространение инфекций и новых видов вирусов, техногенные аварии и т.д., которые приводят к интернационализации жизни современных государств, когда ряд проблемных вопросов может найти оптимальное решение в рамках интеграционных проектов.

Евразия, учитывая сосредоточение экономической мощи, демографических ресурсов, углеводородных запасов, а также военно-политических потенциалов государств, является главной целью субъектов мировой и региональной конкуренции.

Большое евразийское пространство (постсоветское пространство) занимает центральное место на евразийском континенте. Основная конкуренция за доминирующие позиции на нем разворачивается между США, Россией, Евросоюзом и Китаем. При этом первые два субъекта являются наиболее сильными антагонистами вследствие фундаментального различия геополитических интересов.

Проблемам развития факторов, оказывающих влияние на формирование новой системы международных отношений, посвящены научные труды следующих украинских исследователей: Б. Гуменюка, Е. Каминского, Ю. Пахомова, Ю. Павленко С. Юрченко [8], и их российских коллег: Т. Бордачёва, Б. Кагарлицкого, С. Караганова, В. Кувалдина, Ф. Лукьянова, В. Никонова, А. Панарина, А. Уткина, В. Цымбурского [6] и других.

В западном экспертном и научном сообществе данную сферу политической и исторической науки исследуют: З. Бжезинский, Б. Бюзан, Т. Грэм, М. Дойл, Д. Дрезнер, К. Кайзер, Р. Каплан, Ч. Капхен, П. Кеннеди, Р. Кеохейн, Г. Киссинджер, М. Коннелли, А. Козн, Г. Люндстад, Дж. Най, Ч. Мейер, А. Пар, Э. Тоффлер, Дж. Фридман, С. Хантингтон, [9] и другие.

Целью данного исследования является определение параметров наиболее перспективного и исторически оправданного интеграционного проекта на территории Евразии – евразийская модель интеграции постсоветского пространства, которая являлась бы привлекательной для элит и, что наиболее важно, в условиях демократизации обществ – населения независимых государств бывшего СССР. Автор не отрицает, при прочих равных, возможности интеграции данного пространства по сценарию альтернативных Москве геополитических центров, однако в данной публикации будут проанализированы условия и модели интеграции постсоветского пространства, где основным субъектом интеграционных процессов является Россия.

Задача статьи заключается в выявлении внешних и внутренних условий реинтеграции постсоветского пространства.

Под интеграционным проектом понимается концептуальная разработка и реализация экономической, военно-политической, культурной и гуманитарной программы по интеграции государств в систему взаимодействия, включающую в себя эффективную структуру вертикального и горизонтального управления и координацию субъектов и объектов интеграции (от латинского *integrare* — превращать в целое, *integer* — целое, *integratio* — восстановление, восполнение целого). Американский экономист Ф. Махлуп проследил ретроспективу данного термина и выяснил, что он возник не ранее 1942 г., но довольно быстро стал использоваться в международных экономических отношениях: международной торговле, движении капиталов, финансовой сфере и т.д. [7].

Интеграционный проект предполагает наличие, как субъекта, так и объекта процессов объединения.

Субъект интеграции – это центр геополитической силы, способный навязывать другим государствам свою волю и одновременно предоставить гарантии защиты и другие выгоды объектам интеграции. Он обладает рядом геополитических преимуществ, которые тождественны критериям великой державы. За основу таковых могут быть приняты: конфигурация поверхности территории, особенности государственных границ, численность населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух [10].

Объекты интеграционных процессов – это страны, в отношении которых реализуется интеграционный проект.

При этом, как правило, пределы интеграционных объединений в пространственном контексте определяются присутствием на данных территориях вооруженных сил конкурирующих сторон. Исследование традиций экспансии позволяет выделить особенности реализации интеграционных проектов. Так, в российской интеграционной традиции доминирует военно-политическая составляющая, подкреплённая выдвижением цивилизационной вселенской идеи интеграции (Москва – Третий Рим, советская интеграция под лозунгом всемирного объединения пролетариата и идеи социальной справедливости) и только потом экономической составляющей. В то же время, современная европейская интеграция с центром в Германии (ЕС) реализуется, главным образом, на экономической доминанте при военно-политических гарантиях Североатлантического альянса. США имеют возможность совмещать экономическую и военно-политическую составляющие.

Вплоть до конца 2008 года, на региональном уровне продолжался процесс распада СССР, который сопровождался усилением центробежных тенденций в уже существующих независимых государствах. При таких условиях на первый план выходят те обстоятельства и факторы, которые разделяют отдельные части бывшего Союза, а не объединяющие и центро-стремительные тенденции.

Однако все это не означает, что в новых независимых государствах на элитном и общественном уровнях исчезли объективные интересы, подталкивающие к взаимодействию и взаимовыгодному компромиссу. Элиты этих отколовшихся пространств ищут новой формы воплощения своих интересов в новых региональных объединениях.

На постсоветском пространстве параллельно реализуются и поддерживаются центрами силы как центробежные, так и центростремительные тенденции (ОДЕР, ГУАМ, СНГ, ЕЭП, ЕврАзЭС, ШОС). При этом для каждого из выдвигаемых проектов по ре-

гиональному объединению такие тенденции объективны. Ни один из предложенных за время существования постсоветского пространства интеграционных проектов не имеет абсолютных плюсов и минусов.

Почему же постсоветская интеграция не развивается, ведь пионером по количеству выдвигаемых проектов является традиционный для региона геополитический центр – Россия?

Системный ответ на данную проблему дает тезис российского исследователя А. Панарина, который отмечает, что интеграционный процесс имеет два взаимосвязанных аспекта: инструментально-прагматический; инфраструктурный, призванный обеспечить единое экономическое, информационное, правовое пространство; и духовно-ценностный, предназначенный для сообщения этому пространству высшего сакрального (ценностного) смысла [5, с. 267].

Исходя из методологии И. Валлерстайна, Россия, интегрируясь в капиталистический мир, сразу попадает в зону полупериферии за счет обладания природными ресурсами и смешанным (высокотехнологичным и традиционным, но конкурентоспособным ВПК). Причем окраины Большого российского пространства, при откалывании от центра, всегда скатываются на положение периферий с негативными экономическими и социально-политическими последствиями. Общими условиями для периферии и полупериферии является поставка сырья на внешние рынки, разрушение собственных производственных мощностей с высоким уровнем добавленной стоимости, которые не выдерживают конкуренции с зарубежными аналогами, полная зависимость социально-экономической системы от внешних рынков сбыта. Однако Россия при этом имеет ряд преимуществ: природные ресурсы в количестве, которое может поставить в зависимость, по крайней мере взаимную, поставщиков и потребителей, и потенциально развитый ВПК, способный защитить претензии на данные ресурсы от внешних сил.

Следовательно, на теоретическом уровне объективным стимулом интеграции постсоветского пространства с Россией является заинтересованность элит вывести свои общества из состояния периферии развитого мира. Однако здесь возникает важный в теоретическом и практическом плане момент – для элит постсоветского пространства «полупериферийный Кремль» ничем не лучше «непериферийного Запада».

В современных условиях, находясь в мировой хозяйственной системе, Россия на правах полупериферии, учитывая свой исторический опыт, обрекает себя на медленную деградацию, однако, именно такое положение отвечает интересам элит, которые приобщены к мировому центру сверхвысокого уровня потребления. Иной путь сулит изоляцию, которая, однако, позволяет за счет внутренних ресурсов изменить свое положение. Экономическая система СССР создавалась на основе идеи самодостаточности и минимальной зависимости от внешних факторов.

Как отмечает российский исследователь Б. Кагарлицкий: *«74 года советского эксперимента при всем его трагизме оказались временем беспрецедентного исторического величия, оплаченного столь же беспрецедентными жертвами. Эта отчаянная и героическая попытка вырваться из миросистемы завершилась поражением. Однако с крушением Советского Союза борьба не закончилась – ни для России, ни для мира. Она лишь вступила в новую фазу. В начале XXI века у России, как и у центра постсоветской интеграции, остается только один выход: изменить миросистему, преобразовать себя таким образом, чтобы одновременно изменился весь мир»* [1, с. 573].

Возможно, с полупериферийным положением связаны те беспрецедентные теневые потоки и масштабы коррупции, которые прослеживаются в экономиках постсоветского пространства. Эти действия связаны с желанием скрыть реальные доходы не только перед государством периферии, но и перед финансовым центром, мешая их перераспределению в пользу последнего.

Однако такая мотивация периферийной и полупериферийной элиты не дает ни единого шанса для интеграции постсоветского пространства, так как создание регионального экономического кластера вследствие интеграции должно быть сопряжено с несколькими условиями: модернизация, которая сулит, хотя бы временное, но отсоединение от финансового центра, ограничение потребления элитных групп, ответственность перед собственным населением, а не перед мировым экономическим и финансовым центром, разделение груза модернизации

между всеми слоями, включая олигархические круги и государственную бюрократию, что автоматически ставит вопрос о коррупции элитарных слоев, и т.д.

Сам процесс модернизации экономической системы может проходить по трём ключевым направлениям: инновационной, индустриальной и сырьевой. Каждая из приведенных типов экономической и общественной модернизации имеет свои плюсы и минусы.

Анализ и моделирование развития экономической российской системы позволяет выделить две модели ее развития. Первая – российская экономика является системным элементом капиталистической западной экономики с характерными чертами сырьевой специализации и поставки продуктов на внешний рынок с низкой добавленной стоимостью. Российская элита при этой модели становится частью мировой и начинает поддерживать свой высокий уровень потребления за счет сверхэксплуатации ресурсов государственной системы, продолжается ситуация финансовой зависимости, в государстве растет социальная поляризация.

Вторая модель – это развитие российской экономики как антисистемы в отношении Запада и создание собственной самодостаточной базы на основе автаркии экономики. В этот период происходит модернизация российского пространства, репрессивные меры в отношении олигархических слоев (элиты, интегрированной в западную систему потребления, и не желающей участвовать в модернизационном проекте), создается технологическая и материальная база, позволяющая данной системе поддерживать свой проект на протяжении жизни нескольких поколений. Основой данной системы является военно-промышленный комплекс и меры по контролю за потреблением элитарных слоев российского общества, что является важным элементом в системе, производящей, в силу целого комплекса причин, национальный продукт с невысоким уровнем конкурентоспособности.

Исторический опыт показывает, что интеграция постсоветского пространства возможна в двух случаях: и в положении полупериферии, и с процессами глубокой модернизации.

Первый путь сулит большую зависимость от финансового мирового центра и ставит в полную зависимость бюджетные обязательства социальной структуры от цен на нефть и другие углеводородные ресурсы. Однако он может сам потерять смысл, если цены на сырье упадут до уровня, когда будет выгодно исключительно сырьевая специализация (период до 70-х гг. XX века).

Второй предполагает самодостаточность, функциональность и долговременность.

В исторической ретроспективе поворотными моментами перехода российского пространственного проекта от системной к антисистемной модели развития в отношении Запада являлись: 1565 год – введение опричнины и 1929 год – отмена новой экономической политики. Обратными поворотными точками бифуркации были 1860 г., и конец 80 гг. XX века. В первом случае представители российской элиты были вынуждены бежать в 1917 году, во втором антисистемный в отношении Запада проект был «продан» элитарными слоями СССР, которых уже не устраивали возможности потребления в советской социальной системе. В обоих случаях Большое российское пространство разрушалось и фрагментировалось.

Если рассматривать последний и успешный период консервативной модернизации СССР, позволивший за 20 лет с 1918 по 1938 гг. пройти путь от состояния глубокой фрагментации до региональной державы, а еще через 7 лет стать второй сверхдержавой мира, то существует одна важная проблема, которая должна учитываться в будущем. Советская система, как показал опыт Перестройки конца 80-х гг. XX века, была не способна к саморегулированию и постепенной эволюции без утраты суверенитета над пространством.

В настоящее время перед российской элитой и государственной системой, находящейся в точке бифуркации, стоит фундаментальная проблема выбора дальнейшего пути развития.

Первый путь предполагает комфортное существование постсоветской олигархической элиты в рамках дальнейшего вовлечения российской экономики в мировую систему капитализма, в качестве дополняющих экономик, сырьевых периферий и полупериферий. Данный путь не учитывает возможности развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а напротив, рассматривает их с точки зрения свободной торговли невыгодными и противоречащими интересам элит, которые стояли за дезинтеграцией СССР.

Второй, «автаркия Больших пространств», как геоэкономическая парадигма создания закрытых сфер влияния, которая предполагает обязательный императив реинтеграции. Меха-

низм защиты такого пространства от внешнего деструктивного воздействия может варьироваться от полностью закрытой системы (принцип железного занавеса И. Сталина) до полузакрытой (протекционистские меры в экономической и информационной сферах). Важным моментом для выживания таких систем становится период модернизации, который должен происходить согласно внешним импульсам развития открытых систем, которые обеспечивают свою устойчивость за счет технологического лидерства.

В теоретическом плане определение временных промежутков развития систем между периодами модернизации целесообразно синхронизировать с циклами развития капиталистической экономики в рамках теории С. Кондратьева. Исходя из нее, следует, что системные кризисы в капиталистической системе происходят каждые 40-50 лет, а выход обеспечивается за счет технологических открытий и их внедрения в экономику.

Российские исследователи В. Лапкин, и В. Пантин приходят к выводам в отношении взаимозависимости развития западных экономических циклов и модернизационных усилий России: *«Либеральные (или включающие элементы либерализации) реформы в России всегда приходятся на периоды повышательных волн мировой конъюнктуры, а нелиберальные (а иногда и откровенно антилиберальные) контрреформы – понижательных. Общие причины отмеченной корреляции вполне очевидны. В период повышательных волн, когда мировая конъюнктура поощряет накопление экономического потенциала, у ведущих стран Запада появляются ресурсы для политического, экономического и военного давления на российское государство с целью ограничить его внешнюю экспансию и поставить пределы росту его имперской мощи... По-иную разворачиваются события в период понижательных волн, - продолжают российские исследователи, - в это время страны с развитой рыночной экономикой сталкиваются с серьезными внутренними проблемами и противоречиями, нередко оборачивающимися крупными социальными и внешнеполитическими потрясениями. Значительная часть ресурсов ведущих государств уходит на попытку оживить экономику, смягчить последствия социальных конфликтов, а также на гонку вооружений и участие в военно-политическом противоборстве. В этой ситуации их давление на российское государство и общество заметно ослабевает (наиболее яркий тому пример – бессилие Запада перед большевиками в 1918-1923 гг.). Серьезные дисфункции в экономике и политике западных стран (непосредственно и весьма болезненно затрагивающие и Россию) стимулируют российское государство к переходу к более или менее выраженному изоляционизму и протекционистской политике (а порой и к прямому вторжению в сферу экономики). В эти периоды для России характерны умеренные или радикальные контрреформы, в известной мере являющиеся реакцией на весьма неоднозначные, а подчас и плачевные результаты предшествующих реформ»* [1, с. 47-49].

Исходя из приведенной логики, закрытая система «железного занавеса» И. Сталина предполагала жесткий контроль государства над экономической закрытой системой, однако она должна была проходить процесс модернизации с цикличностью 40-50 лет, то есть система должна открываться для масштабного технологического обновления, и после вновь закрываться, обеспечивая, таким образом, самодостаточность своего Большого пространства.

Применение математической методологии доказательства от обратного, может быть полезно в данном направлении. Проведенные исследования в области оценки сокращения производственных, технологических, демографических, культурных потенциалов постсоветского пространства после дезинтеграции СССР предполагают отправную точку отсчета в формировании «Большой интеграционной идеи» [3]. Приведенные официальные статистические данные показывают беспрецедентные сокращения основных критериев, характеризующих государственные системы стран СНГ по сравнению с общесоюзной.

Вторая идейная составляющая интеграционного процесса в настоящее время также отсутствует в российской элите. После краха биполярной системы Москва в духовно-ценностном аспекте признала диктат Запада, присоединившись к демократическому проекту.

Теоретические предпосылки и условия к интеграции могут быть представлены в следующем виде:

- 1) общие экономические интересы;
- 2) общая идеология, включающая или исключая религиозный фактор, культура;
- 3) родственная или общая национальная или культурная принадлежность;

- 4) наличие общей объединяющей угрозы (чаще всего внешней военной);
- 5) понуждение (чаще всего внешнее) к интеграции, искусственное подталкивание объединительных процессов;
- 6) наличие общих границ, географическая близость [4].

В настоящее время со стороны России не прослеживается выдвижения единого интеграционного проекта. Однако это не означает, что таких усилий не предпринимается. Логика действий современной российской элиты подчинена механизму малых дел.

Подобный механизм прослеживается в области «soft power» в деятельности «Фонда Русский мир», «Фонда Горчакова», Федерального агентства «Россотрудничество» и др. Она подчиняется следующей логике российской элиты – лучше сейчас потратить миллионы на поддержку русского языка, культуры и общих программ развития «соотечественников», чем потом бросать миллиарды на оборону, обустривая новые разделительные линии.

Логика малых дел может быть отмечена в постепенном наращивании присутствия российского капитала в экономиках ближнего и дальнего зарубежья. При этом необходимо понимать, что в существующих условиях экономической и политической парадигмы любой крупный российский капиталист реализует проект покупки зарубежной собственности гораздо быстрее и эффективнее, чем мог бы это сделать в силу коррупции и ограничений бюрократической системы любой российский чиновник.

В плоскости внешней конкуренции логика малых дел, которая впоследствии должна вылиться в целостный интеграционный проект, имеет ряд преимуществ. Они могут быть определены тем фактом, что в геополитическом контексте любая из держав, открыто выдвигая свои претензии на пространство, встречает сопротивление других центров силы, подчиняясь закону: сила действия равна силе противодействия. В исторической ретроспективе данная логика событий подтверждалась многократно.

В конце 2009 года между Россией, Беларусью и Казахстаном были подписаны документы по реализации идеи Таможенного союза. Несмотря на моментальные экономические потери России, Москва пошла на этот шаг. В то же время, положение экономик стран-участниц (полупериферия Россия и периферия Беларусь и Казахстан) предопределяет, что данный механизм столкнется с массой противоречий; это будет затруднять его реализацию. По сути, Таможенный союз это реализация европейского опыта постепенной интеграции. Он может не полностью подходить для постсоветского пространства, вследствие другой природы пространства и типа модернизации – не постепенной, а догоняющей (форсированной) модернизации.

В то же время, даже такой первичной форме интеграции будет моментально сформирована мощная оппозиция внутри самой России, обладающая колоссальными материальными и финансовыми ресурсами: сырьевики и финансисты, по крайней мере, та их часть, которая ориентируется на слабый рубль и сильный доллар США и получает свое благосостояние за счет эмиссионной маржи (игре на курсе). Эти олигархические слои как раз и наполняют сегодняшний скудный бюджет России и, являясь наиболее жизнеспособной частью российской компрадорской экономики, будут всячески противодействовать модернизации и полноценной интеграции.

Таким образом, **первым фундаментальным** условием реинтеграции постсоветского пространства является отсоединение от мировой финансовой и экономической системы, что позволит уйти от чрезмерной зависимости экономической системы по шкале экспорта углеводородов и других видов сырья и импорта продовольствия и товаров с высокой добавочной стоимостью. Такой шаг должен быть соединен в максимальном варианте (и наиболее эффективном для восстановления Большого пространства) с огосударствлением внешней торговли, реализацией приоритетных задач по развитию внутреннего рынка. Отсоединение от финансового центра позволит выйти из полупериферийного и периферийного положения и, таким образом, обеспечить независимость в финансовом, экономическом и политическом аспектах. Полученные средства необходимо направлять на модернизацию с тщательным контролем над реализацией проектов.

Вторым условием реинтеграции является выдвижение большого социального проекта. Сама по себе идея социальной справедливости всегда была популярной на Большом евразий-

ском пространстве, на этой идее строился и создавался СССР и очевидно, что без её реализации идея реинтеграции не получит поддержки «снизу». Советский Союз сам по себе являлся воплощением Большой и конкурентоспособной идеи в плоскости смыслов – идеи социальной справедливости. Представляется, что в современных условиях идея социальной справедливости должна начать свою реализацию именно в России. Формы её воплощения могут быть разными: от реприватизации самых прибыльных и конкурентоспособных предприятий, которые были отторгнуты от государственной собственности в 90-е гг. XX века, до внедрения системы более равномерного распределения капитала в стране. В плоскости смыслов идея социальной справедливости способна успешно противостоять националистическим идеологиям окраин Большого евразийского пространства.

Третьим условием успешной реализации интеграционного проекта является наличие пассионарной элитарной группы, которая будет «собирать» земли. В разные времена слабости России в процессе восстановления большого пространства появлялась такая группа. Последней была Красная Армия, которая действовала на всей территории бывшей имперской России и склеивала старый имперский проект под новой Большой идеей.

Четвертым условием интеграционного проекта является создание и поддержание конкурентоспособной «Большой идеи», которая будет работать в плоскости смыслов и включать все факторы интеграции. Если не брать во внимание опыт Прибалтики, то можно резюмировать, что все государства постсоветского пространства испытывают глубокие и системные трудности в идеологическом и политическом обосновании своего существования. Даже в Западной части бывшего СССР: Украине, Молдове и Грузии элиты пытаются имитировать механизмы своих западных соседей по бывшему коммунистическому блоку, а элементы демократии выливаются во внешний лоск. Центры геополитической силы, как с Запада, так и с Востока, достаточно удалены, кроме того, они не выдвигают однозначных ответов на интеграцию (ЕС) или их проекты недостаточно привлекательны для местных элит.

В результате реализации интеграционного проекта и, исходя из логики исторического развития, на постсоветском пространстве должна будет появиться новая наднациональная идентичность. Как новой идентичностью являлись в хронологическом контексте: Московия, Российская империя, Советский Союз, постсоветская Россия, *Евразийский союз*.

Исходя из вышеизложенного анализа, следует, что российские проекты по реинтеграции постсоветского пространства будут проходить в рамках двух моделей: полупериферийного положения в отношении Запада, что сулит уязвимость, а по сути, внешний контроль над процессами постсоветской интеграции; и автаркии экономической и социально-политической системы, что даст независимость, устойчивость от внешнего деструктивного воздействия и обеспечит такой важный фактор, как долговременность новому пространственному проекту.

Источники и литература.

1. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
2. Кара-Мурза С.Г., Мусиенко С.Г. Куда идем? Беларусь, Россия, Украина. М.: «Эксмо; Алгоритм», 2009. 432 с.
3. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. №3. С.44-58.
4. Михеев С.А. Постсоветское пространство: элиты против интеграции [Электронный ресурс] // Мультипортал КМ.RU. Режим доступа: <http://www.km.ru/magazine/view.asp>
5. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: «Алгоритм», 2006. 636 с.
6. Цымбурский В. Л. Геополитика для "евразийской Атлантиды". [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_27_5_00_1.htm
7. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI в. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001.
8. Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. №4(10). 2008. С.3-5.
9. Huntigton S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York.: "Simon & Schuster", 2004. 428 p.
10. Spykman N.J. America's strategy in world politics: the United States and the balance of power. N.Y.: Harcourt, Brace, 1942. 500 p., Spykman N.J. The Geography of the peace. Harcourt, Brace, 1944. 66 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Лукаш В.Я.

Крымский индустриально-педагогический университет

Термин «глобализация» прочно вошел в современный политический лексикон и имеет широкий смысл. Так, идея глобализации, идея всеобщего единства, которого можно достичь через многочисленные мистические практики, означает, что существует множество путей для их персонального развития. [1, с. 283]. Глобализацию можно рассматривать как общую социальную тенденцию современного мира. Допустимо выделять сферы глобализации различных сторон общественного развития. Правомерно считать глобализацией структурно-функциональный элемент конкретного общественного явления, например, духовные аспекты существующей культурологии. Наконец, глобализацию можно интерпретировать как тип международной политики того или иного субъекта политического процесса с учетом ее объективной направленности. В этой связи нам представляется необходимым выделить отдельные актуальные проблемы глобализации, имеющие отношение к нашей преподавательской деятельности.

Вероятно, настало время говорить о новой стадии мирового капитализма, который преодолев стадию монополистического империализма, а затем стадию становления транснационального капитала, перерос ныне в фазу общемировых транснациональных компаний (ТНК), планетарной империи ТНК, создания мультинациональных компаний (МНК), многопрофильных ТНК, транснациональных банков типа Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Всемирной торговой организации (ВТО) и т.д. [2, с. 8].

На этой стадии развития возникла глобальная олигополия, т.е. такая рыночная структура при которой несколько крупных фирм и компаний на основе неформальных договоренностей контролируют производство и сбыт основной массы продукции, действуя в союзе с политическим мироустройством. В масштабе современного мира возникают крупные торговые зоны многорегионального типа, например, от Аляски до Огненной Земли и даже межконтинентальные зоны. Сложился мировой производственно-хозяйственный механизм, в который включены национальные экономики. Поэтому ныне прочно утвердился глобальный капитализм. И через его призму мы должны рассматривать не только проблемы экономической теории, законов ее развития, но и весь спектр гуманитарных, социально-политических и культурологических процессов современности и преподавания наших учебных дисциплин [3 с.28].

Если принимать во внимание объективно действующие внешние факторы влияния, то на первый план выдвигаются проблемы национального государства, степень его независимости и масштабы использования природных ресурсов. К сожалению, Украина уже давно потеряла свой внешнеполитический суверенитет, который в современном мире стал довольно условной величиной. Современная наука политология предметно и всесторонне рассматривает категорию «суверенитет» с точки зрения внешней и внутренней политики современного государства [4 с.10-29]. В этой же связи правомерно рассуждать о роли и значении наднациональных организаций как глобального, так и антиглобального характера.

Так, отношения, складывающиеся между странами на почве взаимных интересов, при соблюдении своего «суверенитета», как яркий пример современности, это договоренности, достигнутые между президентами России и Украины на российско-украинском межрегиональном экономическом форуме в г.Геленджике Краснодарского края РФ. Одной из глобальных проблем европейских стран и сегодня остается дорога из Европы в Юго-Восточную Азию, в разрешении которой намерены участвовать наши страны. Это

строительство транспортного коридора – моста через Керченский пролив, который соединит Крымский полуостров и Краснодарский край Российской Федерации. [5].

Отметим еще одну принципиальную особенность глобализации – это подмена социально-классовых отношений этническими и культурологическими процессами. Стало привычно говорить об этнических конфликтах. Упомянем хотя бы проблему Косово. Насколько глубоко мы, преподаватели, вникаем и анализируем социальную основу этнических конфликтов, не замазываем ли мы ее пространными рассуждениями о судьбе ультра-радикальных направлений этнических конфликтов? Думается, что все основные специальности нашего университета не могут обходить этнические аспекты воспитания студенческой молодежи.

Обратимся к культурологическим аспектам глобализации. Здесь хотелось бы подчеркнуть опасность увлечения массовой культурой, которая вместо традиционных ценностей и моральных устоев самозабвенно пропагандирует примитивно-потребительские запросы, культ денег, новые стандарты шоу-бизнеса и поведения вроде престижных титулов, премий дешевых грантов, конкурсов обжорства, эротических качеств и т.п., причем многие культурологические ценности современности затрагивают и спорт. Мы иногда не замечаем, что в этот здоровый тип человеческих отношений коварно проникает политическая подоплека выращивания умственно отсталых, но физически крепких личностей, силовых суперменов, облагодетельствованных большими денежными вознаграждениями, но совершенно неприемляющих добрых и благородных человеческих начал. Политизация спорта просматривается и в том, что некоторые военные ястребы хотели отменить летнюю Олимпиаду в Китае, потому что в этой стране, по их мнению, не хватает демократии.

Капиталистический глобализм направляет свои ядовитые стрелы против человека, стараясь превратить его в послушного робота мировой олигополии, бездумного исполнителя воли финансовых олигархов, изощренных режиссеров всякого рода цветных революций и крикливого популизма. Обществу пытаются навязать формирование нового типа личности так называемой информационной эпохи. Главной ценностью такой личности должно быть потребление как форма конструирования своей идентичности. Свобода выбора потребительских услуг должна быть основной формой свободы личности. А доступ к потребительскому кредиту должен стать формой свободы личности. Тем самым приобщение к духовности, нравственным эталонам бытия, гражданская зрелость, самостоятельность в выборе политических ориентиров приносятся в жертву алчному потребительству, агрессивности, неограниченному индивидуализму. Так современная индивидуализация погружается во «вторичную дикость». Характерной чертой современности является желание руководителей стран найти легкий путь разрешения внутренних социально-экономических и других проблем, за счет более мощных государств, при этом жертвуя своей суверенностью и независимостью в их пользу.

Сумеет ли человечество противостоять чудовищному диктату капиталистической глобализации?

Современность дает нам примеры растущего сопротивления одномерной глобализации. Возникло и ширится, хотя и неоднородное и противоречивое, движение антиглобализма, повсеместно растут гражданские общественные организации, расширяется гражданский активизм. Думается, что и нашу студенческую молодежь можно было бы смелее и шире вовлекать в этот здоровый процесс гражданского противостояния молоту глобализма.

Источники и литература.

1. Стивенсон Д. Философия (пер. с англ. С.В.Зубкова). М., 2006. 294 с.
2. Медведев С.В. Глобализация экономики: тенденции и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. № 2. 2004.
3. Симоненко П.Н. Труд и капитал. Киев. 2007. 272 с.
4. Суверенитет в условиях глобализации: опыт политик Запада и Востока // Политическая наука, № 4, 2005.
5. Первый украино-российский межрегиональный экономический форум.

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПАРАМЕТРОВ

Пашковский П.И.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Одной из основных тенденций глобальных процессов является региональная интеграция [9; 11; 13; 22; 33]. При этом специального рассмотрения требуют интеграционные процессы на постсоветском пространстве, течение и содержание которых, определяясь особенностями геополитического положения государств, означают поиск новых возможных форм интеграции [8; 19; 31]. Подобное было обусловлено тем, что разрушение СССР и образование политического вакуума открыло указанный регион внешнему воздействию, превратив его в арену соперничества глобальных и региональных центров силы (США, РФ, КНР и ЕС), конкурирующих в процессе реализации своих интеграционных проектов [4; 15; 24; 30].

Специфика интеграционных процессов здесь определялась, с одной стороны, императивом стремления новых независимых государств (ННГ) улучшить своё положение в глобальной экономической системе, что было возможно только в результате формирования регионального объединения стран, способного взаимодействовать с уже состоявшимися интеграционными структурами [28; 31]. Иначе возрастала угроза вытеснения бывших союзных республик на «периферию истории» – мирового развития [7; 14]. С другой стороны, интеграция усложнялась процессом жесткой конкуренции указанных центров силы за влияние над территорией, где сосредоточен мощный многосторонний потенциал – значительные запасы углеводородов, водных, земельных и демографических ресурсов, пересечение стратегически важных транспортных артерий, – что делает пространство бывшего СССР центральным геополитическим плацдармом, контроль над которым обеспечивает преобладающее положение на Евразийском континенте [1; 29; 32].

На современном этапе ключевая роль в большинстве интеграционных институтов на постсоветском пространстве (СНГ, ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, СГРБ) принадлежит России [24; 30]. В свою очередь, некоторые имеющиеся здесь структуры (ГУАМ) были изначально предназначены для ослабления российских позиций в регионе, являясь проектом конкурирующих центров силы (США) [10; 15; 19]. Другие институты (ШОС), наоборот, выступают компромиссным (между РФ и КНР), но, вероятно, временным явлением с целью ослабления здесь американского влияния [21]. Так или иначе, политика России характеризуется колоссальным воздействием на интеграционные процессы в рамках пространства ННГ, во многом определяя не только степень их интенсивности и содержание составляющих, но также методы, принципы и формы организации функционирующих интеграционных структур [32; 33].

Значительный вклад в изучение интеграционных процессов в целом, и в регионе бывшего СССР в частности внесли многие отечественные и зарубежные аналитики, наследие которых насчитывает сотни научных работ¹, что только подтверждает актуальность заявленной проблемы. Вместе с тем, вне сферы внимания учёных зачастую находятся вопросы практического характера, важнейшим из которых является измерение эффективности интеграционных процессов и их динамики [27]. Ответом на поставленный вопрос представляется такой алгоритм, следуя которому можно увидеть сочетание количественных и качественных характеристик политики конкретной державы относительно интеграционных процессов, что в сопоставлении с аналогичными данными других участни-

¹ Краткий список некоторых из них представлен в специальном разделе в конце данной статьи.

ков интеграции и станет комплексным показателем степени эффективности интеграционных институтов.

Комплексный анализ любого социально-экономического или общественно-политического явления должен основываться на количественных показателях. Поэтому цель настоящей работы заключается в получении данных, отражающих практическое (количественное) содержание и степень интеграционной активности России как ключевого игрока в регионе ННГ. Задачи исследования связаны с определением параметров интеграционных процессов и конкретизацией понятия интеграции; характеристикой специфики течения интеграционных процессов на постсоветском пространстве; представлением конкретных показателей, освещающих количественную сторону указанного направления российской политики и описанием методологии их выявления.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность РФ. В качестве предмета выступают параметры интеграционной активности России на постсоветском пространстве. Хронологические рамки работы (в целях получения стабильных данных для определения указанных параметров) включают период 1992 – 2009 гг.

Решение задач осуществляется на основе анализа значительного числа исследований отечественных и зарубежных аналитиков, материалов «Дипломатического вестника» МИД РФ, сайтов МИД РФ, Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Интернет-портала Правительства РФ, а также данных сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. Критерием выбора источниковой базы выступает возможность установления официальных количественных показателей, отражающих интенсивность и экономические последствия политики России в обозначенном контексте.

В процессе анализа указанного круга источников и литературы применялись исторический метод, способствующий формированию целостной картины эволюции параметров интеграционной активности РФ; сравнительный метод, выявляющий динамику политической активности России в отношении ННГ на разных исторических этапах; количественные методы, позволяющие вычлнить конкретные показатели, которые характеризуют практическое содержание и итоги данного направления российской политики; социально-критический метод для сопоставления и анализа имеющихся точек зрения.

Содержание понятия интеграции (в общем подразумевающее «*объединение в целое каких-либо частей*» [20, с. 191]) в научном и политическом дискурсе зачастую зависит от интересов, целей и концептуально-теоретической приверженности авторов определений [9; 18]. Выделяется два измерения (уровня) осмысления интеграции как понятия и процесса взаимодействия социальных организмов. Первое – широкое (глобально-историческое) измерение – понимает под интеграцией (от лат. *integratio* – восстановление, восполнение; *integer* – целый) процесс, связанный с «*ростом, развитием, объединением или же завоеванием, поработением, ассимиляцией*» [25; 5, с. 188]. В рамках второго (более узкого) уровня интеграция определяется в зависимости от сферы функционирования (экономическая, политическая, социальная и т. д.) как процесс, «*ведущий к объединению различных государств и других политических сил, к координации и сближению их деятельности*» [16, с. 98]; процесс «*сплочения, слияния общественных, государственных структур в рамках государства или в более широкую межгосударственную общность*» путём создания «*новых институтов власти с передачей им части суверенных прав национальных политических органов*» [17, с. 122-124].

Характерно, что в отличие от других форм межгосударственных союзов, развитие объединений интеграционного типа «*гораздо больше зависит от политической гомогенности и аксиологической (ценностной) составляющей, нежели от наличия общих оборонных функций, которые могут появиться на относительно зрелых, позднейших стадиях интеграции. При этом признаки гомогенности имеют наиболее существенное значение в смысле стабильности политических систем, однородности механизмов принятия решений и доминирования родственных течений в политической жизни*» [23, с. 61]. Отличительной чертой современных интеграционных процессов видится закономерность, следуя которой «*более-менее успешная наднациональная интеграция продвигалась сначала в экономической сфере, тогда как военно-политические отношения длительное время оставались на межгосударственном уровне компетенции*» [23, с. 57].

В связи с этим, говоря о критерии эффективности интеграционных процессов на постсоветском пространстве, имеется в виду, главным образом, экономическая составляющая, основным показателем которой является уровень внешнеторгового оборота между государствами региона. А динамику политической активности конкретного государства в отношении каких-либо других государств или их объединений можно измерить, подсчитав число контактов в разном формате между официальными представителями органов власти исследуемых стран на различных уровнях.

Следовательно, в качестве параметров¹ интеграционной активности России на постсоветском пространстве целесообразно принять соотношение количественных показателей в области внешнеполитических контактов (между представителями разных уровней органов власти) с числами, отражающими внешнеторговый оборот (объём экспорта и импорта во внешней торговле) РФ с ННГ.

Динамику политической активности России в направлении бывших союзных республик можно проследить, исходя из анализа показателей таблиц 1. А, 1. Б и 2. А, 2. Б, составленных автором на основе указанных источников [6]. Конкретно же интенсивность внешнеполитических контактов (встреч и телефонных разговоров) на уровне глав государств отражают таблицы 1. А, 1. Б. Аналогичные данные на другом политическом уровне освещают таблицы 2. А и 2. Б, в которых представлены число встреч и телефонных разговоров между представителями РФ и ННГ по линии глав правительств, министров иностранных дел, их заместителей, а также иных официальных представителей². При этом под встречами подразумеваются личные контакты в любом формате (в рамках визита, на саммитах, форумах, конференциях и т. п.), а отмеченные телефонные разговоры происходили по инициативе разных сторон.

Порядок приведения наименований государств в указанных таблицах подчинён географическому принципу деления постсоветского пространства на субрегионы: Балтия (Латвия, Литва, Эстония); Восточная Европа (Белоруссия, Молдова, Украина); Южный Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия); Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Таджикистан) [5, с. 360].

Таблица 1. А. Динамика встреч представителей РФ и ННГ на уровне глав государств

	Лат	Лит	Эст	Бел	Мол	Укр	Аз	Арм	Гр	Каз	Узб	Кир	Тур	Тад
1992	-	-	-	7	10	10	6	8	8	9	8	7	5	7
1993	-	-	-	3	6	6	6	7	7	4	4	4	4	5
1994	1	-	1	3	2	4	3	2	3	3	3	3	2	3
1995	-	-	-	3	3	3	2	3	3	4	2	3	3	4
1996	-	-	-	5	2	3	3	3	5	3	2	3	3	2
1997	-	1	-	2	2	3	3	3	2	2	2	2	2	2
1998	-	-	-	1	1	4	1	1	1	3	3	1	1	1
1999	-	-	-	4	2	4	1	2	1	4	3	3	1	4
2000	-	-	-	10	5	7	8	11	7	10	4	8	4	10
2001	-	1	-	9	6	8	7	9	6	8	6	8	4	8
2002	-	-	-	9	4	9	6	5	3	8	4	10	5	6
2003	-	-	-	8	4	10	3	7	6	9	4	7	2	6
2004	-	-	-	7	-	12	3	3	2	8	7	5	1	6
2005	-	-	-	9	3	5	4	7	3	13	6	8	2	9
2006	-	-	-	4	1	1	2	1	1	10	5	6	1	5
2007	-	-	-	5	3	2	4	5	2	11	5	5	6	5
2008	-	-	1	9	3	4	6	9	2	10	7	8	4	8
2009	-	-	-	15	4	1	9	13	-	14	7	11	6	15
Всего	1	2	2	113	61	96	77	99	62	133	82	102	56	106

¹ Термин «параметр» (от греч. parametron - отмеривающий) имеет множество трактовок в зависимости от сферы применения. Их объединяет понимание под дефиницией данного термина определённых величин, характеризующих какое-либо свойство, положение, размер или форму устройства, процесса, явления или системы [2].

² Имеются в виду контакты по линии посольств, консульских служб и профильных министерств.

Таблица 1. Б. Динамика телефонных разговоров представителей РФ и ННГ на уровне глав государств

	Лат	Лит	Эст	Бел	Мол	Укр	Аз	Арм	Гр	Каз	Узб	Кир	Тур	Тад
1993 ¹	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1994	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
1998	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
1999	-	-	-	4	-	6	1	1	1	2	-	-	-	-
2000	-	-	-	1	-	4	1	1	1	1	3	3	2	-
2001	-	-	-	6	3	10	8	4	2	9	9	3	5	10
2002	-	-	-	4	4	3	5	2	2	8	2	2	4	1
2003	-	3	-	5	2	9	6	2	3	7	2	1	2	1
2004	-	-	-	1	-	8	3	5	14	7	4	3	3	3
2005	1	-	-	2	-	7	1	-	1	5	3	1	6	1
2006	7	-	-	1	-	9	-	5	1	3	1	2	3	1
2007	-	-	-	2	-	5	1	-	1	5	3	7	4	3
2008	-	-	-	4	2	7	4	5	3	7	2	3	3	1
2009	-	1	-	2	4	3	3	1	-	6	1	1	4	2
Всего	10	5	-	33	16	73	33	26	29	60	30	26	36	23

Таблица 2. А. Динамика встреч представителей РФ и ННГ на других уровнях

	Лат	Лит	Эст	Бел	Мол	Укр	Аз	Арм	Гр	Каз	Узб	Кир	Тур	Тад
1992	3	2	4	9	13	16	8	11	10	12	8	9	9	8
1993	6	3	4	10	8	12	14	15	15	7	10	10	9	12
1994	4	4	5	11	13	18	14	14	15	15	12	10	9	16
1995	4	3	6	20	18	21	20	21	21	17	16	16	15	19
1996	4	5	8	14	17	16	17	19	23	13	13	13	11	18
1997	5	3	2	14	12	21	12	15	19	15	13	13	11	15
1998	-	1	2	8	6	15	9	7	12	6	5	4	6	6
1999	3	1	1	20	13	17	14	17	15	21	10	20	12	19
2000	3	2	2	22	11	19	13	19	20	28	15	20	10	19
2001	1	3	1	27	16	20	10	25	19	33	9	33	6	26
2002	1	6	-	33	19	25	7	29	34	44	11	41	9	31
2003	4	8	2	31	10	21	10	24	35	27	11	26	9	26
2004	2	4	1	32	13	25	10	25	32	44	10	31	10	29
2005	5	7	4	22	24	41	13	14	38	22	18	21	8	18
2006	-	3	2	14	22	36	12	13	31	21	17	17	8	15
2007	4	3	5	12	23	42	19	17	30	24	14	16	8	13
2008	3	2	5	26	15	54	17	20	14	30	21	16	9	14
2009	2	5	2	29	23	40	11	16	7	33	25	19	13	16
Всего	54	65	56	354	276	459	230	321	390	412	238	335	172	320

¹ В использованных источниках свидетельства о телефонных разговорах на уровне глав государств за 1992 г., а также с 1995 по 1997 г. не значатся.

Таблица 2. Б. Динамика телефонных разговоров представителей РФ и ННГ на других уровнях

	Лат	Лит	Эст	Бел	Мол	Укр	Аз	Арм	Гр	Каз	Узб	Кир	Тур	Тад
1992	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-
1994 ¹	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2001	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
2002	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
2003	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
2004	1	1	-	-	-	1	-	-	2	1	3	-	1	-
2005	1	2	1	4	-	4	-	-	5	-	-	2	1	-
2006	1	-	-	-	5	3	-	1	2	-	-	-	1	-
2007	1	-	1	1	2	1	-	-	6	-	1	1	1	-
2008	-	-	-	-	-	5	3	-	7	3	1	-	1	-
2009	1	-	-	4	3	15	1	-	-	2	3	1	1	-
Всего	5	4	3	9	10	31	5	1	23	6	9	4	6	-

Специфика статистического отбора данных обусловлена непоследовательностью методики комплектации использованной источниковой базы (частое отсутствие указания статуса визита, встречи или названия стороны, по инициативе которой состоялся телефонный разговор) и наличием многочисленных контактов, имеющих смешанный характер, когда в процессе визитов и встреч политических деятелей одного уровня (например, президентов) их сопровождали представители других уровней (главы правительств, министры иностранных дел и т.д.), вступая в переговоры смешанного (широкого) формата.

Исходя из этого, в целях конкретизации показателей в таблицах 1. А и 1. Б представлены только те сведения о внешнеполитических контактах по линии глав государств, которые были чётко указаны в использованных источниках и свидетельствуют о состоявшихся между ними встречах, беседах (по какому-либо кругу проблем) или телефонных разговорах. В свою очередь, в таблицах 2. А и 2. Б обозначены внешнеполитические контакты как на уровне глав правительств, министров иностранных дел, их заместителей и других уровней, так и имеющие смешанный характер.

Внешнеторговый оборот (в виде показателей объёма экспорта-импорта) РФ с ННГ (и основными странами-партнёрами) в динамике отражён в таблицах, доступных на сайте Федеральной службы государственной статистики России [12]. Указанные таблицы демонстрируют долю того или иного государства или их группы во внешнеторговом обороте РФ за конкретный период; данные динамики экспорта и импорта между Россией и государствами-участниками СНГ, а также ННГ Прибалтики; объём экспорта-импорта РФ по основным направлениям (включая СНГ) в соотношении; динамику внешней торговли России со странами ЕврАзЭС и т.д.

Таким образом, своеобразными параметрами интеграционной активности РФ на постсоветском пространстве могут служить соотношения чисел динамики внешнеполитических контактов России и ННГ и показателей экспорта-импорта между ними в исследуемый период. Полученные в результате этого данные следует сопоставлять с аналогичными показателями на других внешнеполитических направлениях для выявления целостной картины политико-экономической взаимозависимости государств.

Кроме того, осуществляя анализ количества внешнеполитических контактов, важно учитывать, что не все они были посвящены интеграционной проблематике, а их увеличение подчас являлось отражением возникновения каких-либо сложностей во взаимоотношениях. Например, учащение встреч и телефонных разговоров представителей Грузии, Таджикистана, Киргизии и Украины с их российскими визави иногда свидетельствовало о возникновении напряженности в отношениях между ними, либо стремлении РФ участвовать в урегулировании определённых конфликтных ситуаций. Аналогичные случаи в раз-

¹ Упоминания о телефонных разговорах на других уровнях за 1993 г. и период 1995 – 2000 гг. в указанных источниках отсутствуют.

ные годы были присущи взаимоотношениям России с Арменией, Азербайджаном и Молдовой, когда значительное количество внешнеполитических контактов на различных уровнях имело целью урегулирование конфликтов в Нагорном Карабахе и Приднестровье. Случались и ситуации так называемых «переговоров ради переговоров», при которых частые контакты (не всегда носившие конфликтный характер) характеризовались «бедной» повесткой дня и отсутствием конструктивных решений либо (даже с учётом наличия проработанной и содержательной повестки дня) откровенным затягиванием переговорного процесса одной или обеими сторонами.

В этой связи методика использования значений встреч и телефонных разговоров официальных представителей государств для определения параметров интеграционной активности какого-либо из них должна включать анализ количественных показателей (динамику их частоты в конкретный период) в сопоставлении с качественными – смысловое содержание внешнеполитического контакта (кто и с кем, когда и о чём говорил).

Важно отметить, что к показателям частоты встреч и телефонных разговоров следует относиться критически. Количество их указаний в источниках (по разным причинам), как показывает практика, не всегда соответствует действительности. Возможен вариант, когда свидетельство о каком-либо внешнеполитическом контакте появляется спустя значительное время после его происхождения или не появляется вообще. Поэтому предпочтение следует отдавать данным динамики внешнеторгового оборота, которые характеризуют практическую сторону взаимодействия конкретных государств – степень экономической взаимозависимости.

Принимая во внимание указанные методологические аспекты, анализ показателей представленных таблиц может дать комплексную картину интеграционной политики России в отношении ННГ. В процессе сопоставления данных частоты внешнеполитических контактов и объёма внешнеторгового оборота раскрывается общая динамика интеграционной активности РФ, как по региональному направлению, так и относительно отдельного государства. На основе этого можно вывести классификации по степени интеграционной активности в формате двухстороннего взаимодействия на уровне государств (Россия – какое-либо ННГ), а также на субрегиональном уровне (Россия – какой-либо субрегион постсоветского пространства). Полученные параметры позволяют не только количественно подтвердить наличие у РФ определённых интеграционных приоритетов, но и проследить за эволюцией процесса их реализации на разных направлениях и уровнях в рамках рассматриваемого региона, сравнить общие и отличные черты в методах, принципах и моделях интеграционного взаимодействия государств.

Источники и литература.

1. Богатуров А. Время Центральной Евразии // *Международная жизнь*. 2005. № 3-4. С. 118-129.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1975. Т. 19. 647 с.; Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2004. 895 с.; Золотогоров В. Г. Экономика: Энциклопедический словарь. М., 2003. 720 с.
3. Бредіхін А. В., Завадський В. М. Європа та Латинська Америка: два шляхи інтеграції // *Історичні і політологічні дослідження*. 2008. № 1-2 (37-38). С. 430-434.
4. Бураковский И. В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте расширения ЕС (экономический аспект) // *Актуальні проблеми міжнародних відносин*. 2003. Вип. 40 (Частина I). С. 9-15.
5. Дергачёв В. А. Геополитический словарь-справочник. К., 2009. 592 с.
6. *Дипломатический вестник*. 1992. № 1-24; *Дипломатический вестник*. 1993. № 1-20; *Дипломатический вестник*. 1994. № 1-24; *Дипломатический вестник*. 1995. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 1996. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 1997. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 1998. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 1999. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 2000. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 2001. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 2002. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 2003. № 1-12; *Дипломатический вестник*. 2004. № 1-12; *Новостная лента МИД РФ // Сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline; *Досье событий [Архив] // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/sdocs/events.shtml?date_to=2008/04/30; *Новости [Архив] // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/sdocs/news.shtml?year=2008>; *Визиты // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/visits>; *Новости // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news>; *Сообщения пресс-службы // Интернет-портал Правительства*

- РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.government.ru/smi/messages/>; Рабочий день // Сайт Председателя Правительства РФ В. В. Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/?count=50>; Международные поездки // Сайт Председателя Правительства РФ В. В. Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/visits/world/>
7. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. 576 с.
 8. Караганов С. А. Новая эпоха // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 42-64.
 9. Ковальова А. Д. Зближення соціально-економічного розвитку в інтеграційних об'єднаннях: термінологічний аспект проблеми // Гілея: науковий вісник. 2009. Вип. 28. С. 110-120.
 10. Константинов В. Структурні чинники регіоналізації на пострадянському просторі: підходи України // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченко. Серія «Міжнародні відносини». 2006. № 33-34. С. 22-26.
 11. Леонард М. XXI век – век Европы / Леонард М.; Пер. с англ. Т. Банкетової. М., 2006. 250 с.
 12. Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_58/IssWWW.exe/Stg/d2/06-11.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_58/IssWWW.exe/Stg/d2/06-10.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_58/IssWWW.exe/Stg/d2/06-07.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_58/IssWWW.exe/Stg/d2/06-12.htm
 13. Міжнародні організації: Навч. посіб. / За ред. О. С. Кучика. 2-ге вид., перероб. і доп. К., 2007. 749 с.
 14. Михеев С. Постсоветское пространство: элиты против интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apn.kz/publications/article7698.htm>
 15. Орлова Т. В. История новых независимых держав: Postsovieticum: Навч. посіб. К., 2010. 487 с.
 16. Политология: Словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М., 2000. 328 с.
 17. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. 431 с.
 18. Романюк Н. Еволюція теоретичних підходів до дослідження інтеграції // Вісник Львівського національного університету ім. І. Франка. Серія «Міжнародні відносини». 2007. Вип. 21. С. 3-8.
 19. Сиденко В. Р. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте концепции «широкой Европы» // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2003. Вип. 40 (Частина I). С. 99-103.
 20. Словарь исторических и общественно-политических терминов / Автор-сост. В. И. Васильев. М., 2005. 604 с.
 21. Суздальцев А. И. Постсоветское пространство: единство и многообразия // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут всё изменить / Отв. ред. и рук. кол. С. А. Караганов. М., 2008. С. 384-410.
 22. Ткач О. І. Інтеграція Латиноамериканських країн як приклад для СНД // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2002. Вип. 32 (Частина II). С. 20-31.
 23. Толстов С. В. Двосторонні та багатосторонні союзи в практиці міждержавних відносин // Дослідження світової політики: Зб. наук. Праць. К., 2008. Вип. 44. С. 32-66.
 24. Уткин А. И. Подъём и падение Запада. М., 2008. 761 с.
 25. Федотов Г. Судьба империй [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.info/library/21_f/fed/otov_06.html
 26. Челябинский А. А. Проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2003. Вип. 40 (Частина I). С. 41-47.
 27. Черников П. Чем измерить ООН? Об оценке эффективности международных организаций // Международная жизнь. 2005. № 2. С. 93-102.
 28. Шпакова Н. В. Особливості посткомуністичних трансформацій на пострадянському просторі // Гілея: науковий вісник. 2008. Вип. 17. С. 196-204.
 29. Bremmer I., Bailes A. Sub-regionalism in the Newly Independent States // International Affairs. January 1998. Vol. 74. № 1. P. 131-147.
 30. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. July/August 2009. Vol. 88. № 4. P. 78-93.
 31. Schimmelfennig F. International Socialization in the New Europe: Rational Action in an Institutional Environment // European Journal of International Relations. March 2000. Vol. 6. № 1. P. 109-131.
 32. Sunny R. G. Provisional Stabilities: The Policy of Identities in Post-Soviet Eurasia // International Security. Winter 1999/2000. Vol. 24. № 3. P. 139-178.
 33. Talbott S. Self-Determination in an Interdependent World // Foreign Policy. Spring 2000. № 118. P. 152-163.

II

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

МАЛАФЕЕВ Л.Ф.

Таврический гуманитарно-экологический институт

В регионе Причерноморья находится ряд государств: Болгария, Румыния, Грузия, Украина, Турция, Россия. Из них наиболее значительными являются два последних. Отношения между ними всегда определяли ситуацию в регионе, были ли это бывшие империи (Оттоманская и Российская) или современные страны. Историческое прошлое как эхо звучит и в нынешних реалиях, хотя его отзвук становится слабее. Что касается Украины, то ее существование, как независимого государства, во-первых, имеет весьма короткую историю (около 20 лет) и, во-вторых, ее влияние в Причерноморье не столь уж велико, как с точки зрения геополитических, так и социально-экономических ресурсов.

Авторитет России в зоне Причерноморья определяется множеством факторов: исторической ролью в этой зоне, геополитическим влиянием, наличием огромных экономических ресурсов, территориальным могуществом, активной ролью российского Черноморского флота, базирующегося в Севастополе, энергетическими газо-транспортными потоками, ролью мировой державы в системе международных отношений и т.п. Доказательством растущего влияния России в зоне Причерноморья стала молниеносная победа России над Грузией в 2008 году, обрешая М. Саакашвили на позор. Россия твердо упрочила свое положение в зоне Причерноморья и уверенно заявила о себе как мировая держава.

Вторым игроком в Причерноморском регионе является Турция. Имея 76,8 млн. населения и регулярные военные силы в 530 тыс. человек, 14 подводных лодок, 25 ракетных крейсеров и другие военно-морские вооружения и контролируя Черноморские проливы, являясь членом НАТО, Турция распространяет свое влияние на Южный Кавказ, частично на Каспий и, в основном, на зону Причерноморья. В то же время, Турция – страна контрастов: ее западная часть, сосредотачивая 62 % населения страны, создает 78 % валового внутреннего продукта и превышает на 23 % средний по стране доход на душу населения, в отличие от восточной части страны. Тем не менее, Турция поставив своей целью войти в Европейский Союз, еще очень далека от этой возможности. Национальный доход на душу населения в Турции ниже, чем в Евросоюзе примерно в 4 раза [2, с.51]. Внешнеполитические стремления Турции очень противоречивы. С одной стороны, она стремится возможно скорее войти в Евросоюз, с другой стороны ее геополитическое положение обязывает не

утратить своей роли в Причерноморье, на Ближнем Востоке и укреплять всесторонне экономические и политические связи с Россией. Этот двойственный фактор подогревается и внутривнутриполитическим положением Турции. Хотя власть в Турции находится у Партии справедливости и развития, симпатизирующей демократическим ценностям, но она колеблется между секуляризмом и исламизацией. Тем более что исламисты опираются на образованную часть общества (инженеры, врачи, юристы, студенчество) и имеют поддержку банковского капитала. Оппозиционные слои общества представляют Республиканская народная партия и Партия национального действия. Поэтому Президент Турецкой Республики Абдуллах Гюль и премьер Реджеб Тайиб Эрдоган вынуждены осторожно заигрывать с исламистами [3, с.51]. Только мировой экономической кризис пока консолидирует население вокруг Партии справедливости и развития.

Турция мучительно долго выбирала путь модернизации экономики и только принятие IX плана экономического развития Турции (2007 – 2013 гг.) позволило ей определить магистральные направления форсированного развития экономики. Речь идет о повышении доли промышленной продукции с высокой добавленной стоимостью в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности Турции: текстильной, швейной, кожевенной, черной металлургии, автомобилестроении и изготовлении бытовой техники. Именно в этих отраслях Турция пытается добиться конкурентоспособности своих товаров. С помощью экспортно-ориентированного производства вышеприведенных отраслей обрабатывающей промышленности Турция старается добиться экономического прорыва в приближении к Евросоюзу. Предпринимаются меры по развитию научно-исследовательских и конструкторских работ, по координации фундаментальных и прикладных исследований в научных центрах страны, предоставлении кредитов и льгот для мелких и средних предприятий в высокотехнологических отраслях, привлечении инвестиций и т.п. [4, с. 99-110].

Таким образом, Турция пытается внедриться на рынки стран Среднего Востока, Африки, тюркских республик СНГ и стран Европы, не являющихся членами Евросоюза.

В этой связи следует рассматривать и стратегическое значение наметившегося укрепления отношений с Россией. В феврале 2009 года по приглашению Д.А. Медведева Президент Турции Абдуллах Гюль посетил Россию с государственным визитом. Это был первый за 500 лет российско-турецких отношений приезд высшего должностного лица соседней страны. В ходе встречи двух президентов были согласованы вопросы отношений Турции и России, подписана Совместная Декларация о стратегическом партнерстве, в которой упомянут Договор от 16 марта 1921 года о дружбе и братстве этих стран [1]. Назовем ключевые моменты Совместной Декларации.

Во-первых, страны заявили о своей ответственности в обеспечении безопасности в Черноморском регионе и на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено Южному Кавказу: урегулированию здесь спорных вопросов. Анкара предложила идею создания Платформы стабилизации и сотрудничества на Кавказе. Намечена активизация Черноморского экономического сотрудничества путем взаимодействия военно-морских сил и укрепления безопасности региона *«без привлечения внерегиональных государств»*.

Во-вторых, расширяется торгово-экономическое сотрудничество стран. Общий товарооборот уже поднялся с 15,2 млрд. долларов в 2005 году до 38 млрд. долларов и в перспективе возрастет до 50 млрд. долларов. Турция вышла на первое место по общему объему торговли с Россией, опередив Германию. Крепнут отношения двух государств в топливно – энергетическом комплексе. Россия поставляет Турции 23,8 млрд. куб. метров газа, на 67 % обеспечивая потребности этой страны, предполагается расширение сотрудничества холдинга «Лукойл» с компанией «Акпет» путем совместного участия в распределении зон на внутреннем рынке Турции. При помощи России в Турции будет строиться первая в стране АЭС. Произойдет сближение в военно-техническом сотрудничестве. Турция получит из России эксклюзивную военную технику, которой Запад пока не обладает. В российском экспорте 70% составляют энергоносители и 20 % металлы и изделия из них. Турция снабжает Россию машинами, оборудованием, транспортными средствами (до 30%) потребительскими товарами (13-15%), продовольствием (15%). В России работает 150 турецких строительных фирм. Намечается переход во взаимной торговле с доллара к национальной валюте, урегу-

лирование таможенных правил. Совместная Декларация позволяет расширить сотрудничество в гуманитарной сфере, культуре и международных отношениях.

Еще 1990 году Татарстан принял Декларацию о государственной независимости, в которой признавалось вхождение республики в состав России. Это было сделано, в частности, для консолидации российских тюрок. Турция, как тюркское государство, всегда внимательно следила за этим процессом. В 2010 году Президент Турции впервые посетил Казань и предложил инвестиции для строительства трех совместных предприятий в Татарстане. Уже сегодня Турция вкладывает в республику Татарстан \$ 250 млн. В свою очередь, Казань поможет Турции построить первый отечественный вертолет. Посещение турецким президентом Казани и налаживание сотрудничества в религиозной и гуманитарной сферах способствуют развенчанию идеи навязывания пантюркизма и пантуранизма, в которой необоснованно обвиняют Турцию.

Расширение связей Турции с Россией вызывает раздражение Вашингтона. Несомненно, Совместная Декларация, и наметившееся сближение Турции с Россией – достойный шаг двух ведущих государств Причерноморья к укреплению мира и безопасности в регионе Черного моря и на южном Кавказе, консолидации мусульманских и православных народов, важный фактор на пути международной безопасности.

Источники и литература.

1. Корицкий А. Россия и Турция на пути к стратегическому партнерству. Азия и Африка сегодня. 2009. № 4. С. 45-48.
2. Кузнецова А.М. Территориально-экономические диспропорции в Турции и проекты развития регионов. Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. 2010. № 1. С. 3-22.
3. Фадеева И.Л. Противостояние исламизма и секуляризма. Азия и Африка сегодня. 2009. № 6.
4. Ульченко Н. К вопросу о типологической структуре современной турецкой экономики. Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6. С. 99-110.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМИСТСКОГО РУКОВОДСТВА ТУРЦИИ ПО ПРЕВРАЩЕНИЮ СТРАНЫ В РЕГИОНАЛЬНУЮ ДЕРЖАВУ

МАРТЫНКИН А.В.

Филиал МГУ в г. Севастополе

В 2002 г. в Турции (впервые с 50-х гг. XX в.) к власти пришло исламистское руководство в лице Партии справедливости и развития, придерживающейся взглядов на турецкую идентичность, как идентичность исламскую. На сегодня эта политическая сила обладает практически всеми властными полномочиями в стране, что в истории современной Турции также происходит впервые. В этой связи было бы интересно рассмотреть, как это руководство реализует свои идеи на практике. Поскольку данная тема достаточно обширна, мы затронем только ее внешнеполитический аспект. Причем основное внимание будет обращено на деятельность на "цивилизационном", а не на "геополитическом" поле. Эта задача представляется важной еще и потому, что современное политическое руководство Турецкой Республики, организуя свою деятельность на межгосударственной арене, реализует своего рода собственный интеграционный проект, направленный на укрепление взаимодействия государств «постосманского» пространства в различных областях. Этот процесс, по мнению идеологов Партии справедливости и развития, будет достаточно длительным, но мероприятия, направленные на его реализацию, постепенно, твердо и неуклонно, проводятся как во внутренней, так и во внешней политике страны.

Главной задачей своей внешнеполитической деятельности руководство Партии справедливости и развития считает превращение страны в региональную державу, способную, занимая ведущие позиции в Черноморско-каспийском регионе (или в зоне Большого Причерноморья), играть роль интеграционного центра для всех государств постосманского пространства. Об этом неоднократно заявлял в своих выступлениях министр иностранных дел Турции А. Давутоглу. В этой связи необходимо отметить тот факт, что современная концепция внешнеполитической деятельности Турецкой Республики стала реализовываться именно после прихода в мае 2009 года на пост главы МИД страны опытного, придерживающегося идеологии исламско-суфийского турецкого движения "Милли герюш" ("Национальный взгляд"), соратника Н. Эрбакана Ахмеда Давутоглу. В частности, в своей книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции», он неоднократно обращает внимание на то, что лидерство Турции в регионе обусловлено особенностями как географического положения, так и исторического развития страны. Выступая на конференции «Демократия, безопасность и стабильность: взгляд на события в мире и турецкую внешнюю политику в 2010 году», проходившей в Анкаре с 4 по 8 января 2010 г., А. Давутоглу прямо заявил, что стратегической целью Турции является роль даже не региональной, а мировой державы, играть которую позволяет ее уникальное географическое положение, исторический и дипломатический опыт [1].

Характерно, что уже к 2023 году (столетней годовщине Турецкой Республики), Турция, по мнению А. Давутоглу, должна быть членом Европейского Союза; состоять в интеграционных объединениях в сфере экономики и безопасности с соседними странами; стать ключевой страной в поддержании регионального порядка и активным игроком на мировой арене; играть определяющую роль в международных организациях; входить в десятку ведущих экономик мира. Таким образом, мы видим, что задачи перед нынешним руководством страны и, в частности, руководством ее внешнеполитического ведомства, стоят сложные и амбициозные. Эти амбициозные планы многие западные аналитики расценивают как попытку формирования новой внешнеполитической линии Турции, получившей в прессе название политики «неоосманства». Приверженность этой политике руководство Турецкой Республики не отрицает. Как заявил по этому поводу А. Давутоглу: *«Мы – неоосманы. Мы вынуждены заниматься соседними странами. И даже идем в Африку. Существует наследие, оставленное*

Османской империей. Нас называют "неоосманами". Да, мы "новые османы"... и великие державы наблюдают за этим с растерянностью» [4].

О том, что политика превращения Турции в региональную державу не является просто пропагандистским лозунгом, а действительно реализуется, говорит тщательно продуманная постановка задач на год работникам внешнеполитического ведомства страны. Именно этому была посвящена вышеупомянутая конференция в Анкаре, в работе которой приняли участие все главы внешнеполитических представительств Турции. Анализ задач, поставленных перед внешнеполитическим ведомством страны на 2010 г., позволяет выявить основные приоритеты исламистского руководства Партии справедливости и развития в деятельности по превращению страны в ведущего игрока в Черноморско-каспийском регионе.

Важно отметить, что одним из главных приоритетов остается деятельность Турции в рамках НАТО. Турецким руководством (что особенно интересно – именно представителями исламистской Партии справедливости и развития) в последнее время неоднократно декларируется, что, несмотря на то, что Турция должна быть региональной державой, механизм НАТО есть и будет ключевым элементом в турецкой политике. Причем, оставив в стороне декларации и рассмотрев практические шаги турецкого руководства в этом направлении, мы можем констатировать как значительную активизацию деятельности турецких представителей, так и рост их влияния в руководстве блока в последние полтора года. При этом турецкое руководство использует заинтересованность НАТО в Турции как в проводнике интересов блока на Ближнем и Среднем Востоке. В этой связи хочется отметить назначение 16 июля 2010 г. на пост заместителя генерального секретаря НАТО по вопросам оборонной политики и планирования бывшего советника президента Турецкой Республики по внешнеполитическим вопросам Хусейна Дириоза. Впервые за последние 30 лет гражданин Турции был назначен на пост заместителя генерального секретаря НАТО. Еще более интересно, что должность эта была введена в НАТО специально для назначения на нее гражданина Турции. Это связано с турецкой позицией во время выборов генерального секретаря НАТО, на пост которого предлагался представитель Дании А. Расмуссен, бывший в 2005 г. (во время скандала вокруг публикации в датской прессе карикатур на пророка Мухаммеда) премьер-министром Дании. Согласие на назначение А. Расмуссена на пост генсека НАТО Турция была готова дать при выполнении трех условий:

- а) чтобы А. Расмуссен публично принес извинения за эти публикации;
- б) чтобы датские власти максимально затруднили деятельность курдского спутникового телеканала "ROJ TV", вещающего с территории Дании;
- в) чтобы представитель Турции был назначен на должность заместителя генерального секретаря НАТО.

Все три условия были выполнены.

В качестве еще одного ключевого элемента турецкой внешней политики декларируется вступление страны в ЕС. Причем подчеркивается, что это остается стратегическим приоритетом Турции. К концу 2013 планируется завершить все экономические, политические и технические реформы, на проведении которых настаивает руководство Евросоюза для "гармонизации с ЕС". Турецкое руководство прекрасно осознает, что путь страны в ЕС будет долгим, а возможно, и вечным. Но сам процесс вступления Турции в этот союз, который уже начат (в том числе и под давлением США на европейские страны), дает турецкому руководству ряд неоспоримых преимуществ на пути продвижения своих интересов в Европе, прежде всего – на Балканском полуострове.

Новой, на наш взгляд, стала задача активизации всестороннего сотрудничества с республиками Средней Азии. При этом сменить спад в этом сотрудничестве, вызванный слабой ресурсной базой Турции, на подъем, планировалось за счет перевода вопроса в "цивилизационную плоскость". На 2010 год было намечено создание Совета сотрудничества тюркоязычных стран (ССТС), который со временем предполагается превратить в некий аналог ЕС для тюркских государств. 19 сентября 2010 г. на десятом саммите тюркоязычных стран в Стамбуле, в работе которого приняли участие лидеры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Турции и Туркменистана, решение о создании этого Совета было принято. Решено также, что штаб-квартира ССТС будет находиться в Стамбуле (а не в Анкаре, что еще раз подчеркивает имен-

но цивилизационный подход). Симптоматично, что генеральным секретарем Совета избран бывший посол Турецкой Республики в Российской Федерации Халиль Акынджи. На мой взгляд, это явный намек на возможное использование в рамках строительства политики ССТС идей евразийства, которые в последние полтора года больше обсуждаются в турецкой, нежели в российской прессе [3].

Представляется, что "цивилизационный подход" на этом направлении внешнеполитической деятельности Турции избран не случайно. Руководство Турции, видимо, отдаёт себе отчет в слабости ресурсной базы Турецкой Республики для той модели влияния на тюркоязычные государства Средней Азии, которая реализовывалась с момента распада СССР. Особенно если сравнивать ресурсы Турции с такими государствами, как Казахстан, Узбекистан, Азербайджан. Если оставить все по-старому, то скоро турецкая элита будет вынуждена прислушиваться к мнению казахских и азербайджанских экономистов, узбекских политологов и специалистов по борьбе с экстремизмом. К тому же стало абсолютно очевидно, что никакие "общетюркские" интересы не заставят элиту вышеупомянутых государств расстаться даже с малейшей частью своих преимуществ, основанных на государственном суверенитете среднеазиатских республик.

Поэтому при смене модели на первый план была выдвинута цивилизационная цель. Представляется, что логика лидеров Партии справедливости и развития здесь следующая. Объективный для планеты процесс глобализации, который Запад старается осуществлять по своему сценарию, неизбежно несет в себе угрозу "общетюркской" культуре, а значит, и культурно-этнической идентичности всех тюркских народов. Поэтому, чтобы не потерять свою культурную идентичность, самим тюркам необходимо активно влиять на ход этого процесса. Эффективно влиять на этот процесс можно, только действуя единым фронтом, согласовывая и даже совместно разрабатывая те или иные шаги или инициативы.

Здесь у Турции появляется целый ряд неоспоримых преимуществ. Главными из них являются: наличие "османского опыта"; возможность оказывать влияние на принятие решений в таких глобальных "западных" структурах", как НАТО и ЕС; заинтересованность ведущих государств Запада, прежде всего США, в Турции, как в проводнике своей политики на Ближнем и Среднем Востоке; географическое положение Турции на стыке двух континентов. Учитывая эти преимущества, Турция может не только занять лидирующие позиции в ССТС, но и использовать в своих интересах часть ресурсов среднеазиатских государств, например, в качестве "братского" и надежного транзитного узла между богатой углеводородным сырьем Средней Азией и потребляющей это сырье Европой. В этой связи интересно, что на вышеупомянутом форуме работников внешнеполитического (а не экономического) ведомства страны в январе, очень большое внимание было уделено именно вопросам превращения Турции в главный транзитный узел, связывающий производителей и потребителей углеводородного сырья.

Чтобы придать большую последовательность турецкой политике на Балканах, руководством Партии справедливости и развития в 2010 году планировалось разработать пятилетний план действий по усилению турецкого влияния на Балканском полуострове. Для этого планируется использовать турецкое участие в операциях НАТО в регионе и, что интересно, в операциях ЕС, в который Турция не входит. Контингенты ВС Турции с 1995 года принимали активное участие во всех операциях НАТО в регионе (IFOR и SFOR - в Боснии и Герцеговине, KFOR - в Косово, "Essential Harvest", "Amber Fox", "Allied Harmony" - в Македонии), а после окончания в Македонии операции НАТО "Allied Harmony", участвовавшие в ней турецкие военнослужащие вошли в состав контингента ЕС, действующего в этой стране по операции Европейского Союза "Concordia". Турецкие военнослужащие и полицейские задействовались: в операции ЕС EUFOR ALTHEA, в полицейских миссиях ЕС в Боснии и Герцеговине EUPM и EUPM-II, в миссии ЕС в Косово EULEX. То есть, фактически, турецкое руководство, используя существующие механизмы НАТО и ЕС, активно проводит мероприятия по, если не вытеснению нерегиональных акторов, то по обозначению своего военного присутствия на тех территориях, которые оно считает "зоной интересов" Турции как региональной державы. В среднесрочной перспективе в рамках структур НАТО турецкое руководство стремится сформировать и укрепить ось Турция-Болгария-Румыния в качестве возможного противовеса оси Греция-Сербия, либо, что маловероятно, оси Греция-Сербия-Израиль.

В рамках активизации деятельности на постосманском пространстве очень интересна также артикулированная в ходе работы вышеупомянутой конференции в Анкаре (с 4 по 8 января 2010 года) задача добиться ведущей роли Турции в разрешении арабо-израильских противоречий. Учитывая постановку такой задачи, представляется, что события, происходившие вокруг гуманитарного конвоя в Сектор Газа в конце мая нынешнего года, не были случайностью, а явились, по-видимому, заранее спланированной акцией. Об этом косвенно свидетельствует и наличие на борту турецкого парома, захваченного израильским спецназом в нейтральных водах, большого количества представителей западных правозащитных организаций, а также присутствие, наряду с исламскими священнослужителями, представителей христианских церквей. Таким образом, руководство Партии справедливости и развития пытается потеснить на этом поле основных арабских "переговорщиков" по проблеме ближневосточного урегулирования – Египет, Саудовскую Аравию и Сирию, и тем самым еще более подчеркнуть роль Турецкой Республики как влиятельного политического центра исламского мира. Причем вполне ясно дается понять, что современная Турция рассматривается умеренными турецкими исламистами как некий центр суннитского мира, а влияние в ареале шиитской ветви сознательно уступается Ирану.

При этом, совершенно понятно, что активизация внешнеполитической деятельности Турции, направленной на урегулирование ближневосточной проблемы с позиций исламского мира, неизбежно влечет за собой ухудшение отношений с Израилем, а, следовательно, в какой-то степени и со стратегическим союзником Израиля – США. Руководство Партии справедливости и развития это осознает и сознательно идет на риск, пытаясь, правда, в какой-то степени контролировать данный процесс.

Что касается отношений с Ираном, то интересным является отход здесь от османской традиции, позитивное переосмысление отношений с этим традиционным соперником Османской империи. Руководство Партии справедливости и развития в лице президента, премьер-министра и министра иностранных дел неоднократно заявляло, что решение "иранской ядерной проблемы" возможно только дипломатическим путем. В этой связи можно отметить, что значительно отличающаяся от американской позиция турецкого руководства в этом вопросе вызвана, видимо, стремлением ослабить в регионе позиции США. Этим же стремлением можно объяснить декларируемую внешнеполитическим ведомством Турции идею участия только стран региона, а не других государств, в решении проблем Афганистана.

Логично предположить, что если турецкое руководство сознательно пытается потеснить США с их позиций на Ближнем и Среднем Востоке (периферии постосманского пространства), то в черноморско-каспийском бассейне – центре этого пространства – оно будет это делать еще более активно. Анализ показывает, что это предположение недалеко от истины. Еще только придя к власти в стране и не очень твердо владея ею, в 2003 году руководство Партии справедливости и развития отказало США в праве использовать турецкую территорию для наступления на Ирак с севера через иракский Курдистан. Это вынудило американских генералов не только срочно вносить коррективы в планы вторжения, но и срочно перебрасывать уже находящиеся в турецких портах и на судах у турецкого побережья огромный воинский контингент и военные грузы в район боевых действий в обход Турции, через Суэцкий канал, вокруг Аравийского полуострова в порты Саудовской Аравии в Персидском заливе. Кстати, Саудовская Аравия, стремящаяся (с опорой на свое углеводородное богатство) стать лидером исламского мира, не запретила использовать собственную территорию войскам "неверных", ведущих войну с исламской страной. Этот факт турецкое руководство активно использует в пропагандистских кампаниях, направленных на укрепление своего авторитета в арабском мире.

В дальнейшем политика выдавливания нерегиональных акторов с постосманского пространства, возможно, еще не до конца осознававшаяся в 2003 году, продолжилась на плановой основе и, видимо, при тщательном предварительном просчете возможных последствий. Примером может служить позиция Турции во время агрессии Грузии в Южной Осетии, когда корабли ВМС США и стран НАТО не смогли даже продемонстрировать свое присутствие в зоне конфликта, чтобы попытаться оказать давление на Россию, так как Турция не пропустила их через проливы Босфор и Дарданеллы под предлогом необходимости соблюдения конвенции Монтре и предварительного уведомления турецкой стороны о сроках прохода. Вытеснению

нерегionalных игроков из зоны Причерноморья служат и инициированные Турцией операции ВМС причерноморских государств по поддержанию благоприятного режима и борьбе с терроризмом в Черном море: "Черноморское партнерство" и "Черноморская гармония". При этом турецкое руководство активно использует заинтересованность США в поддержке американских операций в Ираке и Афганистане, на ведение которых (по состоянию на сентябрь этого года) США уже потратили около 20 триллионов долларов. Дело в том, что через турецкую авиабазу Инджирлик проходит до 70% грузов для ВС США в Ираке, а в Афганистане турецкое руководство пользуется влиянием на узбекских лидеров, контролирующих северо-запад страны. Заинтересованность США в союзнике в этом регионе позволяет руководству Партии справедливости и развития проводить политику постепенного выдавливания США из зоны "жизненно-важных интересов" Турции. Тем более что, как премьер-министр Турции Р. Эрдоган убедился в ходе визита в США в декабре 2009 г., американское руководство, по-прежнему не склонно корректировать свою внешнеполитическую деятельность в регионе, учитывая в большей степени интересы Анкары, а не других региональных игроков.

Видимо поэтому в феврале 2010 г. в ходе визита в Турцию министра обороны США Р. Гейтса руководство Партии справедливости и развития решило продемонстрировать американской стороне, насколько велика роль Турции в регионе. Американский министр обороны, встретивший понимание со стороны своего турецкого коллеги и командования ВС Турции, тем не менее, получил полный отказ турецкого политического руководства от участия страны в американском плане размещения элементов системы ПРО на территории (в районе г. Мерзифон) и в территориальных водах Турецкой Республики. Более того, турецкое руководство отрицательно отреагировало и на последовавшее вслед за этим отказом предложение Р. Гейтса "закрыть глаза" на возможное нарушение американскими кораблями конвенции Монтре в случае их постоянного базирования в качестве морского компонента элементов системы ПРО в портах Болгарии и Румынии (руководство которых дало на этот вариант свое предварительное согласие). Демарш турецкого руководства внес свою лепту в решение конгресса США в марте 2010 г. о признании геноцида армян в Турции в начале XX в., вслед за которым немедленно последовали отзыв турецкого посла в Вашингтоне, антиамериканская кампания в турецких СМИ, и даже заявление Р. Эрдогана в интервью корреспонденту "Би-Би-Си" 16 марта о возможной высылке из Турции около 100 тыс. армянских иммигрантов, незаконно проживающих на турецкой территории. Попытка снять возникшую остроту в американо-турецких отношениях в ходе визита премьер-министра Турции в США в апреле успехом не увенчалась. Более того, после встречи 12 апреля в Вашингтоне с президентом Армении С. Саргсяном, Р. Эрдоган дал понять, что протоколы о нормализации отношений Турецкой Республики с Арменией в настоящее время не могут быть ратифицированы турецким парламентом в связи с неблагоприятной политической атмосферой, сложившейся после принятия конгрессом США вышеупомянутого решения.

При этом надо учитывать, что процесс нормализации турецко-армянских отношений был начат по инициативе Партии справедливости и развития в рамках провозглашенной ранее одной из главных целей внешней политики страны - "нулевые проблемы с соседями". Дело в том, что "нулевые проблемы с соседями" максимально затрудняют вмешательство в региональные дела нерегionalных игроков, поэтому реализации этой цели в Причерноморье наиболее заинтересованные нерегionalные игроки, например США, будут всячески противодействовать. Вышесказанное справедливо и для процесса урегулирования кипрской проблемы, и, особенно, борьбы с курдским сепаратизмом, в которой, кстати, именно исламистская Партия справедливости и развития стала инициатором политического переговорного процесса, к настоящему времени сорванного по вине курдской стороны, пользующейся все большей поддержкой США и, как все чаще отмечают турецкие СМИ, Израиля.

Еще более обострились турецко-американские отношения после сдержанной реакции США на захват в конце мая израильским спецназом в международных водах гуманитарного конвоя в Сектор Газа и его флагмана – турецкого парома "Мави Мармара", а также голосования Турции на заседании Совета Безопасности ООН 9 июня 2010 г. против введения санкций в отношении Ирана, несмотря на предварительный личный звонок президента США Б. Обамы премьер-министру Турции Р. Эрдогану. Примечательно, что после этого голосования за-

меститель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордон в интервью "Би-Би-Си" отметил, что Турция оказалась единственным союзником США, проголосовавшим против этой резолюции. В обоих случаях турецкое руководство действовало отнюдь не спонтанно, а продуманно завоевывая себе очки на "цивилизационном" поле, сознательно теряя их на поле "геополитическом".

Состоявшаяся 26 июня 2010 г. в кулуарах саммита "большой двадцатки" в Торонто встреча турецкого и американского лидеров, также не поколебала позиций турецкого руководства. Показательно, что прямо накануне этой встречи заместитель госсекретаря США Ф. Гордон в интервью агентству "Associated Press" попытался оказать неприкрытое давление на турецкую сторону, заявив: *"Мы верим в то, что Турция все еще на стороне НАТО, США и Европы. Однако турецким властям необходимо продемонстрировать нам свою приверженность, так как кое у кого уже в этом возникли сомнения, которых раньше не было... США становится все труднее поддерживать турецкие инициативы, не основанные на взаимных интересах"* [2].

В этой связи необходимо отметить еще одну интересную деталь: именно в июне 2010 года посол США в Турции, опытный дипломат Джеймс Джеффри, находившийся на своем посту с октября 2008 г., был назначен послом США в беспокойном Багдаде. Причем это назначение никак нельзя назвать повышением. Видимо, такова была оценка его деятельности в Турции руководством госдепартамента США.

Все эти события привели к обсуждению 28 июля в палате представителей конгресса США вопросов, связанных с влиянием новой внешней политики турецкого руководства на американо-турецкие отношения. Характерно, что в ходе этого заседания военные эксперты и представители госдепартамента единодушно убеждали конгрессменов в том, что нормальные союзнические отношения с Турцией жизненно важны сейчас для позиций США в регионе. По мнению многих американских аналитиков, Израиль на Ближнем и Среднем Востоке постепенно превратился для США из "проводника американских интересов" в "большую проблему". Сейчас на Израиль нельзя опираться в реализации интересов США в этом районе земного шара, не нанеся этим интересам ущерба. А Турция, напротив, похоже, готова быть проводником интересов США в арабском и исламском мире, однако, требует учитывать при этом и ее интересы, лежащие более в "цивилизационной" плоскости, нежели в "геополитической".

Охлаждение отношений с США, логично вытекающее из потепления отношений с исламскими странами, турецкое руководство намерено частично компенсировать "диверсификацией" своих внешнеполитических партнеров. Так, на 2010 год внешнеполитическому ведомству страны в ходе упоминавшейся выше конференции в Анкаре, была также поставлена задача активизации развития отношений с Индией, Китаем, Бразилией и другими государствами Южной Америки.

Таким образом, после прихода к власти в Турецкой Республике Партии справедливости и развития, особенно после назначения в мае 2009 года на пост министра иностранных дел А. Давутоглу, направленность турецкой внешней политики стала изменяться в сторону приобретения "цивилизационных" союзников, даже за счет ухудшения отношений с союзниками геополитическими. Анализ происходящих событий показывает, что процесс этот носит осознанный, плановый характер, все действия турецкого внешнеполитического руководства осуществляются в соответствии с новой концепцией внешней политики страны, разработанной Партией справедливости и развития при ведущей роли А. Давутоглу, рассчитанной не на тактический политический выигрыш, а на стратегическую перспективу.

Источники и литература.

1. Свистунова И.А. Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году [Электронный ресурс] // Сайт Института изучения Израиля и Ближнего Востока. Режим доступа: www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm.
2. Hurriyet, 28.06.2010.
3. Sener Akturk, "Counter-Hegemonic Visions and Reconciliation through the Past: The Case of Turkish Eurasianism", *Ab Imperio*, 2004/4, pp. 207-238; *Yeni Şafak*, 05.02.2010.
4. *Yeni Şafak*, 24.11.2009.

III ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРАБИСТИКИ

Кричун М.М.

Украино-арабский культурный центр в г. Севастополе "Аль-Китаб"

Арабская культура все в большей мере привлекает внимание людей из различных регионов мира. В разных проявлениях она стала неотъемлемой частью мировой культуры. Не обошли вниманием достижения арабской передовой мысли и российские востоковеды-арабисты. История, география, достижения в химии, биологии, медицине, математике и т.д. стали объектом пристального изучения российских ученых. Однако должная оценка достижениям арабской научной мысли была дана только в последние 50 лет. До этого в основном изучали арабское литературное наследие и язык.

Первые сведения об арабском мире стали поступать на Русь с развитием торговых связей в IX-X веках нашей эры. Этот факт достаточно точно подтверждается археологическими изысканиями, дающими представление об объемах и видах торговли с арабскими странами, о средствах платежа, существовавших в то время. В IX-X вв. арабским торговцам уже хорошо были известны торговые пути как через Каспийское море, так и через Балтику. Достаточно интенсивно шел торговый обмен с русскими землями по реке Дон, которую арабы называли рекой русов. Важным торговым центром, игравшим ключевую роль в товарообмене с арабскими странами, играл город Хорезм, через который осуществлялись связи с Поволжьем. Сведения об этом периоде времени и регионе можно получить из произведений арабского историка Ибн Фадлана, жившего в X веке [15]. Ибн Фадлан выполнял миссию посланца великого халифа в землях волжских булгар, которые в 922 году приняли ислам.

Таким образом, развитие российской арабистики шло не только по пути изучения греческих и византийских источников, но и непосредственно через соприкосновение с арабскими культурными и научными традициями и достижениями. В частности, в Московской Руси была известна "Книга о лечении болезней", написанная арабским врачом Исхаком бен Сулейманом в 900 г.

Однако к систематическому изучению арабского Востока в России приступили только в XVIII веке. В этой связи стоит упомянуть Петра I, который лично посетил развалины города Булгар на Волге и дал указания изучать и сохранять найденные там арабские рукописи. Впоследствии некоторые из них были опубликованы в российских периодических изданиях. Значительную роль в развитии российской арабистики в то время играл известный писатель А. Кантемир (1673-1723 гг.). Им была основана первая в России арабская типография. В 1716 г. впервые в России был издан полный текст Корана, переведенного с французского на русский язык [1]. Интересно также, что по указанию Петра I А. Кантемир основал первую в России школу переводчиков-арабистов. Начиная со второй поло-

вины XVIII века, изучение арабского языка вводится в качестве учебной дисциплины в средних школах некоторых российских городов, например, Астрахани.

С началом XIX века российская арабистика получает новый импульс к развитию. В университетах Харькова, Казани, позднее и в Москве образуются отделения по изучению арабского языка. Московское отделение арабского языка возглавил ученый-арабист И.Ф. Болдрин (1758-1824 гг.). Из-под его пера вышли переводы некоторых арабских произведений. Несколько позднее и в Петербурге открывается арабское отделение, которое возглавил известный писатель и востоковед О.И. Сенковский (1800-1858 гг.), руководивший им в течение 25 лет – с 1822 по 1847 годы.

В 1817 г. в Петербурге по инициативе известнейшего российского востоковеда Х.Д. Френа (1782-1851) основан Музей Азии, что знаменует собой новый этап развития российской арабистики. До переезда в Петербург Х.Д. Френ в течение 10 лет жил и трудился в Казани. Стал известен исследованиями в области арабской нумизматики и чеканки. Изучал труды арабских ученых, касающиеся истории развития русской государственности. В частности, труды известнейшего арабского историка Ибн Фадлана [21].

Исследования российских арабистов сопровождалась обогащением коллекции Музея Азии, которая постоянно пополнялась найденными арабскими манускриптами. Впоследствии Музей Азии трансформировался в Институт востоковедения при Академии наук СССР.

В 1854 г. при Санкт-Петербургском университете открывается факультет восточных языков с отделением арабского языка и литературы. Одним из первых выпускников этого отделения был В.Ф. Гиргас (1835-1887 гг.), автор известного арабо-русского словаря. В 1872 г. в Москве создается новый центр российской арабистики – Лазаревский институт восточных языков. Конец XIX–начало XX веков знаменуются появлением плеяды российских арабистов московской школы (А.Е. Крымский, Д.В. Семенов). Последний, в частности, был известным знатоком ислама исмаилитского толка.

Традиции российской арабистики развивались не только в Москве и Петербурге, но и в Казани. К казанской школе арабистов относится, в частности, Г.С. Саблуков (1804-1880 гг.), осуществивший перевод на русский язык Корана [6] и некоторых произведений Ибн Фадлана [14].

После Х.Д. Френа Музей Азии возглавил арабист Б.А. Дорн (1805-1881) [3], который специализировался на исследованиях арабских источников, связанных с историей Кавказа и народов побережья Каспийского моря. Б.А. Дорн составил справочник рукописей, хранящихся в главном здании Санкт-Петербургской публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека). На протяжении 20 лет Б.А. Дорн занимался исследованием арабских трудов, посвященных математическим и астрономическим исследованиям, в частности, арабской астролябии. Труды Б.А. Дорна публиковались в российских математических журналах, в частности, в Математическом сборнике, ставшем одним из самых известных изданий в мире. Высокую оценку трудам российских арабистов дал известный российский математик П.Л. Чебышев, который придавал большое значение изучению арабского математического наследия.

Изучением арабских источников занимались также Российское географическое общество, Общество любителей естественных наук, Археологическое российское общество и другие. В 1882 г. в России создается Императорское Православное Палестинское Общество, сыгравшее важную роль в развитии российской арабистики.

В 1895 г. возникает Туркестанский кружок любителей археологии [4]. Общество проводит активные исследования археологических памятников на территории Средней Азии. Одним из членов этого общества был известный российский востоковед Н.В. Ханьков (1822-1878 гг.). Его авторству принадлежат труды: "Описание Бухарского ханства" [18], "Записки по этнографии Персии" [16], "Экспедиция в Хорасан" [17] и др. Длительное время работавший консулом России в Тебризе, Н.В. Ханьков передал в дар Санкт-Петербургской публичной библиотеке принадлежавшие ему книги и рукописи по истории и литературе Востока, в частности, книгу Аль-Хазини "Книга Весов мудрости" [2]. В 1859 г. вышел перевод Н.В. Ханькова некоторых глав этой книги на английский язык.

Известно в кругах российских арабистов и имя В.Р. Розена (1849-1909), возглавлявшего восточный факультет Санкт-Петербургского университета. В 1885 г. В.Р. Розен возглавил восточное отделение Российского археологического общества. С 1886 г. общество начало издавать периодическое издание по восточной тематике. Оно получило всемирное признание. В.Р. Розеном составлен справочник в четырех томах по рукописям Музея Азии [20]. Как и другие арабисты, В.Р. Розен уделял значительное внимание изучению арабских источников, связанных с географией и историей стран Восточной Европы. Известен В.Р. Розен еще и тем, что он был первым востоковедом, приступившим к изучению работ Бируни.

Говоря об истории российской арабистики, нельзя обойти вниманием имя выдающегося востоковеда Игнатия Юлиевича Крачковского (1881-1953 гг.) – одного из основоположников научной школы российской и советской арабистики [12]. Действительный член АН СССР (академик РАН с 1921 г.), член ряда зарубежных академий и востоковедческих обществ, И.Ю. Крачковский родился в г. Вильно (Вильнюс), в семье директора Педагогического института. С детских лет он проявлял большой интерес к восточной культуре, самостоятельно начал изучать восточные языки. С 1901 по 1905 г. учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. В формировании И.Ю. Крачковского как исследователя, ученого, тонкого знатока Востока большую роль сыграли видные российские востоковеды В.В. Бартольд, Б.А. Тураев, П.К. Коковцов, В.Р. Розен, Н.А. Медников, А.Э. Шмидт. Талант И.Ю. Крачковского многогранен. Его творческое наследие (более 450 печатных трудов, десятки неопубликованных рукописей, набросков по средневековой и новоарабской литературе, арабскому литературному языку и его диалектам, истории арабской культуры, ислама, истории отечественного и зарубежного востоковедения) свидетельствует о широте научных интересов, эрудиции, редком даровании автора.

Основополагающие сочинения И.Ю. Крачковского по новоарабской литературе и истории арабской культуры конца XIX в. - начала XX в., периода так называемой "Нахды", – "Исторический роман в современной арабской литературе" [10], "Новоарабская литература" [11], "Арабская литература в XX веке" [9] – положили начало исследованиям в данной области не только у нас в стране, но и на Западе, а также в самих арабских странах. Его фундаментальный труд "Арабская географическая литература" [8] был издан Лигой арабских государств в 1963 г. [12].

Крупной научной заслугой И.Ю. Крачковского является комментированный перевод с арабского языка на русский Корана [7] – главной священной книги мусульман. Благодаря проделанной ученым огромной работе мы можем познакомиться с ценнейшим историко-культурным и литературным памятником мирового значения, понять обычаи, образ поведения мусульманских народов.

Под редакцией И.Ю. Крачковского увидело свет первое полное русское издание перевода сказок "Тысяча и одна ночь" [5]. Он познакомил советских читателей с творчеством таких арабских писателей, как Таха Хусейн, Амин Рейхани, Махмед Теймур и другие.

Если к середине XX столетия основным направлением в арабистике было изучение географических и исторических сочинений арабских ученых, то, начиная с середины XX в., к изучению как отдельных произведений, так и целых сочинений классиков арабской науки стали обращаться не только арабисты, но и специалисты в области естественных наук: математики, физики, астрономы, философы. Работа началась почти одновременно в трех центрах – в Москве, Баку и Ташкенте.

Интересно, что первая в России работа по истории арабской математики принадлежит всемирно известному историку математики, основателю советской школы истории математики А.П. Юшкевичу. В 1948 г. он издал труд под названием "Омар Хайям и его алгебра" [19]. Эта работа положила начало формированию советской школы истории физико-математических наук на средневековом Востоке, выделив основные достижения арабоязычных математиков.

Особое значение в изучении арабской математики имеет трёхтомник Г.П. Матвиевской и Б.А. Розенфельда «Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды» (VIII-XVII вв.) [13], содержащий богатую информацию о большом числе рукопи-

сей, хранящихся во многих библиотеках мира. За 50 лет авторами были исследованы и частично изданы труды большого числа арабских математиков и астрономов.

Сегодня традиции российской арабистики в изучении арабского языка продолжают многие вузы России, прежде всего Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова и восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Источники и литература.

1. Алкоран о Магомете, или Закон турецкий, переведенный с французского языка на русский / пер. с арабского на франц. А. дю Риё, пер. с франц. на русский П.В. Постникова. СПб, 1716.
2. Ал-Хазини. Книга весов мудрости // Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке. М.: Наука, 1983. С. 15-140.
3. Борис Андреевич Дорн [Электронный ресурс] // Институт восточных рукописей РАН. Официальный сайт. Режим доступа: http://orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=696
4. Германов В. А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики? [Электронный ресурс] // Письма о Ташкенте. Сайт. Режим доступа: <http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/>
5. Книга тысячи и одной ночи. [Предисловия М. Горького и М. А. Салье], под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Т. 1-8, М.-Л., 1929-1939.
6. Коран / Перевод с арабского Г.С. Саблукова. 3-е изд. Казань: Центр. тип., 1907. 215 с.
7. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963.
8. Крачковский И. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература, 2004. 954 с.
9. Крачковский И. Ю. Арабская литература в XX веке. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1946.
10. Крачковский И.Ю. Исторический роман в современной арабской литературе // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения . Т. 3. М.; Л., 1956.
11. Крачковский И.Ю. Новоарабская литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения . Т. 3. М.; Л., 1956.
12. Крачковский Игнатий Юлианович [Электронный ресурс] // Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
13. Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII-XVII вв.). 3 кн. М.: Наука, 1983.
14. Путешествие ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с.
15. Фадлан Ахмен ибн. «Записка о путешествии на Волгу» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Modern Lib.ru. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/ibnfadlan_ahmed/zapiska_o_puteshestvii_na_volgu/read/
16. Ханыков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Наука, 1977. 151 с.
17. Ханыков Н. Экспедиция в Хорасан. М.: Наука, 1973. 216 с.
18. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства ? [Электронный ресурс] // Восточная литература. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hanykov1/text2.htm>
19. Юшкевич А.П. Омар Хайям и его алгебра // Труды Института истории естествознания. М.; Л., 1948. Т. II. С. 499–534.
20. Turcologica [Электронный ресурс] // Институт восточных рукописей РАН. Официальный сайт. Режим доступа: <http://turcologica.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1220>
21. Indica [Электронный ресурс] // Институт восточных рукописей РАН. Официальный сайт. Режим доступа: <http://indica.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1220>

IV

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: КОНЦЕПЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ

НЕЛИНА А. П.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Современный процесс трансформации системы международных отношений меняет геополитическую расстановку сил на региональном и страновом уровнях. Одним из таких регионов является Латинская Америка, активно отстаивающая роль субъекта международных отношений с начала XXI в.

Данный регион включает 33 независимых государства, 13 зависимых территорий общей площадью 20 млн. км² и населением около 360 млн. человек [4, с. 85]. Кроме того, регион имеет значительный ресурсный потенциал. Тем не менее, латиноамериканский континент часто остается вне поля зрения исследователей. В Украине проблемы развития латиноамериканского региона исследуют: Ю.Г. Беловолов [1], А.В. Бредихин [4], А.И. Ковалева [9], О.Л. Тимчук [20], О.И. Ткач [21]. При этом необходимо отметить такую особенность украинской историографии, как эпизодический характер. Российская латиноамериканистика представлена именами В.М. Давыдова [7], К.Л. Майданика [12], Б.Ф. Мартынова [12], М.Л. Чумаковой [11] и др.

Внимание ученых в последнее десятилетие привлекает изменение социально-политической ориентации в большинстве стран Латинской Америки. В этот период в регионе наблюдается практически повсеместный приход к власти левых или левоцентристских правительств, что в западной литературе получило название «левого поворота», которое, однако, остается спорным.

Дискуссия, развернувшаяся в литературе по поводу определения характера и направленности событий последнего десятилетия в Латинской Америке, составляет особый интерес для данного исследования. Его целью является определение характера левых политических сил в Латинской Америке и степени объективности понятия «левый поворот» по отношению к изменениям политической палитры региона в конце XX – начале XXI вв. Достижение поставленной цели планируется путем разрешения следующих задач:

а) охарактеризовать дискуссию, развернувшуюся в литературе в связи с социально-политическими изменениями в Латинской Америке в конце XX – начале XXI вв. и принадлежностью приходящих к власти правительств к левой политической ориентации;

б) внести ясность в понятийный аппарат и определить правомерность употребления понятия «левый поворот» по отношению к данным событиям;

в) охарактеризовать общие черты и базовые позиции «левых» в Латинской Америке.

Географические рамки исследования охватывают страны Южной Америки, которые, в отличие от стран Центральной Америки, связанных договорами о свободной торговле с США (NAFTA, SAFTA/DR), представляют экономически и политически относительно самостоятельный регион. Хронологические рубежи охватывают период второй половины 1990-х гг. – 2000-е гг., соответствующий началу и развитию событий, называемых «левым поворотом».

Под «левым поворотом» принято подразумевать приход к власти в странах Латинской Америки левых и лево-центристских правительств: Уго Чавеса в Венесуэле (1998 г.), Риккардо Лагоса в Чили (1999), Луиса Игнасио Лулы да Сильвы в Бразилии (2002), Нестора Кирчнера в Аргентине (2003), Табаре Васкеса в Уругвае (2004), Эво Моралеса в Боливии (2005). В 2006 г. Риккардо Лагос был смещен на посту президента Чили своей соратницей по партии Мишель Бачелет¹. В 2007 г. преемницей Нестора Кирчнера на президентском посту в Аргентине стала его жена Кристина Фернандес де Кирчнер, а с марта 2010 г. преемником Т. Васкеса стал Хосе Мухика. В 2008 г. результатом выборов в Парагвае стал приход к власти радикального по своим взглядам бывшего епископа Фернандо Луго.

Несмотря на широкое употребление понятия «левый поворот» в западной литературе и прессе, его использование оспаривается в российской историографии: предлагается заменить его понятием «левый дрейф [6]». Российские ученые делают акцент на процессе поиска альтернатив неолиберальному проекту развития [11, с. 8]. Кроме того, по мнению заместителя директора ИЛА РАН, понятие «левый поворот» не отражает всей полноты складывающейся реальности [12, с. 9]. Вместо употребления понятия «левый поворот» он предлагает использовать такие понятия как «цивилизационный подъем» или «националистический поворот», подчеркивая существенную роль в происходящих событиях национализма и, в частности, так называемого «индейского ренессанса» [12, с. 11].

Проблема объективности понятия «левый поворот» в значительной степени обусловлена отсутствием четкого определения левых партий. Как известно, традиция деления политических партий на «левые» и «правые» восходит к временам Французской революции конца XVIII в., а именно, к голосованию 11 сентября 1789 г. по вопросу о будущих органах государственной власти и распределении полномочий [19, с. 182]. Заложенная в этот день традиция остается актуальной и сегодня. Так, под «правыми» политическими силами обычно подразумеваются группы, выражающие консервативные взгляды, «левыми» - выступающие за реформы и изменения [19, с. 182]. В большинстве случаев «левые» трактуются как силы преобразующе-радикальной ориентации [17, с. 315]. Основываясь на идеологических позициях партий и их расположении в социально-политическом спектре, различают праворадикальные (фашистские), консервативные, либеральные, реформаторские, социал-демократические, лево-социалистические и коммунистические партии [18, с. 660]. Ориентируясь на традиционное понимание дихотомии «правые-левые», к «левым» можно отнести последние три типа из приведенного выше перечня, т.е. те, которые в большей или меньшей степени разделяют социалистические принципы устройства общества. Итальянский философ и политолог Н. Боббио в своей книге «Правые и левые» утверждает, что в понятиях «левое» и «правое» нет конкретного стабильного содержания, оно может изменяться в зависимости от времени и условий [2]. В качестве критерия разграничения этих двух понятий Н. Боббио определяет различное отношение к идеалу равенства, которое также относительно и зависит от трех переменных, в качестве которых выступают субъекты распределения благ, непосредственно сами блага и критерий, на основе которого происходит деление. Таким образом, на основании отношения к равенству наиболее характерной чертой «левого» ученый определяет «эгалитаризм, понятый не как утопическое представление об обществе, в котором все индивидуумы равны во всем, но как тенденция к уменьшению неравенства неравных» [2]. Поскольку эгалитаризм в наибольшей

¹ В марте 2010 г. М. Бачелет была смещена на посту президента Чили Себастьяном Пиньерой.

степени присущ идеологиям, ориентированным на построение социалистического общества, то применительно к Латинской Америке рассматриваемого периода «левыми» можно считать партии и движения, выдвигающие социалистические лозунги.

Необходимость оценки разворачивающихся на латиноамериканском континенте событий вызвала также и дискуссию по поводу соответствия времени право-левого подхода в изучении современных политических партий и движений. Это обусловило заявления некоторых современных ученых о несостоятельности данного подхода в современных условиях, утверждающих, что это «старые, заезженные рельсы, которые уже однажды завели нас в тупик» [12, с. 9]. Однако, учитывая относительное содержание понятия «правое» и «левое», применение данного подхода представляется возможным для противопоставления рассматриваемых правительств их оппозиции или другим государствам, избравшим иную модель своего развития.

Что касается самоидентификации вышеперечисленных правительств, то открыто путь на построение социализма объявили только У. Чавес и Э. Моралес. Однако, правительство У. Чавеса, пришедшего к власти во главе коалиции «Патриотический полюс» (наиболее влиятельными силами в этой коалиции были созданная У. Чавесом в 1997 г. партия Движение V Республика (MVR), Движение к социализму (MAS) и Отечество для всех (PPT)) сложно однозначно характеризовать в рамках право-левого подхода. В первые годы правления У. Чавес отвергал коммунистические идеи, и в его адрес даже звучали обвинения в приверженности неолиберализму со стороны ультралевых партий [28, р. 136]. Однако в 2005 г., им был объявлен курс на построение «эндогенного социализма, своей социалистической модели» [28, р. 132]. С целью воплощения этой модели в жизнь в 2007 году У. Чавес инициирует создание Объединенной социалистической партии Венесуэлы (PSUV), которая должна была включить в себя все союзные президенту партии, что вызвало протест со стороны PCV (Коммунистическая партия Венесуэлы) и PPT [28, р. 139]. Программа партии, провозглашавшая курс на построение Боливарианского социализма, была принята 24 апреля 2010 г. на Первом Чрезвычайном съезде PSUV [15].

В Боливии в 2005 г., впервые после 1963 г., президент был избран путем прямого голосования [3, с. 11]. Им стал лидер Движения к социализму (MAS) Хуан Эваристо Моралес Айма, более известен как Эво Моралес. В начале 2008 г. Э. Моралес начинает развивать принципы «коммунитарного социализма», а в январе того же года на седьмом конгрессе MAS была принята декларация под названием «Коммунитарный социализм освободит Боливию от колониального положения» [27].

Президент Бразилии Луис Игнасио Лула да Сильва является основателем и лидером Партии Труда (PT). Ее устав, принятый в октябре 2007 г., целью партии провозглашает построение демократического социализма (статья 1) [16], хотя во время предвыборной кампании 1982 г. платформа партии базировалась на более радикальном лозунге «построения социалистического общества без эксплуататоров и эксплуатируемых» [30, р. 1000].

В Чили с 1989 г. по 2010 г. при власти находилась так называемая Демократическая коалиция (Concertación de Partidos por la Democracia – дословно Коалиция партий за демократию, 1988 г.) До 2000 года здесь у власти стояли христианские демократы, а в 2000 году руководитель «Партии за демократию» (PPD) социал-демократ Риккардо Лагос был избран президентом. В 2006 г. президентом Чили была избрана социалист Мишель Бачелет. В уставе соцпартии Чили, принятом в августе 2002 г. и опубликованном в 2003 г., указывается: «Социалистическая партия Чили является политическим выражением работников физического и умственного труда, искусства, науки и культуры, всех мужчин и женщин, стремящихся к социалистическому обществу, что соответствует равенству, свободе и братству» [26].

Несколько сложнее обстоит дело с документальным подтверждением левой ориентации руководства Аргентины. И Нестор Кирчнер, и Кристина Фернандес де Кирчнер – представители левого крыла Хустисиалистской партии, основанной в 1947 г. Хуаном Доминго Перроном (1896-1974 гг.). Изначально перонистская доктрина базировалась на положениях надклассовости государства, социальной гармонии, классового сотрудничества, приоритете национализма перед классовой борьбой в развитии ар-

гентинского общества [13, с. 76]. Отвергая капитализм из-за «*злоупотреблений индивидуализма в ущерб обществу*» и социализм по причине «*порабощения личности коллективом*», перонисты отстаивали концепцию «*единого национального общества*», в котором совпадают интересы общества и личности [13, с. 76], выдвигали теорию «третьего пути» развития – «национального» - не капиталистического и не социалистического [13, с.77]. Радикализация левых течений перонизма в 60-х гг. XX в. и рост в их среде влияния коммунистической идеологии привели к выдвиганию Пероном в 1967-1968 гг. тезиса о «национальном социализме» [13, с.81], в котором социализм отождествлялся с национализмом. В то же время, «национальный социализм» противопоставлялся «интернациональному и догматическому социализму» [13 с. 81]. Отношение к «национальному социализму» и различные его трактовки последователями Перона породили размежевание в среде Хустисиалистской партии. Так, разделяющий позиции клерикального национализма хустисиалистский лидер Рауль Матера выступал за установление «*нового социализма, христианского и национального, мудро возвращающего нас к евангелическим источникам во имя подлинно гуманной социальной революции*» [13, с.82]. В противовес ему сторонники одного из левых течений хустисиализма трактуют «национальный социализм» как особую форму проявления научного социализма в Аргентине [13, с. 83].

Таким образом, современный хустисиализм в той или иной мере вынужден разделять идеи социальной справедливости, хотя и со значительной долей национальных особенностей.

Табаре Васкес стал президентом Уругвая, победив на выборах во главе коалиции Широкий Фронт. Эта коалиция была создана 5 февраля 1975 г. с целью оппозиционной борьбы. Примечательно, что о левом характере данной коалиции можно судить по ее составу и по сегодняшней самоидентификации. Так, в 1972 г. соглашение под названием «*Политический компромисс*», в котором раскрываются основные принципы Широкого Фронта, подписали следующие партии: Левый фронт либерализации, Движение за народное правительство, Коммунистическая партия, Христианско-демократическая партия, Социалистическая партия, Социалистическое движение, Националистическое Народное Действие [25]. Сегодня на официальном сайте коалиции прямо признается ее левое происхождение и прогрессистский характер [14].

В Парагвае в 2007 г. в поддержку кандидата в президенты Фернандо Луго был создан блок партий под названием Патриотический альянс за перемены. В него вошли Революционная ферберистская партия (PRF), Демократическо-христианская партия (PDC), Партия Широкий фронт (PFA), Партия Национальная встреча (PEN), Социальный и Народный блок (BSyP). Однако сам кандидат во время выборов четко себя не позиционировал: «*Я – ни левый, ни правый, – говорил он, – я нахожусь в центре как кандидат, востребованный народом*» [10, с. 15]. Тем не менее, еще в начале политической карьеры Луго в 2006 г. в его поддержку было создано Народное движение Текойойа, что на языке гуарани означает равенство [10, с. 12].

Таким образом, основываясь на самоидентификации рассматриваемых правительств, их идеологии и наличии как внутри этих стран, так и вне их пределов альтернативных моделей, ориентирующихся на построение капиталистических обществ в условиях свободного рынка, можно признать левую политическую ориентацию правительств Венесуэлы, Боливии, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Чили (2000-2010 гг.) и в значительной степени Аргентины.

Говоря о рассматриваемых социально-политических изменениях на латиноамериканском континенте, необходимо рассмотреть факторы, вызвавшие их к жизни. Так, В.М. Давыдов, в качестве основной причины прихода к власти левых правительств, определяет последствия либеральных реформ 1990-х годов в регионе: огромный социальный долг перед населением, «вымывание средних слоев» и, как следствие, высокая имущественная поляризация, деиндустриализация и рост безработицы, что происходило на фоне ослабления активности Вашингтона и дискредитации политики Буша [7].

С целью определения сущности «левого поворота», в Институте Латинской Америки РАН в 2006 г. состоялся «круглый стол» на тему «Левый поворот в Латинской Америке:

причины, содержание, последствия» [12]. Говоря о причинах, его участники высказывали следующие мнения. Российский исследователь, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН К.Л. Майданик, в качестве главного фактора «левого поворота», объясняющего его направленность, указывает *«политическое пробуждение того конгломерата «глубинных низов» (городских и сельских), который можно обозначить как «бедноту»»* [12, с. 5]. Оспаривая левую политическую направленность происходящих событий, заместитель директора ИЛА РАН профессор Б.Ф. Мартынов в качестве главного фактора называет глобализацию, или, точнее *«ее карикатурного двойника – вестернизацию»*, которая вторгается *«в вековые традиции, религию и культуру»* [12, с.10]. По его мнению, это активизирует националистические движения, которые и являются основной сутью «поворота». Директор Центра политических исследований ИЛА РАН М.Л. Чумакова указывает, что помимо социальных и политических противоречий в условиях состояния переходности большинства стран региона, свою роль сыграли также непопулярность неолиберализма и неприятие его социальных последствий, кризис традиционных партий и дестабилизация демократий, падение влияния США в регионе [12, с. 11-12].

Другой сотрудник ИЛА РАН профессор И.К. Шереметьев, уже вне рамок круглого стола, как бы соединяет все вышеперечисленные позиции: *«Последствия масштабной транснационализации и модернизации, развернувшихся в странах Латинской Америки в 90-е годы прошлого столетия (период подъема неолиберализма), стали и одной из главных причин пробуждения потомков древних народов-индейцев...»* [22, с. 6].

Свое видение причин «левого поворота», в большей или меньшей степени схожее с российской, сложилось и в зарубежной историографии. Перуанский экономист, директор Центра глобального развития Независимого института Калифорнии Альваро Варгас Льюса главной причиной происходящих на континенте событий видит отсутствие социальной мобильности вследствие сосредоточения власти в странах региона в руках элиты и разочарование в рыночных реформах, которые привели к перераспределению власти в руках той же элиты. Он отмечает: *«Крен в сторону левого популизма явился следствием разочарования миллионов в широко разрекламированных достижениях 1990-х годов... На латиноамериканском континенте мы получили капитализм отнюдь не ирландского, а скорее «российского образца»»* [5].

Более полную и разностороннюю палитру представляет экс-министр иностранных дел Мексики, профессор Университета Нью-Йорка и наиболее цитируемый в этом вопросе специалист Джордж Г. Кастаньеда. В качестве первого фактора, давшего возможность латиноамериканским левым выйти на политическую сцену, он указывает крушение биполярной системы международных отношений и отсутствие у Вашингтона возможности *«обвинять любой лево-центристский режим в том, что он является «советским плацдармом»* [24]». Вторым фактором, согласно ему, выступает то, что безотносительно к успехам либеральных реформ 1990-х гг. Латинская Америка является лидером в социально-экономическом неравенстве, сочетающемся с бедностью в регионе и ведущем к тому, что *«обедневшие массы голосуют за тот тип политики, которая, как они надеются, сделает их менее бедными»* [24]. Третьим фактором, повлиявшим на победу левых, является расширение демократизации и утверждение демократических выборов как единственного легитимного пути к власти. Это в сочетании с социальными, демографическими и этническими факторами в регионе неизбежно приводит к победе левых.

Общими системными признаками левых политических сил для латиноамериканского региона являются: стремление к эгалитаризму, желание использовать государство для сбалансирования рыночных сил, вера в важность народного участия. Профессор Корнельского университета Кеннет М. Робертс, к примеру, основной сутью левых политических сил определяет стремление к использованию государства и/или народного участия чтобы облегчить социально-экономическое неравенство и защитить отдельных граждан и их группы перед угрозами рынка [29]. Профессор Школы международной службы при Американском университете в Вашингтоне Гектор Э. Счемис (Schamis) считает, что все левые политические партии в Латинской Америке стремятся только к более эгалитарному капитализму и более включающей политической системе [31, р. 20]. Причем, профессор Уни-

верситета Британской Колумбии Максвелл Алан Камерон предлагает определять латиноамериканских левых как «лидеров, партии и движения, которые стремятся уменьшить неравенство в его многообразных проявлениях, продвигать социальное включение, как через низовые организации, так и спущенные сверху политические инициативы персоналистских лидеров и законотворческую деятельность парламентских партий; они защищают использование государственной власти для нивелирования последствий рынка, или вместо широких полеклассовых коалиций или в ответ на требования специфических социальных классов, секторов и групп; они продвигают трансформацию государственно-общественных отношений через народное участие, иногда изменяя основные структуры доминирования, апеллируя к народу, классу, гражданственности, и иногда этничности» [23, р. 4]. Другая точка зрения принадлежит Дж. Кастаньеде, который предлагает следующее определение: «Левые – определяемые в современном понимании – это политики, которые делают ударение на социальном улучшении перед макроэкономической ортодоксией, эгалитарном распределении богатств перед их созданием, суверенитете перед международной кооперацией, демократии (в конце концов, если в оппозиции и не обязательно, когда при власти) перед правительственной эффективностью...» [24].

Проведенный анализ поставленных проблем может свидетельствовать о следующем.

Во-первых, характер социально-политических изменений в конце XX – нач. XXI вв. в Латинской Америке не имеет однозначной оценки. Особенно спорным является тезис принадлежности рассматриваемых правительств к левой политической ориентации и употребление понятия «левый поворот» по отношению к этим изменениям. Учитывая относительность понятия «левый» и основываясь на самоидентификации рассматриваемых правительств, их идеологии и наличии как внутри этих стран, так и вне их пределов моделей, ориентирующихся на построение альтернативных капиталистических обществ в условиях свободного рынка, можно признать левую политическую ориентацию правительств Венесуэлы, Боливии, Бразилии, Уругвая, Парагвая, Чили (2000-2010 гг.) и в значительной степени Аргентины, что позволяет употребление с операциональной целью понятия «левый поворот».

Во-вторых, как в отечественной, так и в зарубежной историографии обозначается, что основными причинами левого поворота в регионе выступают глобализация, активизировавшая пассивные до этого национальные движения, крушение либерального проекта, активно внедрявшегося в странах региона в 1990-х, демократизация латиноамериканских обществ, позволяющая легитимным путем приходиться к власти массовым партиям левой ориентации.

В-третьих, применительно к Латинской Америке большинство ученых сходится во мнении, что левые политические силы характеризует стремление к улучшению положения малоимущих слоев населения путем смягчения принципов рыночной экономики. Их общими чертами являются стремление к эгалитаризму, желание использовать государство для сбалансирования рыночных сил, вера в важность народного участия.

Источники и литература.

1. Беловолов Ю.Г., Харенко М.А. Нові ліві в Латинській Америці // Наука. Релігія. Суспільство. 2008. № 2. С. 3-9.
2. Боббио Н. Правые и левые [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2003. № 5(31). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/5/bobbio-pr.html>
3. Боливия – время левоиндихенистского эксперимента / [Мартынов Б. Ф., Николаева Л. Б., Окунева Л. С., и др.] ; под ред. В. М. Давыдова. М.: ИЛА, 2009. 75 с.
4. Бредіхін А. Латиноамериканський вектор зовнішньої політики України // Дослідження світової політики. Вип. 17. [зб. наук. праць / шеф-ред. Камінський Є. С., гол. ред. Лещенко Л. О.]/Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України. К., 2001. С. 84-93.
5. Варгас Льюса А. Популизм возвращается? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. №2. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6557
6. Давыдов В. Ветер перемен в Латинской Америке [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. № 6. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_7756
7. Давыдов В.М. Левый сдвиг Латинской Америки [Электронный ресурс] // Советская Россия. 2007. 1 февраля. Режим доступа: http://www.tiwy.com/lee_r.phtml?id=4040

8. Дюверже М. Политические партии [Электронный ресурс] / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 538 с. Режим доступа: http://society.polbu.ru/dyverzhe_parties/ch03_ii.html
9. Ковальова О. Латинська Америка: Базова теорія регіональної інтеграції // Дослідження світової політики. Вип. 17. [зб. наук. праць / шеф-ред. Камінський Є. С., гол. ред. Лещенко Л. О.] / Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України. К., 2001. С. 76-83.
10. Кудеярова Н.Ю. Выборы в Парагвае: еще один левый поворот // Латинская Америка. 2008. №7. С. 4-19.
11. Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях. Часть 1 / [Ивановский З. В., Окунева Л. С., Чумакова М. Л. и др.] ; под ред. М. Л. Чумаковой. М.: ИЛА, 2009. 258 с.
12. «Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия // Латинская Америка. 2006. №6. С. 4-27.
13. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М.: Наука, 1976. 367 с.
14. Официальный сайт FA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frenteamplo.org.uy/frenteamplo>
15. Официальный сайт PSUV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psuv.org.ve/temas/biblioteca/libro-rojo/>
16. Официальный сайт PT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pt.org.br/portalpt/dados/bancoimg/c091003181315estatutopt.pdf>
17. Политология: Энциклопедический словарь / [ред.-сост. Ю. И. Аверьянов]. М.: Издательство Московского коммерческого университета, 1993. 432 с.
18. Політологічний енциклопедичний словник. / [упоряд. В. П. Горбатенко, ред. Ю. С. Шемшученко, В. Д. Бабкін]. 2-ге вид., доповн. і оновл. К.: Генеза, 2004. 736 с.
19. Сергиенко В.Ю. Когда появились «правые» и «левые». У истоков политической традиции // Новая и новейшая история. 2007. №4. С. 182-187.
20. Тимчук О.Л. Політичні режими країн Латинської Америки: порівняльно-правовий аналіз // Держава та регіони. Серія: Право. 2007. №4. С. 94-99.
21. Ткач О. Стратегії регіональної та національної інтеграції країн Латинської Америки // Політичний менеджмент. 2009. №1. С. 140-146.
22. Шереметьев И. К. «Левый поворот» в Латинской Америке глазами экономиста. По поводу круглого стола на данную тему // Латинская Америка. 2007. №2. С.4-12.
23. Cameron, Maxwell A. “Latin America’s Left Turns: beyond good and bad,” [Электронный ресурс]. Unpublished ms. Department of Political Science, University of British Columbia, 2009, 27 p. Режим доступа: http://www.politics.ubc.ca/fileadmin/template/main/images/departments/poli_sci/Faculty/cameron/Cameron_TWQ_01.pdf
24. Casta?eda J. G. Latin America’s Left Turn // Foreign Affairs, May/June 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/61702/jorge-g-castaneda/latin-americas-left-turn>
25. Documento 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.frenteamplo.org.uy/files/DOCUMENTO%201.pdf>
26. Estatuto del Partido Socialista de Chile. Texto refundido. Noviembre de 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pschile.cl/docs/estatuto_partidosocialista_de_chile.pdf
27. Fuentes F. Bolivia: National Revolution and "Communitarian Socialism" [Электронный ресурс] // Global Research, April 25, 2009. Режим доступа: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=13339>
28. Lalander R. Venezuelan Leftist Parties in the Era of Hugo Chaves//Stockholm Review of Latin American Studies? Issue No.3, December 2008, P. 131-142 // http://www.lai.su.se/gallery/bilagor/SRoLAS_0812_kap11.orgweb.pdf
29. Roberts K. M. Latin America’s Populist Revival” [Электронный ресурс]. Unpublished ms. Department of Government, Cornell University, 2006. Режим доступа: <http://www.einaudi.cornell.edu/latinamerica/conference/leftturn/pdf/Roberts.pdf>
30. Samuels D. From Socialism to Social Democracy. Party Organization and the Transformation of the Workers’ Party in Brazil [Электронный ресурс] // Comparative Political Studies, Vol. 37 No. 9, November 2004 999-1024. Режим доступа: <http://www.polisci.umn.edu/~dsamuels/CPS2004.pdf>
31. Schamis H. E. Populism, Socialism, and Democratic Institutions [Электронный ресурс] // Journal of Democracy 17 (4) 2006, pp. 20-34. Режим доступа: <http://www.journalofdemocracy.org/articles/gratis/Schamis-17-4.pdf>

РОЛЬ ОСМАНОВ В РАЗВИТИИ ИСЛАМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

РАКИЦКИЙ Д.С.

Исследователь

Уже с середины XI в. турки (тогда турки-сельджуки) стали претендовать на лидерство в исламском мире, особенно после того, как в 1055 г. Тогрул-бек отнял Багдад у ослабевшей династии Буидов, а духовный глава всех мусульман – халиф – даровал ему титул султана и прерогативу защиты державы Аббасидов от ее многочисленных врагов. Еще большее влияние в мире ислама турки заслуженно приобрели во время захлестнувших с XI в. Восточное Средиземноморье крестовых походов.

После создания в XIII в. на юго-восточной границе Византийской империи государства турок-османов, превратившегося в результате победного шествия его воинов по Малой Азии и Балканам и взятия ими Константинополя в 1453 г. под предводительством султана Мехмеда II в мировую державу, Турция начала играть первостепенную роль в мировой политике. В XVI в. лидерство Османской империи в исламском мире закрепилось победой султана Селима I (1512-1520 гг.) над персидским шиитским государством Сефевидов и, особенно, покорением им мамлюкских Египта, Сирии, пленением последнего халифа Аббасидов Муттавакиля III и отправкой его в 1518 г. в Стамбул. При этом для мусульман всего мира большое значение имело также перемещение в Стамбул из Каира знамени и плаща пророка Мухаммеда - главных реликвий ислама, что, вместе с нахождением в Стамбуле резиденции халифа, сделало этот город столицей всего исламского мира [4]. В эпоху Возрождения Османская империя была главным врагом христианской Европы. Она стала центром притяжения всех сил, выступавших против католической церкви, князей и дворянства.

Наивысшего расцвета Османская империя – лидер исламского мира на трех континентах, – достигла во время правления наследника Селима I – султана Сулеймана I (1520-1566 гг.) ("Сулеймана Великолепного-Законодателя"). Однако затем период расцвета сменился длительным застоем и последовавшим за ним упадком [5, с. 4-8].

В эпоху Селима I (1512–1520 гг.) и Сулеймана I Кануни (1520–1566 гг.) государственные институты империи приобрели тот законченный вид, который на протяжении веков считался в османском обществе образцом для подражания.

Современники, да и последующие поколения мусульман, до середины XIX в. рассматривали Османскую империю как истинный халифат, как первое в мире шариатское государство, в котором нормы шариата на деле регулировали все стороны общественной, государственной и личной жизни. Османская империя была первым в истории государством, в котором мусульманское духовенство получило официальный статус и образовало особую иерархическую организацию профессиональных людей религии с четким обозначением функций и должностей. Крупнейшим османским теологом был Мехмед ибн Фира-Мурза (Мулла Хюсрев) принадлежавший к ханифитскому мазхабу, и другие: Ибрахим аль-Халеби (1458–1549 гг.), Шейх-заде (ум. в 1667 г.), аль-Хаскафи (ум. в 1677 г.) и др. Они разработали идейно-теоретическую и правовую базу османского общества. На ней основывалась османская интерпретация шариата. Из нее исходили представители государственной власти в своей законодательной и административной деятельности. Любое действие власти должно было иметь религиозную санкцию, которая давалась в форме фетвы – заключения экспертов о соответствии того или иного акта принципам шариата.

Во главе империи стоял султан. Он считался светским и духовным правителем государства, хранителем, исполнителем и толкователем священного закона. Как и во всякой теократии, верховная власть была несвободна. В отличие от европейских монархов, османские султаны были крайне ограничены в выборе решений и не могли выйти за рамки изначально прокламированных ценностей. В противном случае «народ» имел право на

«революцию». В XVI–XVII вв. из 15 султанов 6 были низложены по обвинению в нарушении шариата; двое из них казнены [2, с. 76-83].

Свои полномочия султан осуществлял совместно с имперским советом (диван-и хумайюн), состоявшим из высшего духовенства и крупнейших военачальников. Следует подчеркнуть, что политические структуры Османской империи исходили из принципов единства власти (в противоположность принципу разделения властей) и коллективного руководства. Последнее подразумевало совместное обсуждение и принятие решений, считавшихся выражением воли всех мусульман и требовавших общего согласия, или консенсуса (принцип шура, т.е. соборности, совета). Вследствие этого в Османской империи законодательная, исполнительная и судебная власть явно не были разграничены, также как религиозные и административные функции. Все они находились в одних руках, взаимно проникали и дополняли друг друга. Эти политические структуры нашли своё выражение в органах коллективного руководства – правящих диванах (советах), именем которых осуществлялась власть на каждом уровне государственного управления.

С административной точки зрения наиболее крупным территориальным подразделением были бейлербейства (провинции, с 1590 г. – эйалеты). К началу XVI в. их было три – это Румели (с центром в Эдирне), Анатоли (Анкара и Кютахия), Рум (Амасья, Сивас); а к 1610 г. – уже 32. Провинции делились на уезды (санджаки, или лива), а те, в свою очередь, – на волости (нахии). В ряде районов, особенно в горных местностях (Курдистан, Ливан), могли существовать автономные единицы – хюкюметы, юрдлуки и оджаклыки во главе с местными династами.

Текущее управление империей шло по двум линиям власти: военно-политической и шариатской (кадийский, или религиозно-судебный, аппарат). Главой военно-политической власти являлся великий везир, на уровне эйалета – бейлербей (с 1590 г. – вали), далее – санджакбей и субаши (воевода). Каждый из них отвечал за порядок и безопасность на своей территории, за соблюдение законности и за своевременное выполнение обязательств перед государством. Гражданское управление – прежде всего, контроль за хозяйственной деятельностью и соблюдением принципов шариата, а также суд, школа, религиозный культ и благотворительность – находилось в руках мусульманского духовенства. Во главе его были шейх уль-ислам и три казиаскера, стоявшие во главе автокефальных шариатских организаций (Анатолии, Румелии и Египта). На уровне провинции шариатскую власть возглавлял главный кадий (кади аль-кудат, или шейх уль-ислам провинции), в уездах и крупных городах (шехир) – старший кадий. На низовом уровне – кадии малых городов (кудат аль-касабат) и сельских волостей (кудат ан-навахи). Высшие сановники назначались султаном: бейлербей – на три года, главные кадии – на один год. Бейлербей был председателем совета провинции (дивана эйалета) и утверждал его решения, кадий – заместителем. Он обнародовал принимаемые решения и тем самым обладал правом вето в случае несоответствия этих решений принципам шариата.

Самой оригинальной особенностью османской административно-политической структуры были так называемые миллеты – автономные религиозно-политические образования иноверческого населения, пользовавшегося значительными правами внутреннего самоуправления. В XVI – XVII вв. было три миллета: рум миллети (византийский миллет), яхуди миллети (иудейский миллет) и эрмени миллети (армянский миллет). Первый из них объединял православное население Османской империи, второй – различные еврейские конгрегации (включая караимов и самаритян), третий – армяно-грегориан и последователей других восточно-христианских нехалкедонских конфессий (копты, яковиты, несториане). Все эти миллеты при условии признания верховной власти султана и уплаты подушной подати джизье (налог с немусульман, значительно превышавший закят, и являвшийся одновременно как бы платой за освобождение от службы в армии) пользовались полной свободой культа и самостоятельностью в решении своих общинных дел. Не имея определенной территории, эти своего рода церковно-конфессиональные государства обладали, тем не менее, всей полнотой внутреннего суверенитета. Другими словами, их суверенитет имел экстратерриториальный характер, т.е. распространялся не на население определенных территорий, а на определенные категории лиц независимо от их места жи-

тельства. Соответственно на одной и той же территории люди разных вероисповеданий подчинялись разным властям. Лишь в вопросах экономической и политической жизни решающее слово принадлежало мусульманскому государству.

Управление миллетом находилось в руках духовенства. Во главе его стоял миллет-баши. Это был патриарх православной церкви или, в других конфессиях, лицо, признававшееся верховным религиозным руководителем, например гахам-баши, считавшийся главным раввином империи. Миллет-баши был членом имперского совета, утверждался султаном и отвечал перед ним за состояние дел в миллете. Свои полномочия он осуществлял совместно с диваном миллета, куда наряду с религиозными сановниками могли входить представители мирян. Миллет-баши назначал иерархов миллета, имел собственную казну, тюрьму, полицию, собирал налоги и различного рода пожертвования. В его руках были суд, школа, религиозные и благотворительные учреждения.

Наконец, следует отметить, что в ряде провинций по образцу миллетной системы строились отношения между османскими властями и местными религиозно-этническими меньшинствами (язиды, друзы, андалусцы, или мусульмане-испанцы, и т.п.). При переходе под власть Османской империи им были предоставлены права внутреннего самоуправления, аналогичные правам миллетов. [2, с. 76-83].

В османском обществе не было сословий, т.е. формально признанных общественных групп, объединявших людей на основе общности социального положения, прав и обязанностей, вытекающих из их происхождения. По османским понятиям, в полном соответствии с предписаниями ислама, все люди были одинаковы от рождения. У них не было и не могло быть никаких преимуществ, связанных с кровью, а их достоинство не могло передаваться по наследству. Условий для достижения высших государственных должностей было всего два – личная инициатива и верность исламу.

В османскую эпоху все земельные и водные ресурсы считались собственностью уммы (сообщества мусульман), выступавшей в двух формах: государственной (мири) и вакфной. На земле не было постоянного помещика. Земля находилась на правах аренды в руках тех, кто ее обрабатывал – то есть крестьян, плативших налог (харадж). Причем крестьяне могли передавать арендованную ими землю по наследству. Но самое главное отличие крестьянского населения Османской Порты, заключалось в том, что они были лично свободны. Решение земельного вопроса и личная свобода – два столпа, которые придавали прочность Османской государственной постройке [3]. При этом следует отметить высокий уровень безопасности передвижения по территории империи, отсутствие воров и бандитов. Зачастую люди даже не закрывали свои дома, не опасаясь краж.

Города в Османской империи не имели самоуправления и муниципального устройства. Вся власть была сосредоточена в руках кадия. Им назначались объемы производства, контролировался ввоз и вывоз товаров. Он также осуществлял надзор за распределением и сбором налогов, контролировал вакфные учреждения, регулировал цены на основные потребительские товары (обычно прибыль торговца не превышала 10%, только в редких случаях 20%). Цены на отдельные товары, не зависящие от сезонных изменений, не менялись в течение длительного времени, десятилетий, а на отдельные наименования товаров поддерживались почти столетиями) [2, с.76-83].

Кадии организовывали общественные работы, фиксировали жалобы частных лиц, доносили о них центральным властям и на основании полученных директив давали ответы. В городах без специального разрешения кадия нельзя было открыть лавку или мастерскую.

Целью регламентации цен, торговли и ремесленного производства была постоянная забота о повседневном снабжении крупных городов, и особенно Стамбула. По шариату, главная забота правителя процветающего государства должна была состоять в обеспечении регулярного и достаточного поступления товаров на рынок. Отсюда проистекала и османская концепция внешней торговли. Поощрять следовало, прежде всего, ввоз товаров. Каких-либо мер защиты собственного производства в экономических воззрениях османских правителей того времени не предусматривалось.

Значительного поощрения султанских властей была удостоена транзитная торговля. К концу XV в. Османская империя полностью контролировала малоазиатский участок

важнейших караванных путей, по которым издревле шли азиатские товары в Европу. Это Шелковый путь и маршруты пряностей. Выгода от обслуживания торговых путей и сбора таможенных пошлин традиционно считалась азиатскими властями наиболее важной статьей государственных доходов. Османы еще в последние годы существования Византийской империи отменили беспошлинную торговлю европейцев через Босфор, наложив десятипроцентный налог от стоимости товаров. Султан Мехмед II удвоил налог, но объем европейской торговли увеличился. Гарантия политической стабильности и безопасности коммуникаций оказались более привлекательными, чем преференции (льготы) в торговле [1].

Таким образом, в отличие от Халифата VII-XII вв., где религиозные деятели не занимались практическим управлением и администрированием, духовенство Османской империи не только разрабатывало правовые нормы, но и играло важную роль в практическом управлении, т.е. выполняло функции органов как законодательной, так и исполнительной власти, а также выполняло функции министерства юстиции.

Османское государство представляло собой великолепно отлаженный механизм, который почти без сбоя работал до начала XVIII века. Совершенная административная и социально-экономическая системы позволили Османской империи не только вполне благополучно существовать, но и вести в XIV-XVII веках активную завоевательную внешнюю политику. Всё это делало её бесспорным лидером всего исламского мира.

В современной Турции существуют политические силы, которые стремятся использовать опыт государственного управления и общественного устройства Османской империи в процессе реформирования государственных и общественных структур страны.

Источники и литература.

1. Дергачев В. Цивилизационная геополитика (Геофилософия) // Междисциплинарный учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2004. – 672 с.; Сайт Института геополитики профессора Дергачева [Электронный ресурс]. Режим доступа: dergachev.ru/book-geof/index.html
2. История Востока. Т. III. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2000. 696 с.
3. Кузьмичева Л. Под османским владычеством [Электронный ресурс] // Сайт федерального информационно-аналитического журнала РФ «Сенатор». Режим доступа: www.senat.org/portret4/txt3.htm
4. Мартынкин А.В. Исламский фактор в Османской империи в XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Выпуск 1. 2009. С. 36-42. **Режим доступа:**
5. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М.: Институт востоковедения РАН – Крафт+, 2001. 536 с.

ГОССЕКРЕТАРЬ МАДЛЕН ОЛБРАЙТ: ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ США

Тупота О.М.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя

Личностный фактор играет большую роль на определённом уровне формирования внешнеполитической стратегии США – на это указывает анализ внешнеполитического механизма США. Знание того, кто разрабатывает концептуальные основы внешней политики США, позволяет не только анализировать, но прогнозировать её развитие.

В отечественной литературе выделяется ряд научных работ, в которых анализируется структура внешнеполитического механизма США [3, 4]. При этом роль личностного фактора в постбиполярный период на сегодняшний день не нашла должного отражения.

Цель данной статьи – показать роль личностного фактора в процессе выработки внешней политики США на одном из региональных направлений – европейском – на примере деятельности 64-го госсекретаря Мадлен Олбрайт (23 января 1997 г. – 20 января 2001 г.). Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- а) показать, кто из государственных служащих в системе внешнеполитического механизма США может оказывать влияние на формирование основ внешней политики;
- б) охарактеризовать Мадлен Олбрайт как госсекретаря;
- в) показать, какое влияние М. Олбрайт оказала на формирование политики США на европейском региональном направлении: в отношении Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства.

На сегодняшний день внешняя политика США формируется в недрах исполнительной власти. На это указывает анализ внешнеполитического механизма США, который можно охарактеризовать как совокупность структур, участвующих в формировании и реализации внешней политики и взаимоотношений между ними. В постбиполярный период внешнеполитический механизм институционально сохранил ту структуру, которая была сформирована ранее на основе положений Конституции и внешнеполитической практики.

Несмотря на то, что, согласно Конституции США, внешнеполитические полномочия разделены между исполнительной (во главе с президентом) и законодательной (Конгресс) ветвями власти, уравновешивая их, в ходе внешнеполитической практики, сложившейся к сегодняшнему дню, президент получил некоторую автономность от Конгресса. Отечественные исследователи выделяют пять обуславливающих это неформальных (закреплённых на практике) средств, которыми обладает президент [3, с.20-26].

Во-первых, неограниченный доступ президента к источникам информации. Исполнительной властью была создана категория секретной стратегической информации, что ограничило доступ к ней Конгресса, а, следовательно, сократило его возможности для выработки внешнеполитических решений, альтернативных предложениям исполнительной власти. Той информации, которую получают члены Конгресса из 30 комитетов (на середину 1990-х гг.) и 50 подкомитетов Конгресса, занимающихся наблюдением за проблемами внешней политики и подготовкой относительно них соответствующих предложений, не достаточно для подготовки обоснованных внешнеполитических решений и их принятия на государственном уровне.

Во-вторых, законодательная инициатива президента: реализация внешнеполитического процесса невозможна без инициативы этого процесса и доведения его до уровня реальной политики президентскими структурами. В-третьих, возможность президента формировать общественное мнение, которое является одним из наиболее стабильных, чётко структурированных, прагматично ориентированных и действенных факторов влияния на Конгресс [3, с. 114].

В-четвёртых, авторитет как главы государства. В-пятых, статус лидера одной из ведущих политических партий. Наличие одной общественно-политической силы в Белом доме способ-

ствуется выработке общенациональных приоритетов, тогда как их разобщённость в Конгрессе осложняет этот процесс.

Президент, как глава исполнительной власти, будучи ответственным за выработку внешней политики, опирается на интеллектуальный потенциал своего аппарата: исполнительных департаментов, большой группы военных и разведывательных учреждений, независимых агентств и ряда других организаций. Во всех подчинённых президенту структурах работает персонал в 5 млн. чел. [3, с. 42]. Однако не все органы исполнительной власти причастны к формированию внешнеполитической стратегии: значительная их часть участвует лишь в сборе информации, занимается внутренними делами страны, и к внешней политике привлекается лишь ситуативно, имея решающий голос в профильных вопросах международных отношений.

Ряд структур исполнительной власти непосредственно ориентирован на внешнюю политику: Совет национальной безопасности, Государственный департамент, Министерство обороны, Центральное разведывательное управление. Их руководители входят в главный совещательный орган при президенте США по вопросам национальной безопасности – Совет национальной безопасности (СНБ, создан в 1947 г.). В состав этого совещательного органа должны входить высокопрофессиональные специалисты по проблемам внешней политики, и каждый из президентов сам определяет, какие специалисты должны входить в это число. Поэтому состав СНБ не постоянный. Именно на этом – президентском – уровне внешнеполитического механизма происходит выработка концептуальных основ внешней политики.

Но и у тех лиц, которые входят в главный совещательный орган при президенте, разные полномочия в системе принятия внешнеполитических решений. Согласно Конституции США, главным советником президента по вопросам внешней политики является госсекретарь – глава Госдепартамента, однако после образования СНБ конкуренцию госсекретарю составил советник президента по национальной безопасности – глава СНБ. У него, как и у госсекретаря, свой аппарат и источники информации, а следовательно, советник по национальной безопасности, независимо от госсекретаря и других ведомств, может предоставлять президенту варианты тех или иных внешнеполитических решений. Фактическая роль госсекретаря или советника по национальной безопасности зависит от личности каждого и от личных взаимоотношений с президентом. И между ними постоянно идёт соперничество за влияние на президента.

В этом отношении многое зависит от личности президента. Исходя из исторического опыта, американские исследователи С. Крабб и П. Холт выделяют четыре типа или модели взаимодействия между главой исполнительной власти и его советниками по вопросам внешней политики. Во-первых, президент берёт на себя функции госсекретаря; во-вторых, иерархическое руководство внешнеполитическим процессом, предполагающее, что президент берёт на себя полную ответственность за управление внешнеполитическими делами, но повседневное ведение дел в этой сфере делегирует госсекретарю, который, в свою очередь, с целью экспертизы и разрешения проблем, опирается на аппарат госдепартамента; в-третьих, на рассмотрение президента из СНБ поступают усреднённые компромиссные варианты решения того или иного внешнеполитического вопроса, при этом происходит препятствование открытым дискуссиям; в-четвёртых, модель, базирующаяся на соперничестве внешнеполитических ведомств, в первую очередь, СНБ и Госдепартамента, при этом за президентом остаётся право окончательного выбора [3, с. 61].

При выбранном Б. Клинтонем стиле внешнеполитического руководства роль советников была особо высока. Придя к власти, он отошёл от формального процесса принятия решений, как было при Дж. Буше-ст., когда к президенту из СНБ поступали уже готовые рекомендации. Подход Б. Клинтона был основан на его консультациях со своими ближайшими советниками. *«Следовательно, - отмечает украинский исследователь И. Дудко, – особое значение приобрели не столько чётко определённые механизмы, сколько неформальное влияние на президента его советников в сфере внешней политики»* [3, с. 70].

Наше внимание обращено на М. Олбрайт, после назначения которой на пост госсекретаря в 1997 г., активизируется политика Америки в странах Центральной и Восточной Европы, на постсоветском пространстве.

Её предшественника на этом посту – госсекретаря У. Кристофера – некоторые из исследователей и его коллег характеризуют как нерешительного, незаметного, *«неспокойного государственного секретаря»*. [5, с. 227]. В конце 1994 г. госсекретарь Кристофер допустил возможность своей досрочной отставки, и тогда его возможным приемником видели М. Олбрайт. Она это знала, поэтому к моменту назначения морально была готова к этой должности, хотя, как указывает в воспоминаниях, никогда не мечтала о такой чести определять политику США и представлять государство за рубежом.

Новый госсекретарь М. Олбрайт обладала совершенно противоположными личностными качествами, нежели У. Кристофер: всегда стремящаяся к успеху, лидер в душе, не любящая проигрывать, смело выражающая свои взгляды, очень коммуникабельна, полностью отдающаяся делу, которым занимается. Более того, ей характерна склонность к самообразованию, высокий уровень самоорганизации, пунктуальность, навыки хорошего психолога. Эти качества были ей присущи с детства и укрепились по мере накопления жизненного и профессионального опыта.

К моменту назначения на пост госсекретаря она обладала степенью доктора политических наук, опытом преподавательской и политической работы. В сферу её особых интересов входили Восточная Европа, СССР, а затем – постсоветское пространство. Это обусловлено происхождением Мадлен: она родилась 15 мая 1937 г. в Чехословакии, урождённая Мари Яна Корбель. Семья вынуждена была выехать из Чехословакии после коммунистического переворота. В 1948 г., когда Мадлен было 11 лет, семья переехала в Америку, 1957 г. – получила гражданство. В Америке прошло формирование личности Мадлен, она полюбила эту страну, стала, как сама отмечает, настоящей американкой. Однако указывает: *«Как бы ни хотелось мне быть такой же, как мои ровесники американцы, я была иной. Мне приходилось ночевать в бомбоубежище. Я ощутила на примере собственной жизни, каковы могут быть разрушения, приносимые войной. Приверженцы Сталина вынудили мою семью покинуть родину...»* [5, с. 68]. Она всю жизнь воспринимала СССР как некую враждебную силу, заключившую половину Европы *«за решётку»*, а США считала защитником справедливости во всём мире [5, с. 68].

К международным отношениям проявила интерес ещё в детстве, под влиянием отца – дипломата в правительстве Томаса Масарика. Отец много времени посвящал общению с дочерью, и с детства Мадлен прониклась верой в демократию, убеждённости в том, что маленькие страны должны обладать теми же правами, что и большие; позже это нашло отражение в её приверженности Демократической партии США. После переезда в Америку отец Мадлен занял должность преподавателя в Денверском университете, поэтому у них в гостях часто бывали преподаватели университета, Мадлен была участником разговоров на политические темы. Этот круг общения расширился после замужества с журналистом Джозефом Олбрайтом в 1959 г. Джозеф был выходцем из известной состоятельной семьи, таким образом, его должность и социальное происхождение позволяли Мадлен вместе с супругом легко быть допущенной в светскую и политическую жизнь Вашингтона, к которой она проявляла большой интерес, постоянно слушала инаугурационные речи президентов.

Даже став американкой, М. Олбрайт не могла полностью отключиться от происходившего в Европе. Темы всех её научных работ, начиная с дипломной в колледже Уэллсли, затем в Школе современных международных исследований при институте Джонса Хопкинса и в Колумбийском университете были посвящены изучению функционирования советской системы. Владение чешским, сербо-хорватским, французским, английским, русским и польским языками давало ей возможность изучать советскую систему изнутри, непосредственно общаясь с её представителями.

В Колумбийском университете научным руководителем Мадлен по написанию докторской работы был Зб. Бжезинский, с которым она впервые встретилась, когда он, будучи молодым профессором, читал лекции в колледже Уэллсли. Мадлен знала Зб. Бжезинского не только как преподавателя, но и как человека, так как он был хорошим знакомым её с мужем друзей. *«С течением лет мы стали почти друзьями»*, – отмечает она в воспоминаниях [5, с. 113].

М. Олбрайт обладала практическими навыками руководителя. Их она приобрела ещё в период обучения в аспирантуре Колумбийского университета, параллельно *«используя каж-*

дую возможность, которая подворачивалась под руку, чтобы заработать рекомендации и приобрести новые контакты» [5, с. 93]. Организовывала благотворительные аукционы, обеды, сборы и выполняла целый перечень другой общественной работы. «Я научилась тому, как организовывать, управлять, взаимодействовать, мотивировать и обеспечивать обязательное исполнение того, что я пообещала сделать» [5, с. 103].

К моменту назначения на пост госсекретаря, М. Олбрайт не в теории, а на практике, изнутри хорошо знала все особенности функционирования внешнеполитического механизма США. После защиты докторской диссертации, в 1976 г., в возрасте 39 лет, она была приглашена для работы в Конгрессе сенатором от штата Мэн Э. Маски (в его предвыборных компаниях Мадлен участвовала ранее) на пост главного помощника по вопросам законодательства. «В качестве главного помощника сенатора Маски, – указывает М. Олбрайт, – я, наконец, наряду с мужчинами, получила доступ в святая святых, туда, где принимаются решения и где мне предстояло продолжить моё политическое образование... И я узнала о многих способах, какими Конгресс может оказывать чувствительное влияние на внешнюю политику. Все эти уроки позднее оказались для меня бесценными» [5, с. 103].

В 1978 г. по приглашению Зб. Бжезинского М. Олбрайт приступила к работе в Белом доме. Она осуществляла связь между Конгрессом и СНБ, совместно с сотрудниками СНБ разъясняла внешнеполитические приоритеты Конгрессу, координировала законодательную стратегию администрации, присутствовала на встречах президента с представителями Конгресса и отвечала на вопросы конгрессменов. «Три года, – вспоминает она, – я работала в Совете Национальной безопасности, жадно впитывала всё, что меня окружало. Я узнала, как функционирует аппарат принятия решений, касающихся безопасности страны, отточила навыки общения с Конгрессом и попробовала на зуб целую серию реальных повседневных проблем внешней политики» [5, с. 120]. Мадлен узнала, как функционирует Министерство обороны и ЦРУ.

В 1992 году М. Олбрайт стала советником кандидата на пост президента Б. Клинтона и после его избрания на пост президента была назначена постоянным представителем США в ООН; исполняла эти обязанности с 1993 по 1997 г. В этой должности она изнутри познакомилась с работой внешнеполитической команды президента, так как Б. Клинтон включил посла США в ООН в состав Комитета принципалов – главного совещательного органа при президенте.

М. Олбрайт также хорошо знала неформальную сторону внешнеполитического механизма США. С 1983 г., следуя примеру отца, она стала преподавать в Джорджтаунском университете. «В тот момент мне казалось, что нужно выбирать одно поприще или другое, но на самом деле всё получилось иначе. В Вашингтоне всегда существует возможность поучаствовать в политике, хотя бы «на полставки» [5, с. 125]. И параллельно участвовала в политической жизни: в качестве главного советника по вопросам внешней политики в избирательных компаниях У. Мондейла, Дж. Ферраро, М. Дукакиса. Приобрела большой авторитет в кругах Демократической партии, значительно расширила круг знакомств. Регулярно у себя в доме устраивала дискуссии по внешнеполитическим проблемам с участием конгрессменов, сотрудников «мозговых трестов», юридических фирм и др. Возглавляла Центр национальной политики, представлявший собой «мозговую трест». Благодаря этой деятельности, она получила опыт, как эти организации оказывают влияние на формирование внешнеполитических решений.

Таким образом, к моменту назначения на пост госсекретаря, М. Олбрайт обладала опытом участия в формировании внешней политики США на самом высшем – президентском уровне. Благодаря жизненному опыту, опыту преподавательской работы и работе в сфере политики, она обладала уже сформированными взглядами на развитие внешней политики США.

Её взгляды можно охарактеризовать следующим образом: считала, что главной целью внешней политики должно стать обеспечение глобального лидерства Америки в постбиполярном мире, и для этого необходимо влиять на политику и действия других государств так, чтобы это служило интересам США. М. Олбрайт была уверена, что для Америки недостаточно осуществлять пассивное лидерство после распада СССР, а необходимо выстроить новую

систему международных отношений, которая бы в новых постбиполярных условиях соответствовала американским интересам.

Полагала, что для этого, в первую очередь, необходимо убедить американцев (начиная от рядовых служащих до высокопоставленных чиновников) в необходимости проведения активной внешней политики, так как, по её оценке и оценке ряда исследователей, после исчезновения угрозы со стороны СССР интерес к вопросам внешней политики был в значительной степени утрачен. Одной из главных задач во внешнеполитической сфере М. Олбрайт видела необходимость содействия переходу всех государств, получивших независимость после распада СССР, в группу стран с демократическим устройством – полноправных участников системы международных отношений.

Считала, что объектом внимания Америки должны быть все континенты и уголки мира, однако особое значение придавала политике в отношении стран Центральной и Восточной Европы. На этом направлении у Мадлен было три приоритета. Во-первых, расширение НАТО чтобы заполнить вакуум, образовавшийся в Центральной и Восточной Европе после распада СССР. С этой целью она планировала проводить политику, принятую в 1993 г. в первый срок пребывания у власти администрации Б. Клинтона. А именно:

1. Успешно провести процесс расширения НАТО, реализовывая 4 принципа по отношению к этой организации:

а) НАТО продолжает играть центральную роль в европейской системе безопасности;

б) НАТО откроет свои двери для новых членов, если они будут соответствовать критериям этой организации;

в) использовать перспективу вступления в НАТО как стимул для внутренних преобразований в странах-кандидатах;

г) расширение НАТО должно происходить постепенно. Реализации этих четырёх принципов должно было способствовать развитие программы «Партнёрство ради мира».

2. Способствовать интеграции России и Запада.

3. Обеспечить полное выполнение Дейтонских соглашений, чтобы устранить угрозу войны на Балканах [5, с. 329].

М. Олбрайт считала, что средства для обеспечения американских внешнеполитических интересов, *«включают всё, начиная с добрых слов и заканчивая крылатыми ракетами. Правильно и терпеливо комбинировать эти средства – это и есть искусство дипломатии»* [5, с. 414]. Большое значение она придавала многосторонности: при реализации своих интересов США не должны действовать односторонне, а привлекать союзников, обладая при этом решающим голосом в определении целей и средств, которые позволят всей коалиции добиться успеха. Сильные союзники, действенные экономические рычаги и возможность в случае необходимости действовать через ООН и другие международные организации, по мнению М. Олбрайт, должны быть одними из ключевых инструментов президента.

Главной формой реализации внешнеполитической стратегии госсекретарь считала развитие демократии: эта политика направлена на утверждение американских ценностей и является превентивной мерой в борьбе с нестабильностью. Она была сторонницей анализа ситуации изнутри в тех государствах и регионах, в отношении которых направлена внешнеполитическая стратегия, привлечения к реализации политики выходцев из этих стран. Считала, что действие изнутри (через культуру, внутреннее реформирование) поможет повлиять на внешнеполитическую позицию государства – объекта политики. И в этом отношении являлась убеждённой сторонницей активного использования приёмов «публичной» дипломатии.

Приступая к работе, М. Олбрайт, исходила из того, что Госдепартамент должен выполнять положенные ему по Конституции обязанности: формулировать и проводить в жизнь внешнюю политику США, а советник по национальной безопасности должен лишь координировать действия различных ведомств в соответствии с заданным госсекретарём курсом. Таким образом, благодаря личности нового госсекретаря, инициатива по формированию политики США в 1997 – 2001 гг. перешла к госдепартаменту. К этому времени М. Олбрайт была разведена и имела возможность «с головой уйти в работу», отдавая ей все свои силы и время. Она обладала рычагами, которые повышали эффективность реализации подходов внешнеполитического ведомства.

Одним из них было уважение и доверие президента, что следует из контекста мемуаров М. Олбрайт, и её авторитет был значительно большим, по сравнению с другими членами внешнеполитической команды. Мадлен пишет, что, несмотря на то, что президент заранее не планировал регулярные индивидуальные встречи с членами своего кабинета, она часто встречалась с ним с глазу на глаз или вместе с другими членами кабинета. *«Я часто задерживалась после совещаний в Овальном кабинете, потому что президент писал мне записку с просьбой это сделать или подавал знак. – Вспоминает М.Олбрайт. – У него была беспокойная привычка часто звонить мне ночью, иногда довольно поздно»* [5, с. 440]. Залогом этого доверия, в значительной степени, была дружба с женой президента – Хилари Клинтон.

Госсекретарь наладила контакт с другими ключевыми членами внешнеполитической команды: советником президента по национальной безопасности С. Бергером и министром обороны Б. Коузном, несмотря на ряд противоречий между этими тремя ведомствами. Об С. Бергере она пишет, что отношения с ним нельзя было назвать безоблачными, но если сравнить с некоторыми их предшественниками на данных постах, то можно сделать вывод, что ладили неплохо. А с Б. Коузном хоть не всегда и соглашалась, но обычно противоречия удавалось разрешить [5, с. 449]. Исходя из мемуаров М. Олбрайт и оценок исследователей, у неё не было сильных оппонентов во внешнеполитической команде президента; так, С. Бергер больше проводил координационную работу в пределах внешнеполитического механизма (например, [3, с.71]).

М. Олбрайт обладала большой сетью контактов, наработанных в предшествующие годы, что имеет большое значение в условиях внешнеполитического механизма США. И она активно их использовала. Ещё до того, как Мадлен стала принимать активное участие в политике, для неё самой неожиданностью стала дружба с ярким республиканцем Тедом Стевенсоном, который, в то время как она занимала пост госсекретаря, был председателем Комитета по государственному ассигнованиям. И Мадлен, как она отмечает, *«регулярно встречалась с этим мудрым, но прижимистым сенатором, выбивая для Государственного департамента бюджет, соответствующий нуждам нашей внешнеполитической деятельности»* [5, с. 39].

В отличие от своих предшественников на посту госсекретаря, она активно использовала неформальное общение, в частности, для выявления и согласования внутри- и межведомственных позиций в рамках исполнительной власти по тем или иным вопросам до их вынесения на официальный уровень, что, по её опыту и убеждению, значительно повышает эффективность внешнеполитического процесса.

Неформальное общение госсекретарь использовала и для налаживания отношений с Конгрессом, обе палаты которого и ключевые комитеты на тот момент контролировали республиканцы, правда, как она указывает, *«мне пришлось сделать хирургическую операцию по удалению всех моих партийных инстинктов»* [5, с. 306]. Например, с целью повышения эффективности реализации проводимого Белым домом внешнеполитического курса, она наладила контакты с председателями четырёх подкомитетов Конгресса, от которых зависели различные статьи финансирования. Всё это приносило, как она отмечает, и ряд других политических дивидендов [5, с. 306].

С приходом М. Олбрайт на пост госсекретаря развитие получают доктринальные основы внешней политики США на европейском направлении. Это показывает анализ Стратегии национальной безопасности – базового документа американской внешней политики.

Наряду с подтверждением внешнеполитического курса, заложенного в первый срок пребывания у власти администрации Б.Клинтон (расширение НАТО, экономическая интеграция и демократизация стран Центральной, Восточной Европы и новых независимых государств, в отношении постсоветского пространства) появляются новые элементы.

Во-первых, впервые вводится геополитическое районирование региона «Европа и Евразия»: выделяются Балканы, Юго-Восточная Европа, Северная Ирландия и «новые независимые государства» бывшего Советского Союза. В пределах «новых независимых государств» обособляются Россия, Кавказ и Центральная Азия, которые впервые включены в число приоритетных регионов с позиции интересов США.

Во-вторых, впервые в качестве приоритета обозначается разработка энергоресурсов Каспийского бассейна, *«который с его потенциальным объёмом нефти обещает играть не-*

вероятно значимую роль в связи с возрастающей потребностью западных экономик в новых источниках энергии» [7, р. 27]. В редакции Стратегии 1998 г. уже конкретизируется: «США будут поощрять инвестирование, в первую очередь, американских компаний, в энергоресурсы новых независимых государств и их экспорт на мировые рынки, тем самым расширяя и диверсифицируя мировые поставки энергии» [8, р. 38].

О работе госдепартамента в этом направлении свидетельствует практическая реализация заданного им внешнеполитического курса. К ней можно отнести следующие шаги: в июле 1997 г. на саммите НАТО в Мадриде первые страны бывшего Варшавского договора – Чешская Республика, Венгрия и Польша – получили приглашение вступить в НАТО; 30 апреля 1998 г. в Сенате состоялось голосование, одоббившее принятие в Альянс этих трёх новых государств; и в марте 1999 г. на саммите НАТО в Праге Венгрия, Польша и Чешская Республика стали новыми членами альянса. В 1997 г. был заключён основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора.

В 1999 г. по инициативе США на Стамбульском саммите стран-участниц ОБСЕ было подписано соглашение о прокладке по территории Азербайджана, Грузии и Турции трубопровода Баку-Джейхан, что явилось реализацией положения Стратегии национальной безопасности 1997 г. Для достижения этого результата среди членов правительства, по-видимому, была проведена определённая работа по обоснованию необходимости разработки энергоресурсов Каспия. На это указывает анализ выступлений госсекретаря. Так, в речи, произнесённой М. Олбрайт в одном из комитетов Конгресса 4 марта 1998 г., она отметила, что вопрос энергоресурсов Каспия не очень популярен среди конгрессменов [9, р. 18]. Однако менее чем через год ситуация изменилась; и вновь выступая в Конгрессе, М. Олбрайт отметила не только интерес, но и поддержку со стороны конгрессменов инициативы по развитию инфраструктуры транспортировки энергоносителей из стран Каспийского региона [10, р. 4].

М. Олбрайт был принят ряд мер для повышения эффективности реализации внешнеполитического курса, в частности, внесён ряд изменений в институциональное обеспечение внешней политики. В 1999 г. произошло слияние Госдепартамента и Информационного Агентства США, в результате которого контроль за реализацией «публичной дипломатии» перешёл к Госдепартаменту. «В первую очередь американцам следует понять, что мы не сможем вести за собой мир, если не научимся понимать тех, на кого хотим как-то повлиять», – отмечала она [6, с. 131]. И в этом отношении публичной дипломатии отводилось ключевое значение. При М. Олбрайт также началась подготовка к созданию в структуре Госдепартамента отдельного звена для реализации политики на европейском региональном направлении – Бюро по делам Восточной Европы и Евразии, в том числе ответственного за реализацию политики в Турции и на Кавказе. Для повышения эффективности принимаемых мер, наряду с реализацией политики через государственные структуры, был взят курс на активное включение в этот процесс неправительственных организаций в рамках «публичной дипломатии».

Таким образом, были сделаны следующие выводы:

Во-первых, в условиях выбранного Б.Клинтоном стиля внешнеполитического руководства, инициатива по определению основ внешней политики была предоставлена его ближайшим советникам: госсекретарю и советнику по национальной безопасности. Благодаря личным качествам и квалификации госсекретаря М. Олбрайт, центр формирования внешней политики США переместился в Госдепартамент. Её заслугой можно считать то, что в условиях сложной внутривнутриполитической обстановки, все звенья внешнеполитического механизма США были сориентированы на реализацию политики Госдепартамента.

Во-вторых, активизация внешней политики США на европейском региональном направлении во второй половине 1990-х гг. обусловлена личной заинтересованностью М.Олбрайт, основанном на её происхождении. Анализ тех шагов, которые новая госсекретарь предпринимала в сфере формирования и реализации политики США на европейском региональном направлении, позволяет утверждать, что она реализовывала разделяемую ею внешнеполитическую стратегию своего учителя Зб. Бжезинского, который ещё в первой половине 1990-х гг. утверждал необходимость выработки и реализации комплексной всеобъемлющей и долго-

срочной геостратегии по отношению ко всей Евразии. Элементы этой стратегии были им изложены в 1996 г. в работе «Великая шахматная доска». Эта работа позволяет объяснить ряд практических шагов М.Олбрайт на этом направлении.

Остановимся лишь на одном из них: строительстве трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан, которое, по мнению Зб. Бжезинского, должно было стать одним из ключевых элементов евразийской стратегии. Оно решило бы следующие геополитические задачи:

- а) участие Азербайджана в этом проекте усилит плюрализм на постсоветском пространстве, будет препятствовать возрождению России;
- б) даст экономические выгоды Турции;
- в) будет способствовать развитию взаимодействия между Турцией и Азербайджаном;
- г) окажет помощь Европе в диверсификации источников энергии [1, с. 243; 2, с. 124].

В-третьих, внешнюю политику США на европейском региональном направлении в период пребывания у власти администрации Б. Клинтона формулировали и реализовывали выходцы из стран Центральной и Восточной Европы: план расширения НАТО был инициирован Зб. Бжезинским, программа «Партнёрство ради мира» предложена председателем Комитета объединённых штабов в администрации Б. Клинтона генералом Дж. Шаликашвили, родившимся в Польше. Обе эти идеи в момент их появления поддерживала М. Олбрайт, и, заняв пост госсекретаря, реализовала на практике.

В-четвёртых, анализ концептуальных подходов таких учёных, как М. Олбрайт и Зб. Бжезинский, пользующихся большим авторитетом в кругах Демократической партии, важен для изучения политики президента Б. Обамы, так как, в связи с особенностями внешнеполитического механизма США, эти люди, формально не находясь в его структурах, могут оказывать определённое влияние на формулирование внешней политики.

Источники и литература.

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2005. 256 с.
2. Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М.: Международные отношения, 2007. 240 с.
3. Дудко І.Д. Інституційне й управлінське забезпечення зовнішньополітичної стратегії США в умовах постбіполярності: Монографія. К.: КНЕУ, 2007. 144 с.
4. Механизм формирования внешней политики США / Ответственные редакторы Г.А. Трофименко, П.Т.Подлесный. М.: Наука, 1986. 203 с.
5. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт; Пер. с англ. М.: Альбина Бизнес Букс, 2004. 688 с.
6. Олбрайт М. Религия и мировая политика / Пер. с англ. М.: Альбина Бизнес Букс, 2007. 352 с.
7. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource]. Washington: The White House, 1997. 34 p. Access: <http://osdhistory.defense.gov/docs/nss1997.pdf>
8. A National Security Strategy for a New Century [Electronic resource] - Washington: The White House, 1998 - 59 p. Access: <http://osdhistory.defense.gov/docs/nss1998.pdf>
9. Secretary Albright. Ensuring Foreign Policy Tools that Sustain American Leadership [Electronic resource] / Statement before the Subcommittee on Foreign Operations, Export Financing and Related Programs of the House Appropriations Committee, Washington, DC, March 4, 1998 – U.S. Department of State Dispatch – April 1998 . – Access: <http://www.state.gov/www/publications/dispatch/April1998.pdf>
10. Secretary Albright. U.S. Foreign Operations Budget [Electronic resource] / Statement before the Senate Appropriations Committee on Foreign Operations, Washington, DC, May 20, 1999 – U.S. Department of State Dispatch – June 1999. - Access: <http://secretary.state.gov/www/statements/1999/990520.html>

V

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

СТРУКТУРА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Чорный С.П.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Стратегическое планирование избирательных кампаний строится на основе общих принципов применения соответствующих методик, но имеет свои особенности.

Под стратегией обычно понимается общая направленность, содержание и порядок действий кандидата и его команды по достижению своих целей в избирательной кампании [3].

Суть избирательной стратегии заключается в том, чтобы определить, как максимально увеличить собственные преимущества и использовать слабые стороны оппонента, чтобы добиться своих целей на выборах. Поэтому избирательная стратегия всегда базируется на диагностике избирательного округа, выявлении адресных групп населения, определении ключевых проблем, которым должно быть уделено основное внимание, формулировке целей кандидата, оценке ресурсов кандидата и соперников, наборе сценариев хода кампании, формулировке концепции и основных лозунгов кампании, выработке принципов вхождения в коалиции и т.д.

Избирательная стратегия всегда включает несколько обязательных элементов:

- а) рекламу своей позитивной программы,
- б) оборону там, где кандидат наиболее уязвим,
- в) разоблачение недостатков соперников.

Стратегию избирательной кампании можно понимать как ее основную направленность: голоса каких групп избирателей должны быть отданы за кандидата, каковы должны быть веские основания для этих избирателей проголосовать за этого кандидата, какие сообщения и через какие информационные каналы следует до них доносить, как правильно распорядиться всегда ограниченными ресурсами избирательной кампании для решения этих задач.

Разработка стратегии избирательной кампании, ее направленности, должна сопровождаться разработкой сценариев реализации этой стратегии, т.е. укрупненных описаний одного или нескольких вариантов реализации, развертывания стратегии во времени с учетом ресурсного обеспечения и возможного противодействия конкурентов и среды, в которой развиваются события. Сценарий стратегии избирательной кампании, как правило, содержит описание ключевых моментов и периодов избирательной кампании, а также задач, которые должны быть решены к этим моментам и в течение этих периодов.

Начинается разработка стратегии с диагностики округа (для избирательного объединения, кандидата в президенты – экономического и социально-политического положения страны), обследования общественного мнения, анализа структуры электората и выделения целевых групп, своих слабых и сильных сторон, изучения соперников, выявления

полного перечня ресурсов, которыми обладает избирательное объединение; т.е., сбор и реалистичный анализ факторов, которые могут оказать влияние на ход голосования. На основе этих данных вырабатывается имидж партии (кандидата), формализованные цели и концепции кампании, разрабатывается стратегия, выбирается тактика. Заканчивается разработка стратегии процессом планирования, то есть переводом теоретических разработок в конкретный план действий. Стратегия избирательной кампании должна содержать [1]:

1. Цель и задачи.
2. Описание округа (наименование населенного пункта, описание границ, сложившаяся ситуация, последние рейтинги партии, лидеров, местного руководства – социология и результаты голосования).
3. Описание системы выборов (количество мандатов, округов, комиссий, партийные или одномандатные округа).
4. Описание комиссии, организующей выборы – лояльность, представители других партий, основные характеристики их работы на прошлых выборах, опытность.
5. Характеристика СМИ – количество, охват, лояльность, работают ли на цели администрации и партии.
6. Описание других каналов воздействия – интернет, социальная реклама, дискуссионные площадки, общественные слушания, приемные.
7. Характеристика предполагаемых конкурентов – партийных и независимых, возможности по вовлечению самых рейтинговых в свою избирательную кампанию, возможности по стимулированию внутренних конфликтов, ликвидация финансовых источников конкурентов.
8. Характеристика самых рейтинговых на территории партийных оппонентов, просто авторитетных людей – возможности по их вовлечению в избирательную кампанию поддержкой.
9. План кампании согласно технологической карте.
10. Список основных проблем территории и методики их ликвидации, или минимизация воздействия на кандидатов партии.
11. Список предполагаемых действий по контрпропаганде однозначных политических оппонентов. Связывание их с непопулярными проектами, событиями, личностями.
12. Перечень общественных организаций, учреждений (почта, разносчики пенсий, социальные работники, расклейщики афиш), которые будут поддерживать кандидатов партии или вовлекаться в работу на них.
13. Описать местные темы, которые необходимо будет отрабатывать: строительство, экология, транспорт, праздники (день учителя, день защиты детей, 1 сентября, день пожилого человека, местные юбилеи и события, открытия мероприятий и комплексов, празднование дня города).
14. Перечень партийных мероприятий (организация и поддержка спорта, культуры, акции, выход в народ кандидатов в депутаты). Дворовые праздники, субботники, благоустройство под брендом партии и с лицами кандидатов.
15. Предполагаемый бюджет избирательной кампании и источники его формирования.

Для построения электоральной стратегии, а также для ее выполнения исполнителям необходимо опираться на имеющиеся у них в распоряжении ресурсы.

Можно выделить следующие основные группы ресурсов предвыборной кампании [2]:

1. Временные ресурсы – чем раньше начать предвыборную кампанию, тем выше шансы на победу при умелом ведении предварительной «раскрутки».
2. Интеллектуальные, творческие ресурсы – способность привлечь высококлассных специалистов для разработки и реализации кампании, создания и реализации программы кандидата.
3. Финансовые ресурсы.
4. Организационные ресурсы – эффективная мобилизация и организация "рук-ног", необходимых для реализации кампании, а также способность в ходе кампании отмотивировать достаточное число структур-союзников.

5. Административные ресурсы.

6. Материально-технические ресурсы – технологическое вооружение штабов – доступ к современным системам связи, мощным компьютерам и программному обеспечению, транспорту.

7. Юридические ресурсы – хорошая работа юристов позволяет снять основных соперников или вообще сорвать выборы, если кандидату не удалось раскрутиться.

8. Информационные ресурсы – доступ к информационным потокам соперников, позволяющий сделать их кампании "прозрачными", а также скрытый или прямой контроль над СМИ, обеспечивающий господство на информационном пространстве.

9. Специальные оперативные ресурсы – информационные, организационные, интеллектуальные и иные средства воздействия на кампании соперников и союзников.

При формировании электоральной стратегии необходимо учитывать еще и тот факт, что весь электорат делится на две базовые группы [2]: жесткий (не меняет своей позиции практически никогда) и мягкий (меняет свою позицию под внешним воздействием).

Практика проведения предвыборных кампаний показывает, что грамотно выстроенная электоральная стратегия позволяет политической партии, движению, кандидату найти свою электоральную нишу и стать лидером избирательной кампании. Отсутствие стратегического планирования или некачественное его проведение обычно приводит к тому, что кампания кандидата способна лишь более или менее успешно реагировать на действия конкурентов, но не способна навязать им свою стратегию, свою игру, свою волю. В итоге кандидат теряет какие либо шансы стать лидером избирательной кампании.

Успешная стратегия предполагает видение различных аспектов взаимоотношений с избирателями. Выбор средств ведения агитации должен определяться, с одной стороны, максимально точными социологическими данными о состоянии внешней среды во время выборов, а с другой – трезвой оценкой характеристик продвигаемого кандидата.

Источники и литература.

1. Центр Прикладных Исследований и программ. Сайт. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://prisp.ru/examination/105-strategiya-izbiratelnoj-kampanii-dolzha-soderzhat.html>
2. Консалтинговая группа PR-mater. Сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.triumph-plus.ru/strat.htm>
3. Кудинов О.П., Шипилов Г.А. Диалектика выборов. М.: ЗАО ПО "МАСТЕР", 1997.

VI НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НАРОДОВЛАСТИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКОВ

КАРДАИЛЬСКАЯ Д.А.

Филиал МГУ им. Ломоносова в г. Севастополе

В наши дни доминирующей формой правления в современном Западном мире является демократия. Демократические права и свободы человека ныне неоспоримы, и правительства западных стран обязаны стоять на страже этих прав. Фактически первым государством, созданным для защиты прав своих граждан, стали Соединенные Штаты Америки, где в XVIII веке были провозглашены права человека и гражданина на уровне официальной доктрины.

Тема зарождения и развития демократии в США весьма актуальна, так как влияние этого государства в наше время наглядно проявляется в самых разных сферах, будь то политика, экономика или культура. В связи с этим необходимо понять суть американского самосознания и системы ценностей, а судить о настоящем положении дел позволяют именно истоки американской демократии и идеологии. Становление американского государства и развитие политической системы Соединенных Штатов на раннем этапе, в период до Гражданской войны, является важным этапом мировой истории, а Конституция США, став первой Конституцией современного типа, послужила примером для дальнейшего создания подобных документов в других странах. Вместе с тем, принципы народовластия в США, рожденные в XVIII и утвердившиеся на практике в XIX веке, продолжают и сейчас во многом определять политику этого государства.

С XVIII века жители североамериканских колоний считают себя уже не просто колонистами, а народом, американским народом, создающим новый, американский образ жизни. И единственным связующим звеном между Америкой и феодальным прошлым Европы выступала Великобритания – метрополия Североамериканских колоний.

В Новом Свете людям открылись новые горизонты и перспективы, возможности созидать, не ощущая последствий ошибок прошлого. Так, новое мышление колонистов довольно точно отражает изречение Франклина: *«Я думаю, что мы на правильном пути усовершенствований, ибо мы осуществляем эксперименты»* [5, с.181].

Безусловно, представить более благодатную почву, чем североамериканские колонии, для революционных идей Просвещения было трудно. Американское Просвещение не просто впитало в себя опыт европейских просветителей, но и несколько усовершенствовало его, в соответствии со своими новыми канонами. Демократы, среди которых Томас Пейн, Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон, ратовали за создание государства «для

людей» и посредством правления народа. Тогда же прозвучали первые призывы к отмене рабства как института, порочащего общество, где официально не было места угнетению.

Впервые за отделение колоний и провозглашение независимости выступили американские просветители, среди которых особо отличились Джефферсон и Пейн. Республиканец Джефферсон, известный своей верностью правам штатов, в работе «Общий обзор прав Британской Америки» высказывался за отделение колоний от Британии и за развитие демократических начал в обществе [2]. Джефферсон выступал за конфедерацию, состоящую из республик, где государство заботится о гражданах и их собственности, и посвятил свою жизнь воплощению этой идеи.

Мастером самой популярной формы политической литературы того времени и одним из самых прогрессивных мыслителей своей эпохи был Томас Пейн. В своем знаменитом памфлете «Здравый смысл» автор убедительно критиковал монархию и законы Англии, настаивая на немедленном отделении колоний. «*Дело Америки во многом является делом всего человечества*» [6], - писал Пейн, выражая идею американской исключительности, которая до сих пор пользуется большой популярностью в США. Томас Пейн был одним из самых радикальных деятелей своей эпохи, истинным демократом, не признающим границ народовластию, а также убежденным республиканцем. Он выступал за всеобщее избирательное право в независимости от владения собственностью: «*И малое число избирателей, и малое число представителей одинаково опасны. Но если число представителей не только мало, но и неравно, опасность возрастает*» [10].

С другой стороны, демократам, вроде Пейна и Джефферсона, противостояли не менее просвещенные люди, среди которых были Джон Адамс и Джордж Вашингтон (отцы-основатели и будущие президенты США) [13], всеобщая уравниловка представлялась опасной. Опасность эта казалась очевидной обеспеченным людям молодого и процветающего общества – угроза «снизу», от неимущих классов, беспокоила их ничуть не меньше, чем гнет британкой короны. Согласно духу времени, как таковая, степень демократичности американского народа к отдельному гражданину определялось наличием у последнего некой собственности [8, с. 129-130]. Таким образом, консервативные, а за ними и умеренные круги настаивали на необходимости определенного государственного контроля. Следует отметить, что эта тенденция стала корректирующей, что определяло особенности развития демократических институтов.

Нельзя сказать, что американское Просвещение было глубоко демократичным со всех сторон. Наиболее болезненным для осмысления оказался статус раба. Если белое рабство со временем исчезло, будучи публично осуждено, то черное рабство большинство американских просветителей фактически поддерживали или, во всяком случае, ничего не имели против него. Даже такой именитый защитник свободы, как Томас Джефферсон, был тесно связан с плантаторскими кругами, поэтому он довольно сдержанно, можно даже сказать, консервативно, подходил к вопросу о разрешении негритянской проблемы, отвергая революционное освобождение рабов и настаивая на постепенном решении этой проблемы [11, с. 29]. Положение дел обострилось к середине XIX века: общество не стояло на месте, и теперь большинство просвещенных людей просто не могли смотреть сквозь пальцы на этот анахронизм, находящийся у них перед глазами. Однако рабство являлось главной производительной силой Юга, обеспечивая его богатство, поэтому, южные плантаторы цепко держались за старые порядки. Тем не менее, параллельно поднималось мощное антирабовладельческое движение, у истоков которого стояли величайшие демократы своего времени, Пейн и Франклин.

С другой стороны, важнейшими считаются завоевания американского Просвещения в отношении теории демократии и прав человека, согласно которым эти «самоочевидные истины» [5, с.182-183] заняли надлежащее место в сознании американца и доктрине США. Пропаганда равенства и теории естественных прав человека, а именно любого человека без исключений, сделали свое дело. Деятели американского Просвещения заложили фундамент здания демократии США: с конца XVIII века ценность прав человека и его права на участие в политической жизни страны получили самое широкое развитие, разумеется, с

согласия государства, которое со временем перестало бояться охлократии, научившись воспитывать настоящих граждан, как в свое время предлагал Джефферсон [11, с. 20].

Первые опыты демократии в Североамериканских колониях были предприняты еще в колониальную эпоху. Правительство Англии позволило создать в колониях первые представительные органы власти – выборные ассамблеи представителей. Англичане, развивавшие принцип коллегиальности у себя, не могли и представить себе, какие последствия повлечет этот шаг в Новом Свете. С другой стороны, английское правительство учредило должность губернатора, дабы корректировать политику ассамблей. Губернатор обладал широкими полномочиями и притеснял ассамблеи, что вызывало огромное недовольство общественности [12, с.14-15].

Однако власть собраний со временем крепла, так как их членам удалось сосредоточить в своих руках финансы и бюджет. Ассамблеи имели такие рычаги власти, как установление налогов, определение бюджетов колоний и назначение жалования губернатору, что было довольно болезненным вопросом. Таким образом, губернатор вынужден был координировать свои действия с ассамблеями, однако это не означало, что губернатор во всем уступал. Несмотря ни на что, перевес продолжал оставаться за монархическим крылом, и в сложившейся ситуации ассамблеи были бессильны что-либо изменить [12, с.21].

По сути, эти так называемые законодательные собрания были лишь предтечами демократических институтов. В выборах участвовало только 15% населения, белых мужчин с определенной земельной собственностью и достатком. Этот показатель значительно выше, чем в Англии, но это объясняется в основном тем, что в Америке легче было приобрести землю. Кроме того, выборы были открытыми, поэтому, распространилась практика подкупа избирателей, в результате чего в ассамблеях заседали представители богатых и влиятельных семей [14].

Именно эта сложившаяся олигархия вызывала народное недовольство, что также привело к Войне за независимость. Дело было не только в конфликте Англии и колонистов, но и конфликте колонистов с местными монархистами. Несмотря на сложное положение законодательных ассамблей и противоречивое отношение к ним, именно роспуск ассамблеи Массачусетса вызвал в колониях взрыв негодования.

Таким образом, в США фактически была подготовлена основа для создания более совершенной системы, которую в полной мере можно было бы назвать демократией. В отличие от европейских стран, им не нужно было ломать старую неповоротливую систему – их порядок и самосознание были готовы к любым экспериментам. В этом и заключается уникальность американского опыта: они лишь надстроили необходимые детали, без каких-либо радикальных изменений, сочетая английский опыт парламентаризма и местные демократические традиции.

В семидесятых годах XVIII века произошло то, чего так боялись в Великобритании, и чему рукоплескали просвещенные европейцы: Североамериканские колонии сначала позволили себе не подчиниться власти метрополии, а затем фактически объявили о своем намерении выйти из-под власти Британской короны.

Подтверждением этого шага стала принятая «Декларация независимости», созданная Томасом Джефферсоном и подписанная 4 июля 1776 года. «Единогласная декларация тринадцати Соединенных Штатов Америки» объявила об отделении Североамериканских колоний от Великобритании. Документ последовательно перечисляет злодеяния короля Англии в отношении колоний, подробно объясняя причины отделения, оправдывая, таким образом, решение колонистов изменить своим верноподданническим чувствам.

Кроме того, в Декларации были утверждены положения о равенстве граждан: *«Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых»* [7].

Таким образом, Декларация провозглашала независимость Штатов, но в документе не были оговорены ни условия их союза, ни дальнейшие планы развития и существования

колоний без контроля метрополии. Однако Штаты обязались всячески помогать друг другу и «поддерживать эту декларацию жизнью, имуществом и честью» [7].

Декларация, безусловно, имела в первую очередь эмоциональное значение – это был фактический разрыв с Британской властью, на который так долго не могли решиться колонисты. Но действительно значимых деталей новой ситуации Декларация не оговаривала. Выходило, что остальные вопросы (об организации союза колоний, о положении граждан штатов и международном положении колоний) оказались вне сферы обсуждения документа. Декларация независимости стала только первой ступенью к формированию Соединенных Штатов Америки, и этот первый шаг на пути к созданию единого государства был сделан, путем установления союза колоний.

В результате, в период войны за независимость перед американцами встал важнейший вопрос - как организовать политическое устройство всей этой огромной территории. Согласно Джону Адамсу, большинство патриотов предполагали превращение колоний в самостоятельные государства (отсюда и название «штаты» от англ. states) [12, с. 26-27]. Однако такое устройство таило огромную опасность для союза, как будущего единого государства, поскольку это предполагало его разделение на несколько государств, а этот шаг мог привести к непредсказуемым последствиям.

В разгар войны Второй континентальный конгресс принял «Статьи Конфедерации», которые вступили в силу только в 1781 году, когда его ратифицировал последний, тринадцатый штат. Восемь статей документа предусматривали объявление штатов республиками, их союз знаменовался созданием конфедерации, которая называлась Соединенные Штаты Америки. Этот документ делал союз штатов весьма зыбким: *«Каждый штат сохраняет свое верховенство, свою свободу и независимость, равно как всю власть, всю юрисдикцию и все права, которые не предоставлены дословно этой конфедерацией Соединенным Штатам, собравшимся на Конгресс»* [15]. Из трех ветвей власти была зафиксирована только законодательная, в виде однопалатного Континентального конгресса.

Кроме того, в статьях Конфедерации ничего не говорилось о правах граждан, так как предполагалось, что их гарантируют конституции штатов. В этом действительно был некий смысл, поскольку вопрос о свободе совести в разных штатах ставился и решался по-разному [14, с.13].

Конфедерация, предложенная в «Статьях...», показала себя не слишком жизнеспособной уже на первых порах. Томас Пейн раскритиковал документ, ратуя за союз и утверждая: *«Сила наша - в Континенте, а не в отдельных провинциях»* [11, с. 25]. Даже убежденные республиканцы, выступавшие за максимальное расширение прав штатов, включая главного их идеолога Томаса Джефферсона, склонялись к идее укрепления федеральной власти [14, с. 29-30].

Так, Конституция США, принятая 17 сентября 1787 года, начинается со слов: *«Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный Союз...»* [9]. С этой целью был созван Филадельфийский Конвент, где и обсуждались различные проекты конституции.

Следует отметить, что «отцы основатели» в первую очередь стояли на позициях верхних классов общества. Участники Конвента резко отрицательно высказывались о демократии, однако поддержали сохранение нового принципа избирательного права [8, с. 183]. Целью правительства было примирение народа в едином государстве и, во избежание волнений и недовольств, правительство шло на уступки, понижая имущественный ценз на выборы. Статья I раздела 2 гласит: *«Не может быть представителем тот, кто не достиг возраста двадцати пяти лет, не был в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов и не является на момент избрания жителем того штата, в коем выбирается»* [9].

В отношении Конгресса, было поддержано предложение о создании двухпалатной системы, где верхняя палата, Сенат, контролировала нижнюю, сдерживая демократические перекосы, что касается Законодательных собраний штатов, то они копировали структуру Конгресса. Если говорить о демократичности как таковой, то наиболее демократичными были выборы в нижние палаты законодательных собраний штатов, затем в нижнюю

палату конгресса, а вот сенаторов назначали законодательные собрания штатов, что обеспечивало их умеренность [14, с.73-74].

Исполнительная власть предоставлялась Президенту Соединенных Штатов Америки, который должен был занимать должность в течение четырехлетнего срока (статья II раздел 1), имея при этом достаточно широкие полномочия: он назначает послов, других официальных представителей и консулов, также судей Верховного суда. Судебная власть Соединенных Штатов предоставлялась Верховному суду и нижестоящим судам, которые Конгресс мог учреждать [9].

Таким образом, был фактически реализован принцип разделения властей: законодательная принадлежала Конгрессу, исполнительная – президенту, а судебная – Верховному суду. Однако нельзя сказать, что Конвент был до конца либерален. Подтверждением консервативности Конвента служит еще тот факт, что первоначально его члены отказались включить в федеральную конституцию «Билль о правах». Этот документ был принят только под давлением общественности в качестве десяти первых поправок к Конституции.

Фактически, именно Билль о правах, составленный Джеймсом Мэдисоном, является наиболее демократичной частью конституции. В тексте конституции от 1787 года утверждена политическая система США, федеральные органы власти и порядок их работы. В Билле о правах утверждены на законодательном уровне права человека и гражданина. Первая статья провозглашала свободу слова, религии, прессы и свободу собраний, а также права на подачу петиций. Билль предоставлял право на ношение оружия, запрещал размещение солдат в частных домах без согласия владельца и произвольные обыски и аресты. Кроме того гражданам гарантировалось право на беспристрастный суд, а четвертая статья гарантировала неприкосновенность личности [4].

Конституция США и Билль о правах явили собой то, чего так ждали от предыдущих несовершенных документов. В Конституции были зафиксированы основные принципы организации власти, которыми руководствовалось федеральное правительство. В то же время, Билль о правах представлял собой принципы общественного договора, реализация которых стала основной обязанностью правительства, несмотря на излишнюю, как считали многие деятели Конвента, демократичность документа. Таким образом, Конституция США представляет собой юридический документ, определяющий организацию федеральной власти, а Билль о правах устанавливает механизм защиты основных прав и свобод личности от посягательств со стороны правительственных органов.

Создание и ратификация федеральной конституции значительно ускорили процесс объединения американской нации. После 1787 года США – единое централизованное государство, заявившее миру о своих амбициях и готовое отстаивать свои национальные интересы.

В то же время, с конца XVIII – начала XIX века, в стране начинают назревать проблемы, корни которых берут начало еще в колониальный период. Важнейшей проблемой, которая получила самое драматичное продолжение в XIX веке, был вопрос о статусе союза. Хотя Конституция США формально закрепила федеративное устройство государства с широкими правами штатов, республиканцы требовали большего, желая большей (если не полной) независимости штатов от Конгресса, где постоянно сталкивались интересы колоний. Действительно, большинство американцев отличала, прежде всего, верность своему штату, а не федеральному правительству.

Один из самых острых политических конфликтов в истории США – это соперничество федералистов и республиканцев. Конституция предоставила широкие полномочия, как Континентальному Конгрессу, так и президенту, но с обязательной оговоркой о не нарушении прав какого-либо штата. Впоследствии эта оговорка в различных толкованиях служила поводом для массы споров о границах власти федерального правительства, что и породило споры республиканцев и федералистов, которые не утихли даже после исчезновения самих этих партий.

Следует отметить, что спор федералистов и республиканцев на рубеже веков – это, прежде всего, спор о том, что является более значимым: Конституция США или Билль о правах. Хотя формально эти два документа считались частью единого целого, фактически

они отражали совершенно разные позиции, так как многие представители элиты боялись представительства низших классов, отчего и старались отодвинуть Билль о правах на второй план. Но в этом случае победило большинство – под давлением общественности, законодательное признание прав и свобод человека, закрепленное Биллем о правах, стало легитимной частью конституции. Все это ознаменовало собой начало новой эпохи – с этого времени демократия от теории перешла к практике.

Алексис де Токвиль, французский мыслитель, побывавший в Северной Америке в середине XIX века, восторженно называл США величайшим государством мира, отмечая при этом особое единение народа и власти, столь чуждое Европе: *«Но надо всем этим — и над институтами, и над общественно-политическими структурами — есть верховная власть, это — власть народа, которая их разрушает или изменяет по своему усмотрению»* [16]. Так вот именно вопрос о власти народа долгое время не давал покоя правительству. Фактически, по окончании Войны за независимость перед федеральным правительством возникла новая опасность – собственно, народ Соединенных Штатов. Возникла проблема, которая всегда была камнем преткновения мировой политики – вопрос о примирении народа и правящей верхушки.

Американское общество, закаленное в боях Войны за независимость, получило право само определять свою судьбу, и каждый гражданин осознал свою ответственность за происходящее не только с ним, но и со всем государством. Интересно, что американский индивидуализм и чувство общности сочетались в обществе, не мешая друг другу: *«В Соединенных Штатах простые люди понимают одну несложную, но в то же время плохо осознанную народами истину: счастье каждого зависит от общего процветания»* [16].

Сознание общности народа как силы сами американцы считали неотъемлемой частью демократии. Первая поправка к Конституции [4] обеспечивала свободу собраний, что означало возможность создавать политические клубы, общественные и профессиональные объединения. В связи с этим, в Америке укоренилась традиция коллегиальности путем обращения к общественному мнению. Среди общественных объединений даже появились порой не выдвигающие никаких политических или экономических требований, например, так называемые Общества трезвости — это объединения, члены которых обязуются воздерживаться от употребления крепких напитков, которые насчитывали уже 270 тысяч членов. Под их влиянием в одном только штате Пенсильвания потребление крепких напитков снизилось на 500 тысяч галлонов в год [16].

Система власти США предполагала активное участие населения в политической жизни государства. Американские государственные чиновники ничем не отличались от других граждан страны: в Америке не было сложных уставов и правил ношения одежды для чиновничества. Не существовало и особой политической карьеры, связанной с государственной деятельностью как таковой. Важно, что равное представительство и подлинный интерес к политике простые люди проявляли не только на местах, а имели реальную возможность выразить свои взгляды в Конгрессе. Такое положение дел говорит о том, что в США удалось достичь того, что Европа могла видеть только в самые одиозные времена революций: равенства всех членов общества. Однако, хотя социальная напряженность не находилась у опасной черты, нельзя не отметить, что отношения высших и низших классов постоянно балансировали на грани, так как презрение одних и недоверие других создавали определенную опасность [16].

По свидетельству современников, Америка – это страна победившей демократии. Здесь люди, отвоевавшие свои права и свободы, стараются их беречь. Что самое важное, гарантом этих прав является власть, поэтому человек всегда вынужден действовать законно, дабы не давать никакого повода на оспаривание своих прав. Если в Европе XIX века правительство скорее пытается ограничить свободу граждан, то в США правительство заинтересовано в незыблемости гражданских прав, потому как насколько правительство является их гарантом, настолько и эти права гарантируют безопасность и устойчивое положение власти. Отсюда социальная политика США: помощь иммигрантам, низкие цены на землю, широкие права населения и включение его в политическую жизнь – это все проду-

манная и взвешенная политика властей, желающих в первую очередь закрепить свой авторитет [1, с.192].

В целом можно сказать, что к середине XIX века в Америке сформировались основные институты демократической власти, чье влияние утвердилось на всей территории страны. Кроме того – это время консолидации нации, признание общих демократических ценностей и свобод. В то время в Америке, как у ее граждан, так и у иммигрантов, были равные шансы устроить свою жизнь и достойно ее прожить, как гражданину Соединенных Штатов.

Со времен создания Союза политика правительства в отношении общества – это политика постоянных уступок, согласования интересов. Фактически, после эпохи федералистов и сопутствующих ей социальных потрясений, пока в Белом доме пребывали демократы, правительство всячески воздерживалось от какого-либо давления на общество. В этом и заключается основная особенность Соединенных Штатов – моральный перевес, как правило, признавался на стороне масс, и правительство было вынуждено с этим считаться, поскольку сама система предполагает такое положение дел [1, с.199].

Несмотря на множество противоречий, созданная американскими энтузиастами уникальная политическая система, относительно успешно существует до сих пор. Теория и практика народовластия в Соединенных Штатах Америки, успешно основанная на английском и колониальном опыте, в переложении на практику в итоге воплотилась в весьма жизнеспособное и успешное государство, которое, как и предполагал молодой Джон Адамс [3, с.167], стало новым центром мировой политики.

Источники и литература.

1. Paul Johnson A history of American people. «Originally published in Great Britain in 1997 by Weidenfeld and Nicolson». 687 с.
2. Американские просветители. Избранные произведения в 2 томах [Электронный ресурс] / под общ. ред. Быховского Б.Э.: Москва Издательство социально-экономической литературы, 1968. Режим доступа: том 1: <http://lib.rus.ec/node/204697>
том 2 : <http://lib.rus.ec/b/184164>
3. Аптекер Герберт История американского народа: Колониальная эра. М.: Изд-во иностр. лит-ры; 1961. 200 с.
4. Билль о правах [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного департамента США. Режим доступа: <http://www.infousa.ru/government/bill.htm>
5. Бурстин Дэниэл Американцы: Колониальный опыт: Пер. с англ. / под общ. ред. с с ком. В.Т. Оленийника. М.: Прогресс-Литера, 1993. 480 с.
6. Ван Спэнкерен Кэтрин. Краткая история американской литературы [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/spankeren/index.php
7. Декларация независимости Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] // Сайт «Историк.ру». Режим доступа: http://www.istorik.ru/library/documents/declaration_of_independence/text.htm
8. История США в 4 томах: т.1 ред. Болховитинов Н. / Глав. ред. Севостьянов Г.Н.: М.: Наука, 1983.
9. Конституция Соединенных Штатов Америки, 1787 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Исторического факультета МГУ. Режим доступа: www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm
10. Пейн Томас. Здравый смысл [Электронный ресурс] // Сайт «Свободная среда». Режим доступа: <http://inliberty.ru/library/classic/516/>
11. Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.
12. Согрин В.В. История США. Учебное пособие: СПб: Питер, 2003. 192 с.
13. Согрин В.В. Основатели США: исторические портреты. М.: Наука, 1983. 176 с.
14. Становление американского государства / отв. ред. А.А. Фурсенко: СПб: Наука; 1992.
15. Статьи Конфедерации [Электронный ресурс] / Сайт «Викитека». Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Статьи_Конфедерации
16. Токвиль Алексис «Демократия в Америке» [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Я. Кротова». Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/19_t/tok/vil_001.htm

**ИМПЕРАТИВ СИЛЬНОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА
В ТРУДАХ "ОТЦОВ-ОСНОВАТЕЛЕЙ" США**

ЦЫМБАЛОВА Е.В.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Как в XVIII, так и в XXI веке вопросы о способах создания государства актуальны. Исторический опыт Соединенных Штатов Америки ценен для того чтобы увидеть причины и механизмы создания федеративного государства. Возникшее в результате освободительной войны английских колонистов против метрополии 1775-1783 гг., сейчас это государство состоит из 50 штатов, являющихся равноправными субъектами федерации, столичного федерального округа Колумбия и зависимых территорий. Каждый штат имеет свою конституцию, законодательную, исполнительную и судебную власти.

Основным письменным источником, использованным в настоящем исследовании, является сборник «Федералист», состоящий из 85 газетных статей, написанных Александром Гамильтоном, Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем вскоре после завершения Конституционного конвента 1787-го года. Непосредственной целью написания этих статей была защита новой Конституции от резкой критики. Первая статья была опубликована 27 октября 1787 в нью-йоркской газете «Индепендент джорнэл». Публикация серии продолжалась, иногда по три-четыре статьи в неделю, вплоть до 2 апреля 1788 г. Все статьи были подписаны псевдонимом «Публий». Весной 1788 г. (22 марта и 28 мая) сборник из 85 статей общим объемом 175 тыс. слов вышел двухтомным изданием под названием «Федералист: сборник статей в поддержку новой конституции, одобренной федеральным конвентом 17 сентября 1787 г.».

Американский федерализм вырос из колониального опыта [6, с. 580]. В 1783 году тринадцать бывших английских колоний, поднявших в 1775 году оружие против метрополии, одержали победу в Войне за независимость. Возникло новое государство – Соединенные Штаты Америки.

В период непосредственной подготовки Конституции и после ее принятия в стране разгорелась острая политическая борьба между федералистами и антифедералистами (республиканцами). Внешне основой раскола на эти политические группировки было отношение к намеченной Конституцией федеративной форме государственного устройства США.

Федералисты фактически представляли интересы крупной торговой и промышленной буржуазии и плантаторов. Антифедералисты выступали за сохранение конфедеративного устройства Соединенных Штатов. Они выражали устремления малоимущих и неимущих слоев населения – фермеров, мелких предпринимателей и торговцев, удовлетворенных полученной свободой в фактически независимых штатах и опасавшихся диктата сильной центральной власти, напоминавшего об английском колониальном господстве. Во главе антифедералистов были некоторые представители правящего класса, среди них Д. Монро, Т. Бланд, Б. Гаррисон, Э. Джерри, У. Грейсон, Д. Мёрсер, Д. Уоррен, видные виргинские политики Д. Мейсон и Р.Г. Ли [4]. Они считали демократию возможной лишь на уровне штатов.

Среди федералистов нужно отметить активных участников Войны за независимость, II Континентального конгресса и Конституционного конвента – Александра Гамильтона, Джона Адамса (второй президент США), Джеймса Мэдисона (основной автор Билля о правах и четвертый президент США, правда, перешедший от федералистов к антифедералистам) [2, с.33], Джона Джея (председателя Верховного суда).

Свои взгляды они излагали в сборниках "Федералист", имевших большое влияние на просвещенных людей того времени, и в отдельных научных работах. "Федералист" отстаивал идею сильной центральной федеральной власти и систему ее организации в духе Конституции 1787 г. Адамс в памфлете "Мысли о правительственной власти" (1776 г., т.е. до принятия

Конституции) защищал идею "сдержек и противовесов", легшую в основу Конституции, как средство достижения равновесия и взаимодействия властей.

Александр Гамильтон (1757—1804) был одним из тех наиболее видных политических деятелей периода образования США, чьи теоретические воззрения и практическая деятельность оказали решающее воздействие на содержание Конституции США 1787 г., в разработке которой он принимал деятельное участие, будучи членом Конституционного конвента.

А. Гамильтон принадлежал к числу наиболее влиятельных лидеров федералистов. Он считал, что федеративное устройство преодолевает слабость конфедеративной организации США, закрепленной Статьями конфедерации 15 ноября 1781 г. Только сильная центральная власть, по мнению федералистов, способна создать прочное авторитетное государство, и не допустить развития демократического движения обездоленных масс, возросшего после победы в Войне за независимость. Федерация будет барьером, препятствующим внутренним раздорам и народным восстаниям.

Когда 17 сентября 1787 года текст конституции стал известен, разразилась газетная буря, выявившая острое недовольство документом. Противники конституции находили, что в США вновь торжествуют монархические принципы, неизбежно возникновение олигархии, а драгоценные свободы, завоеванные в восьмилетней войне, пускаются по ветру. 5 октября 1787 г. в филадельфийской газете «Индепендент гзетир» была опубликована первая из ряда статей за подписью «Scnline». В ней антифедералист С. Браун подвергал критике идею создания сильного центрального правительства. В Нью-Йорке почти одновременно началась публикация серии антифедералистских статей за подписью «Cato» (Катон). Ожесточенность нападок потрясла создателей конституции. Пожалуй, первым забил тревогу Александр Гамильтон. Хорошо известно его высказывание: «Народ беспокоен и переменчив; он редко судит и решает правильно» [3, с. 185]. Одаренный публицист, оригинальный политический мыслитель, он решил объяснить жителям своего штата Нью-Йорк преимущества новой конституции. Он привлек к сотрудничеству виргинца Джеймса Мэдисона (1751–1836), справедливо считающегося «отцом конституции». Оба – Мэдисон и Гамильтон – были делегатами конституционного конвента. Третьим участником предприятия стал опытный юрист Джон Джей (1745–1829 гг.), одно время президент Континентального конгресса. Хотя Джей не входил в конституционный конвент, его репутация государственного деятеля была непоколебимой.

По обычаю того века все трое решили сохранить анонимность, укрывшись в статьях, написанных для газет штата Нью-Йорк («New-York packet», «Independent journal», «Daily advertiser»), под одним псевдонимом Публий. Для обоснования новейшего тогда кредо федерализма псевдоним Публий был избран сознательно. Имелся в виду легендарный основатель Римской республики Публий Валерий Публикола. Мэдисон, Гамильтон и Джей объединили этим собирательным псевдонимом всех новаторов, тех, кто был за конституцию на конвенте, и выступили от их имени – отцов-основателей США.¹ За полгода они и написали восемьдесят пять статей, появлявшихся с интервалами в один–три дня. В совокупности эти статьи и составили «Федералист». Известно, что Александр Гамильтон написал 51 из них, Джеймс Мэдисон – 14, Джон Джей – 5 статей. Совместно Гамильтоном и Мэдисоном были написаны 3 статьи. Авторство остальных 12 статей остается спорным уже на протяжении 175 лет [5, с. 260].

Политическое эссе посвящено рассмотрению следующих вопросов [9, с. 29-33]:

1. Польза Союза для политического процветания США.
2. Недостаточность нынешней конфедерации для сохранения Союза.
3. Необходимость правительства, по крайней мере, столь же энергичного, как предложения для достижения сохранения Союза.
4. Соответствие предложенной конституции истинным принципам республиканского правления.
5. Ее аналогия с конституцией вашего собственного штата.

¹ Термин «отцы-основатели» – стилизация под XVIII век, его впервые отчеканили написавшие речь по случаю дня рождения Дж. Вашингтона в 1918 году сенатору У. Гардингу, будущему американскому президенту начала двадцатых годов XX в.

6. Дополнительная гарантия, которую даст ее принятие сохранению этого образа правления, свободы и собственности.

Конечно, такие яркие личности, как Гамильтон – в будущем выдающийся министр финансов первого правительства США, Мэдисон – отслуживший два срока президентом страны, Джей – верховный судья США, имели свои личные взгляды и пристрастия. Гамильтон был столь яростным сторонником олигархической республики, чуть ли не монархии, что даже не считал нужным высказываться на всех заседаниях конституционного конвента, выслушивая неудобные ему речи. Мэдисон стоял за очень сильное централизованное правительство, но не смог добиться одобрения своей позиции конвентом. Во всяком случае, они оба не скрывали своих взглядов. Разве только Джей, обучившийся политической премудрости на государственной службе, был более сдержан, чем Гамильтон, в проповеди своих идей, как замечает исследователь его жизни Ричард Моррис.

На Конвенте, созванном в 1774 году, была провозглашена цель защиты Союза. Делегаты сходились во мнении, что процветание Америки зависит от ее единства. Поэтому Д. Джей в «Федералисте № 2» призывает решить, что больше соответствует интересам американского народа – остаться единой нацией с одним федеральным правительством или разделиться на конфедерации.

Федеративное устройство Америки представляется способом преодоления угроз после победы в войне за независимость. Среди общих угроз авторы политического эссе выделяют внешнюю, внутреннюю и экономическую.

Д. Джей поднимает вопрос о безопасности США, опасности иностранного вторжения. Если учитывать тот факт, что Франция и Великобритания являются соперниками США в рыболовстве, судоходстве и морских перевозках, то такая опасность вполне может возникнуть. По его мнению, именно единое государство эффективно, так как безопасность народа сможет лучше обеспечить федеральное правительство. *«Федеральное правительство не только даст меньше справедливых поводов для войны, но у него будет больше возможностей для мирного разрешения конфликтов. Оно будет действовать спокойно и сдержанно, и в этом отношении, как, впрочем, и в других, сможет действовать более обдуманно, чем вступивший в конфликт штат. Чувство гордости за свой штат и людская гордыня заставляют оправдывать все свои действия, мешают признать ошибки или нарушения и поправить дело. Федеральному правительству в таких случаях не будет мешать гордыня, оно будет спокойно и честно размышлять над тем, как лучше выволить обе стороны из тех трудностей, в которые они могут попасть»* [9, с. 42].

Несогласия между штатами, внутренние разногласия заслуживают конкретного и полного рассмотрения. А. Гамильтон в «Федералисте № 6, 7, 8, 9» утверждает, что причинами вражды могут послужить жажда власти, желание первенствовать и господствовать, территориальные споры, коммерческое соперничество. *«Ревность к военной силе максимально затян Timer ее создание. Отсутствие фортификаций, что оставляет границы одного штата открытыми для другого, облегчит вторжение. Штаты, имеющие большее население, с минимальным трудом возобладают над менее населенными соседями. Легкость завоеваний можно сравнить только с трудностью их удержания. Война поэтому окажется беспорядочной и грабительской. Грабеж и разорение всегда отмечают путь даже регулярных войск. Бедствия для населения, которое окажется в центре событий, будут отличительной чертой нашего способа ведения войны»* [9, с. 67].

Федеративная республика способна противостоять внешней силе. Она сможет существовать без внутренней коррупции. Прочный Союз будет иметь величайшее значение для мира и свободы штатов как преграда раздорам и мятежам.

Важность федеративного государства с точки зрения коммерции также является частью аргументации федералистов в пользу единого государства. Неограниченные связи между самими штатами будут способствовать торговле каждого из них путем обмена продуктами не только в интересах удовлетворения взаимных нужд, но также и для экспорта на внешние рынки. А. Гамильтон считает, что создание федерального флота окажет влияние на поведение европейских держав.

«Твердо придерживаясь Союза, мы можем надеяться на то, что вскоре станем арбитром Европы в Америке и сможем склонять баланс европейского соперничества в этой части мира в зависимости от наших интересов. Если мы займем положение, противоположное этой завидной позиции, то обнаружим – соперничество между различными частями скует их всех и разрушит соблазнительные преимущества, которые природа щедро оставила в пределах нашей досягаемости» [9, с. 89].

Единство коммерческих интересов способствует единству страны. К тому же, коммерческое процветание будет содействовать росту государственных доходов. Ведь богатство страны зависит от географического положения, климата, почвы, характера правительства, особенностей правления, способности граждан, уровня образования, состояния торговли, ремесла и промышленности. А. Гамильтон утверждает, что *«в политической арифметике дважды два не всегда четыре»* – к вопросу о распределении этих богатств [1, с. 124].

В «Федералисте № 14» Д. Мэдисон подчеркивает, что главной задачей, стоящей перед федеральной конституцией, является обеспечить прочный союз тринадцати штатов-основателей.

Таким образом, с помощью федеративного устройства Соединенных Штатов Америки достигается множество целей: совместная оборона населения страны, обеспечение общественного спокойствия, регулирование торговли с другими странами и между штатами, надзор над политическими и торговыми сношениями с иностранными государствами. Чтобы все это осуществить и обеспечить, следует распространить законы федерального правительства на каждого гражданина.

Федералисты одержали победу и добились ратификации Конституции 1787 года. В этот период ранней республики главенствовала идея об Америке как о подающем пример эксперименте, удачном по своему характеру. Но все же идея федеративного государства медленно приживалась в США, так как не могла полностью преодолеть сепаратистские идеи и приобрести необходимую стабильность. Впоследствии стали развиваться новые идеи об Америке как о предназначенном человечеству судье, уникальной по великодушию нации. Созданная Конституцией федеративная самостоятельная правовая единица является главной характерной чертой американской системы государственной власти до сегодняшнего дня.

Как говорил Томас Джефферсон, *«справедливое и прочное республиканское правительство»* в Америке *«будет вечным памятником и примером»* для всех народов мира [8, с.24], а заложено это было именно «отцами-основателями» в «Федералисте». *«Это самые красноречивые, безапелляционные и поучительные ответы, когда-либо дававшиеся американским публицистом, – писал в XX веке известный специалист по истории политических систем Клинтон Росситор. – «Идея «Федералиста» состоит в следующем: не может быть счастья без свободы, не может быть свободы без самоуправления, не может быть самоуправления без конституционализма, не может быть конституционализма без морали – и не может быть всех этих великих благ без стабильности и порядка» [7].*

Источники и литература.

1. Eulau, H. Classes and interests in the early American consciousness. Politische Klasse und politische Institutionen. Opladen, 1991.
2. Ford, L.K. Inventing the concurrent majority: Madison, Calhoun, and the problem of majoritarianism in American political thought // J. of Southern history. Athens, 1994. Vol. 60, N 1. P. 33.
3. Hamilton A. The Papers: 27 vols. New York; London, 1961-1987. Vol. 4, p. 200, p. 185.
4. Letters from the Federal Farmer to the Republican / Ed. W.H. Bennet, Alabama, 1978.
5. Martindale, C.; McKenzie, D. On the utility of content analysis in author attribution: "The federalist". Computers a. the humanities. Dordrecht etc., 1995. Vol. 29, N 4.
6. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: Изд. группа «Прогресс-Литера», 1993.
7. Глик Н. Разъяснение Конституции: Записки федералиста. [http://www.infousa.ru/government/ch2.htm]
8. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Издательство «Ладомир», 1997.
9. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа Изд. группа «Прогресс-Литера», 1994.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

ШЕВЧЕНКО Е.И.

Севастопольский национальный технический университет

Понятие "гражданское общество" – одно из ключевых в современной политологии. Актуальность теоретических и практических аспектов этого понятия обусловлена очевидным повышением роли рядовых граждан и их добровольных объединений во всех сферах жизнедеятельности человеческого общества — экономической, политической, социальной, духовной. В трудах ученых прошлого и современности уже более двух тысячелетий гражданское общество рассматривается, анализируется и описывается все более всесторонне, конкретно и достоверно. Однако сегодня возникают новые концепции его развития. Это связано в первую очередь с тем, что процесс формирования гражданского общества не завершен ни в нашей стране, ни в мировом масштабе. Остановимся на определении гражданского общества.

Гражданское общество – это система взаимодействия в пределах права свободных и равноправных граждан и их добровольно сформированных объединений, находящихся в отношениях конкуренции и солидарности, вне непосредственного вмешательства государства, которое предназначено создавать условия для их свободного участия во всех сферах жизнедеятельности общества [4, с. 186]. Построение гражданского общества является целью общественного развития, средством всестороннего обеспечения интересов, прав и свобод человека и гражданина.

В современной политологии гражданское общество рассматривается как сложная и многоуровневая система невластных связей и структур [7, с. 3]. Оно включает в себя всю совокупность межличностных отношений, которые развиваются вне рамок и без вмешательства государства. Кроме того, в него входит разветвленная система независимых от государства общественных институтов, реализующих повседневные индивидуальные и коллективные потребности.

На сегодняшний день выделяют следующие принципы формирования гражданского общества:

- обеспечение прав и свобод человека и гражданина государством, его органами и социальными структурами гражданского общества;
- ликвидация отчуждения человека от социально-экономических структур и политических институтов и реальное обеспечение осуществления принципа равенства;
- регулирование различных видов отношений в сфере предпринимательства, рыночного хозяйствования;
- развитие многообразия форм собственности, среди которых частная собственность в ее различных формах должна занимать доминирующее место в качестве инициативной, творческой основы предпринимательской деятельности;
- развитие ориентированных на регулирование предпринимательской деятельности новых отраслей права (коммерческого, банковского, вексельного);
- реализация многообразия духовной жизни общества, в основе которой – признание гуманистических и демократических по сути общечеловеческих ценностей;
- наличие "среднего класса" как социальной базы гражданского общества;
- отсутствие со стороны государства жесткой регламентации частной жизни его граждан;
- существование развитой социальной структуры, гарантирующей удовлетворение интересов различных групп и слоев населения;
- активное участие в общественной жизни негосударственных самоуправляющихся организаций;

- равный правовой статус в гражданских отношениях, объединение интересов государственных, общественных структур и гражданина;

Становление и развитие гражданского общества является особым периодом истории человечества, государства и права. Общество, отличное от государства, существовало всегда, но не всегда являлось гражданским. Последнее возникает в процессе и в результате отделения государства от социальных структур, обособления его к относительно самостоятельной сферы общественной жизни и одновременно «разгосударствления» ряда общественных отношений. В процессе становления и развития гражданского общества складывались современные право и государство.

Отдельные элементы гражданского общества существовали в некоторых странах античного мира, таких как Греция и Рим, где развитие ремесла и торговли породило товарно-денежное производство, получившее оформление и закрепление в ряде институтов частного права. В Риме существовало понятие «ассоциация равноправных граждан, которые проживают в городе», характеризующее прослойку среднего класса. Но это были только элементы, очаги гражданского общества, существовавшие лишь в отдельных регионах и сочетавшиеся с вертикальными структурами сословно-кастовых обществ [2, с. 54-55].

Период средневековья был менее плодотворным в развитии концепции гражданского общества. Попытки обобщить опыт общения и взаимодействия индивидов вне форм, установленных и контролируемых государством, имели в большинстве религиозный оттенок [2, с. 55].

Некоторые изменения в понимании гражданского общества происходят в эпоху Возрождения, когда внимание все больше начало акцентироваться на отдельной личности, ликвидации неравенства, утверждении права в жизни суверенного государства. Но и здесь и личность, и общество все ещё растворены в государстве. В этот период складывались экономические, политические и идеологические предпосылки гражданского общества. К ним относятся развитие промышленности и торговли, специализация видов производства и углубленное разделение труда, развитие товарно-денежных отношений. При поддержке городов и городского сословия в ряде стран возникали централизованные национальные государства, обладавшие рядом признаков современных государств (суверенитет, государственная казна, профессиональный управленческий аппарат и др.). К этому же времени относится переворот в общественной идеологии, бурное развитие искусства и культуры, широкое распространение протестантской буржуазной этики, оформление в «теорию естественного права» основных общих идей, связанных с представлениями о гражданском обществе как о социально-политическом идеале [2, с. 56-57].

Категория «гражданское общество», отличная от понятий государства, семьи, племени, нации, религиозной и других общностей, стала формироваться в XVIII-XIX веках и была предметом изучения многих ученых: Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, а со временем Г.В. Гегеля, Ж.Ж. Руссо и Ш. Монтескье. В частности Гегель, в его «Философии права» определяет гражданское общество как связь (общение) лиц через систему потребностей и разделение труда, правосудие (правовые учреждения и правопорядок), внешний порядок (полицию и корпорации). В «Философии права» отмечено, что правовыми основами гражданского общества являются равенство людей – субъектов права, их юридическая свобода, частная собственность, незыблемость договоров, охрана права от нарушений, а также упорядоченное законодательство и авторитетный суд, в том числе суд присяжных. Несмотря на устарелость взглядов Гегеля, общество и государство той эпохи, его выводы о самостоятельности гражданского общества как сферы частных интересов по отношению к государству (воплощению публичного интереса), в зависимости общественного строя от разделения труда и форм собственности стали громадным шагом в развитии общественных наук [3, с. 11].

В этот период сложились элементы и ценности гражданского общества. В них входили такие представления о нормах индивидуального существования, как:

- требование личной безопасности;
- принцип равенства всех перед законом;
- право на частную собственность;

- право на частную жизнь;
- признание индивидуальных различий, уважение к другому человеку.

Представления о гражданском обществе не только как о сумме индивидов, но и о системе их связей через экономические, правовые и другие отношения получили развитие в трудах ряда мыслителей, в том числе К. Маркса и Ф. Энгельса. В их произведениях показана динамика соотношения общества и государства, основанная на изменении форм собственности и разделении труда. Прimitивные формы разделения труда, поясняли К. Маркс и Ф. Энгельс, порождали кастовый строй в государстве, вели к огосударствлению ряда сфер общественной жизни, так как первоначальные формы частной собственности несли на себе печать общности. *«Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности... – писали Маркс и Энгельс. – Благодаря высвобождению частной собственности из общности, государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его...».* То есть, марксизм внес элемент классовости в понятие «гражданское общество». К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали данное общество как исторический феномен, результат исторического развития конкретного способа производства. Для них гражданское общество – форма, в которой осуществляется экономическое развитие. Приоритет во взаимоотношениях гражданского общества и государства отдавался первому. Недостатком буржуазного общества и буржуазного государства они считали частный интерес. Как сторонники коллективного интереса К. Маркс и Ф. Энгельс обосновывали изменения в характере гражданского общества и буржуазного государства вследствие социальной революции и появления новой формы диктатуры пролетариата [2, с. 58-60].

Начиная с конца XIX века, происходит расширение сферы влияния, политического признания и утверждения идейного господства концепции гражданского общества в условиях буржуазных революций. Гражданское общество из теоретической конструкции превращается в особую сферу социальной реальности, приобретая тем самым онтологический статус. Например, в Европе получила широкое распространение концепция гражданского общества как особой внегосударственной сферы социального организма, согласно которой индивид получает право развиваться самостоятельно, без какого либо принуждения [2, с. 61-62].

Зарождение и развитие гражданского общества происходит в течение длительного периода эволюции современной цивилизации. Этот процесс имеет много закономерностей, общих для разных стран. Но каждое государство, развивая гражданское общество, вносило что-то особенное, характерное именно для нее.

Проблемы гражданского общества были предметом интереса и дореволюционной политико-правовой мысли в России и Украине. В России эти вопросы рассматривали А. Радищев, А. Герцен и др., в Украине – Т. Шевченко, И. Франко, М. Грушевский, М. Драгоманов и другие. Развивая основополагающие идеи восточной школы, они в то же время внесли национальный элемент в понимание гражданского общества, в частности, касающийся крепостничества, как социального явления, и конкретных условий монархической формы правления в царской России [5, с. 4-6, 9].

После Октябрьской революции 1917 года в Украине сначала наметился процесс формирования гражданского общества. Но он был прерван во второй половине 20-х гг. XX в. установлением тоталитарной системы в СССР, где гражданское общество практически отсутствовало.

После провозглашения в 1991 году государственной независимости Украины концепция гражданского общества принята как общечеловеческая ценность путем закрепления ее отдельных элементов в Конституции страны. Но с внедрением концепции гражданского общества возникло множество проблем, связанных, в первую очередь, с особенностями прошлого режима.

Одной из наиболее острых проблем является выработка перспективного подхода к оценке украинской истории и независимой, самостоятельной идеологической и политической позиции относительно оценки путей и средств развития Украины. Демократизация создает возможности для прогрессивного развития Украины. Перед общественным мне-

нием Украины встала задача – разработать концепцию новой истории Украины, способную дать ответы на все те основополагающие вопросы общественного развития.

До сих пор в Украине продолжаются дискуссии о влиянии государства и о балансе сил государственной власти и общества. Значительная часть населения видит в государстве чужую, коррумпированную силу, не доверяет государственной власти, хоть и придерживается утопической точки зрения, будто исключительно государственными средствами можно создать новое гражданское общество [7, с. 50]. Особенность и противоречие переходного общества, которым является современная Украина, в том, что сложность переходных процессов, с одной стороны, предопределяет укрепление регулирующей роли государства, а с другой – перестройка гражданского общества предусматривает разгосударствление общественных институтов, уменьшение государственного влияния на них. Это обстоятельство подчеркивает необходимость оценки роли государства в переходном обществе, разработки механизмов ее влияния на социальные процессы, определение путей превращения государства в правовое, а переходного общества – в гражданское.

В настоящее время все сферы жизнедеятельности Украины охвачены системным кризисом, начавшимся еще до 2008 г. На уровне руководства государством отсутствует целостное представление о путях выхода из кризиса, не разработана соответствующая программа действий по выводу страны из сложившейся ситуации. Однако молодое украинское государство избрало правильный путь развития – путь цивилизованного общества, которое основывается на общечеловеческих идеалах и ценностях.

На сегодняшний день основными путями построения гражданского общества в Украине являются:

- расширение массовой базы власти, повышение политической культуры населения, создание новых возможностей участия граждан в государственном управлении;

- связывание на законодательной основе деятельности государства и его органов, возможное при формировании правового механизма, с помощью которого можно было бы преодолеть отчуждение человека и гражданина от средств производства, собственности, от непосредственной и представительской форм демократии;

- четкая работа законодательной власти на основе Конституции Украины и других законодательных актов, создание системы независимых общих и хозяйственных судов и других звеньев судебной системы Украины, максимальное расширение сферы судебной защиты прав и свобод человека, формирование уважения к праву и закону [6, с. 12];

- создание экономического фундамента на основе многообразия форм собственности и социально ориентированной рыночной экономики, формирования настоящих институтов гражданского общества рыночного и нерыночного характера, развитие различных форм общественного самоуправления;

- постоянное совершенствование контрольных механизмов обратной связи от общества к государству;

- развитие свободы информации и гласности, открытости общества на основе развития международных связей [1, с.712, 715-716];

- преодоление традиционной конфронтационной гражданской и политической культуры, т.е. стабилизация общества на основе гражданского мира с приданием ему конституционных гарантий;

- воспитание естественного патриотизма на основе уважения к национальному историко-культурному наследию государства и нации [3, с. 243];

- подъем уровня общественного сознания, преодоление кризисных явлений социальной пассивности, усовершенствование политической системы в соответствии с изменением конкретно-исторических условий, разгосударствление всех сфер общественной жизни, которое должно проходить по следующим направлениям:

- в политической сфере необходима децентрализация власти, расширение полномочий местного самоуправления; закрепление принципа многопартийности, целесообразность использования которого зависит лишь от совместной работы политических сил, партийные интересы которых идут параллельно с государственными; создание государством на основе закона равных условий для деятельности полити-

ческих партий, других общественных объединений; запрещение любой политической партии или организации присваивать себе право осуществлять государственную власть; проведение выборов на многопартийной основе; создание общественных приемных, призванных решать интересы социума;

- в экономической сфере на основе принципа свободы предпринимательства должны внедряться принципы рыночной экономики;
- в социальной сфере – закрепление социальных гарантий за экономически незащищенным населением, создание социальных центров, центров реабилитации и адаптации, внедрение государственных программ поддержки населения;
- в культурно-идеологической сфере – отсутствие общегосударственной идеологии, закреплённой на законодательном уровне; отделение церкви от государства, невмешательство государства в дела религии; разгосударствление и деидеологизация образования, науки и культуры, всей духовной сферы общества на основе конституционного гарантированного права на свободу мысли, совести и вероисповедания.

Таким образом, организация гражданского общества в Украине будет зависеть от того, как государство и общество смогут взаимодействовать и достигать общих целей. Лишь тесное их взаимодействие позволит найти природные пути формирования гражданского общества с развитыми экономическими, политическими, духовными и иными отношениями и связями, которое будет функционировать на началах демократии и права.

Источники и литература.

1. Гурицька М. Проблеми та перспективи громадянського суспільства в сучасній Україні // Держава і право. Юридичні і політичні науки. 2008. № 41. С. 711-717.
2. Кальная И.И. Гражданское общество: истоки и современность/ Науч. ред. Проф. И.И.Кальной, доц. И.Н. Лопушанский. 3–е изд., перераб. И доп.. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 492 с.
3. Колодій А.Ф. На шляху до громадянського суспільства. Теоретичні засади й соціокультурні передумови демократичної трансформації в Україні. Монографія. Львів: Видавництво «Червона Калина». 2002. 276 с.
4. Лысенко И.М. Гражданское общество как система «гражданин – общество – местное самоуправление – правовое государство» // Гилея: научный вестник. 2010. № 39. С. 182-191.
5. Пріоритети розвитку громадянського суспільства України. [М. Лациба, О. Вінніков, Л. Сідельнік, Д. Український]. Український незалежний центр політичних досліджень. К., 2008. 188 с.
6. Рубцов В.П. Кроки до громадянського суспільства. Концептуальні підходи до розвитку громадянського суспільства в Україні. Науковий альманах за ред. В.П. Рубцова, А.В. Шестакової, О.О. Ціпуринди, Т.О. Сербинська. К.: Українська Академія Універсології, 2004. 25 с.
7. Сурмін Ю.П. Громадянське суспільство: проблеми і напрями інституційного розвитку: навч. посіб. / уклад.: Ю.П. Сурмін, Т.П. Крушельницька, В.В. Карлова та ін.; за заг. ред. д-ра соціол. наук, проф. Ю.П. Сурміна К.: НАДУ, 2008. 56 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИВАНОВ

Даниил Юрьевич

Аспирант Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

ИРХИН

Александр Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)

КРИЧУН

Марк Михайлович

Исследователь, член Україно-арабского центра в г. Севастополе «Аль-Китаб»

ЛУКАШ

Владимир Яковлевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Республиканского высшего учебного заведения «Крымский индустриально-педагогический университет» (г. Симферополь)

МАЛАФЕЕВ

Леонид Федорович

Доктор философских наук, профессор Таврического гуманитарно-экологического института (г. Симферополь)

МАРТЫНКИН

Андрей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

НЕЛИНА

Лариса Павловна

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И.Вернадского (г. Симферополь)

ПАШКОВСКИЙ

Пётр Игоревич

Аспирант кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И.Вернадского (г. Симферополь)

РАКИЦКИЙ

Денис Сергеевич

Исследователь, член Україно-арабского центра в г. Севастополе «Аль-Китаб»

ТУПОТА

Ольга Михайловна

Научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя, соискатель кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (г. Севастополь)

ЧОРНЫЙ

Сергей Петрович

Аспирант кафедры политических наук Таврического национального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)

* * *

КАРДАИЛЬСКАЯ

Дарья Андреевна

Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

ЦЫМБАЛОВА

Елена Владимировна

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

ШЕВЧЕНКО

Евгений Игоревич

Студент V курса Севастопольского национального технического университета

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Международные отношения в Причерноморье» на VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2010 года / под общей редакцией В.И. Кузицина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

А.В. МАРТЫНКИН, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 27.01.11 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 9,75 п.л., уч. изд. л. 3,25.
Распространяется через сеть Интернет**

